ЗАГОВОРЩИК

молодая гвардия 1930

ЕВГЕНИЙ ХАЗИН

ЗАГОВОРЩИК

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ
ОГЮСТА БЛАНКИ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ОБЛОЖКА и РИСУНКИ
М. РОДИОНОВА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

Типография Изд-ва „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 л., 28. Зак. Изд-ва № 3576. Главлит № А-67386. Печатных лист. 10½. Тираж 10.100 экз.

I

ПЕРВАЯ ТАЙНА

Стук дверного молотка заставил Огюста оторваться от книги.

«Кто еще там? — подумал юноша. Он нехотя встал и направился в прихожую.

За дверью стоял Адольф. Он сунул Огюсту очень тяжелый длинный и узкий пакет, а сам отбежал к перилам лестницы и заглянул в колодезь пролета. Никого... Успокоенный тишиной, Адольф зашел в квартиру и дважды повернул ключ в замке.

— Что это ты принес? — спросил Огюст.

— Потом узнаешь, — буркнул в ответ Адольф. — Иди к себе.

Он поднял пакет и унес его. Как он был — в шинели и в шляпе, он направился к маленькому чулану в глубине черного коридора. Что он там делал, Огюст не видел. Через некоторое время он снова появился в прихожей, стряхивая с шинели приставшую пыль.

— Я вернусь через час, — сказал он и вышел.

Огюст в недоумении проводил глазами старшего брата. Что с ним такое? Адольф был всегда очень спокоен, невозмутим и чинен, а тут вдруг таинственное появление, исчезновение, поспешность, озабоченное лицо... Все это было крайне загадочно.

Через час Адольф вернулся домой с четырьмя пакетами, которые он так же торопливо отнес в чулан. На расспросы Огюста он не отвечал.

Огюста мучило любопытство. В отсутствие Адольфа он подобрался к чулану и даже открыл его. Но стыд отогнал его При встрече с братом он старался не смотреть на него.

Поздно вечером за ужином Адольф сказал строго и серьезно:

— Огюст, завтра нам обоим предстоит далекая прогулка. В восемь часов я буду ждать тебя дома.

Огюст сорвался со стула; он подбежал к брату и посмотрел ему прямо в глаза.

— Завтра мы будем приняты? — спросил он дрогнувшим от волнения голосом.

Адольф кивнул головой.

— А что это за вещи ты принес сегодня? Они имеют какое-нибудь отношение к завтрашнему?

— Да, — улыбаясь, ответил Адольф. — Но о них ты узнаешь потом.

На следующий день, как только пробило восемь часов, Огюст в маленькой мятой фуражке с ленточкой студента права подбежал к комнате Адольфа.

— Огюст! — раздался в это время громкий голос из-за двери. — Ты готов?

— Готов... Готов... Идем скорее.

Братья вышли.

Им предстояло пересечь почти весь город. Адольф шел так быстро, что маленький Огюст едва поспевал за ним. Иногда он отставал и тогда бегом догонял старшего брата. Он пыхтел, злился, но из самолюбия молчал.

Около парка Монсо Адольф свернул налево, в полутемный переулок. Он прошел несколько домов и остановился около двухэтажного старого особняка. За кудрявым палисадником чернела железная дверь, на ней стояла большая цифра 12.

— Номер двенадцатый, — тихо сказал Адольф. — Здесь.

Он поднял молоток и постучал. За окном мигнул огонек. Чья-то рука поставила на окно подсвечник с двумя свечами.

— Кто там? — прошамкал старческий голос из-за двери.

— Нас трое, — уверенно ответил Адольф.

Огюст оглянулся: за ними никого не было. Он удивленно дернул Адольфа за рукав.

— Молчи, — шепнул тот.

Загремел тяжелый болт, и дверь открылась. Адольф назвал себя.

— Пальто и шляпы оставьте здесь. Следуйте за мной,—сказал открывший им старик. Он взял с окна подсвечник и повел братьев по темным комнатам. Мягкие ковры заглушали их шаги. При свете свечей на мгновение вспыхивали зеркала и золоченые рамы на стенах.

В ярко освещенной гостиной их встретил высокий человек, затянутый в черный фрак, прекрасно облегавший его стройную фигуру. Талия его была перехвачена грубой веревкой. Он поздоровался с Адольфом и затем протянул руку Огюсту. Юноша успел заметить блестевший на указательном пальце большой черный перстень.

— Ваш брат? — спросил незнакомец.

— Да, — ответил Адольф. — Мне разрешили явиться одновременно с ним.

— Мне это известно. Он хорошо подготовлен к вступлению в братство?

— О, да.

По знаку незнакомца старик подал братьям по белому холщовому мешку. Адольф, а вслед за ним и Огюст влезли в мешки по самую шею.

— Следуйте за мной, — сказал незнакомец.

Старик откинул портьеру. Первым прошел в дверь незнакомец.

С первого шага ноги Огюста запутались в мешке. На свою беду он посмотрел в сторону. В высоком зеркале он увидел что-то белое, бесформенное, нелепо колышащееся из стороны в сторону и над этой бесформенной массой свое испуганное и сконфуженное лицо. Впереди моталось нечто такое же бесформенное, и над ним торчал хохолок высокой прически Адольфа. Огюсту стало нестерпимо смешно. Он захлебнулся в еле сдерживаемом смехе и кашлянул. В тишине строгой гостиной громкий кашель показался чем-то совершенно непристойным.

От смущения Огюст споткнулся; тело конвульсивно забарахталось в мешке, и он с трудом удержал равновесие Вся кровь бросилась ему в лицо. Опустив глаза, Огюст заковылял вперед.

Снова темная комната... Впереди за дверью—яркий свет. Незнакомец остановился. Огюст и Адольф стали по обе его стороны.

Мягкий голос произнес нараспев:

— Добрые родственники, мне нужна помощь.

Из-за двери незнакомцу ответил рокочущий бас:

— Я слышал призыв доброго родственника: ему нужна помощь. Не принес ли он дерево, чтобы подбросить в костер?

— Я войду и расскажу.

— Войди.

Незнакомец шагнул вперед. Огюст видел его освещенную спину и завитой затылок над тонкой каемкой ослепительно белого воротничка.

Диалог продолжался.

— Мой добрый родственник, откуда ты явился? — пророкотал бас.

— Из лесу, — гласил ответ.

— Куда же ты идешь?

— В камеру чести, чтобы обуздать свои страсти, подчинить свою волю и воспринять учение угольщиков.

Перекличка голосов звучала громко и размеренно, словно удары двух колоколов с далекой колокольни. У Огюста было такое ощущение, словно его, связанного, бросили в колодец; свет и звон сверху притягивают его и держат в воздухе.

— Кого ты привел с собой? — продолжал голос из освещенной комнаты.

— Людей, которые заблудились в лесу, — отвечал певучий голос незнакомца.

— Чего они хотят?

— Вступить в наше братство.

Молчание. Потом новый удар меди:

— Введи их.

Незнакомец, подойдя к братьям, взял их за руки и ввел в освещенную комнату.

Все в этой комнате было странным и непонятным. Вдоль бревенчатых стен чинно сидели люди, опоясанные, как и незнакомец, веревками. В глубине комнаты на стульях с очень высокими спинками сидели трое: председатель и двое «мастеров». В знак своего достоинства они держали в руках топоры. При входе братьев председатель приветственно поднял свой топор.

Церемония продолжалась. Незнакомец что-то говорил, что-то делал, подводил братьев к каким-то предметам, водил их вокруг комнаты. Огюст машинально ходил вслед за ним, произносил подсказанные слова и пил из поданной ему чаши. Он не постигал смысла всех этих таинственных движений, но вся обстановка волновала и тревожила его.

— Встаньте на колени и повторяйте за мной, — услышал Огюст голос незнакомца.

Огюст опустился на колени рядом с Адольфом.

— Я клянусь и обещаю, во имя этого креста и этого железа, отомщающего клятвопреступление, добросовестно сохранить тайну союза угольщиков,—повторял он вслед за незнакомцем — Я клянусь во всех трудных случаях и по мере

сил оказывать содействие своим добрым родственникам и беречь честь их семейств. Если я нарушу присягу, пусть тело мое разорвут на куски и предадут сожжению, а золу развеет ветер, чтобы имя мое, распространившись по всей земле, внушило отвращение всем дорым родственникам.

Клятва произнесена. Огюст и Адольф стали членами тайного революционного общества карбонариев [1].

II
РУЖЬЕ КАРБОНАРИЯ

— У новых братьев есть ружья? — спросил председательствующий.

— Да, — ответил Адольф и искоса посмотрел на Огюста. — По ружью и по пятидесяти патронов.

Так вот что означала возня в чулане: в продолговатых футлярах хранились ружья.

Возвратясь домой, Адольф вытащил их из темного угла. Огюст тщательно осмотрел дорогое, Лепажевское оружие. Ствол с высокой мушкой тускло поблескивал на свету. Курок поднимался туго.

— А патроны? — деловито спросил Огюст.

— Они там, в чулане, — ответил Адольф. — Не разворачивай их до дела.

Когда оно будет, это «дело», никто не знал, кроме нескольких высоких руководителей братства. По первому их знаку

---

[1] Тайное революционное общество карбонариев возникло в первые годы XIX века в Италии как союз национального освобождения. Как предполагают, название свое (карбонар значит угольщик) общество получило от того, что первые тайные собрания происходили в лесах, в хижинах угольщиков, а это наложило отпечаток на все ритулы и тайные символы общества. Основанные во 20-х годах XIX века во Франции революционные общества заимствовали у карбонариев и название, и организационные формы, и ритуалы. Все они имели общую цель—свержение Бурбонов; отдельные же венты (местные организации) объединяли и республиканцев-демократов, и либеральную аристократию, и буржуазию.

все члены братства должны были язиться наготове со своими ружьями и патронами.

Шли дни, месяцы, годы, а сигнала никто не давал. После ряда неудач, провалов и казней карбонарии не решались выступать. Ружье Огюста мирно покрывалось пылью в углу чулана.

Но первый шаг был сделан. Огюст Бланки не принадлежал больше себе. Доверенная ему тайна наполняла его гордостью. Он был бы еще более горд, если бы знал, что в реестрах префектуры против его имени написали: «Придерживается неблагонадежного образа мыслей». Полиция отметила его, хотя он ничего еще и не сделал.

В двадцать лет Огюст был замкнут, сосредоточен и требователен не только к себе, но и к другим. В обществе, среди политиков, в редакциях газет, где он работал, он присматривался и больше слушал, чем говорил сам. Его живой и ясный ум старался проникнуть в тайну того сложного механизма, который руководит государством и жизнью общества.,

Когда же общественное недовольство выливалось в шумные демонстрации, Огюст неизменно оказывался в бунтующей толпе. Он становился тогда стремителен, горяч и решителен. У него был сильный голос, резко выделявшийся среди криков: «Да здравствует свобода!»

В течение одного 1827 года Огюст Бланки дважды являлся домой бледный и сумрачный. В первый раз правая рука была на перевязке. Во второй — забинтовано плечо.

— Что с тобой? — бросался к нему с вопросом Адольф.

— Жандармы... — неохотно отвечал Огюст.

Однажды он не смог притти сам; его привезли товарищи. На лестницу его внесли. Густо окрашенный кровью платок стягивал шею. Юноша, закусив губы, сдерживал стон. Его уложили в постель. Вызванный врач покачал головой при виде глубокой раны.

На следующий день в квартиру ворвалась мать. Она подбежала к кровати.

— Огюст, ты ранен? Сынок мой!

— Пустяки, мама, — пытался успокоить ее Огюст. Он хотел улыбнуться, но только сморщился от боли.

Мать окружила его самой нежной заботой. Огюст не услышал от нее ни упрека, ни скучных наставлений

«Какая она милая!» — думал Огюст, глядя на неотходившую от его постели мать.

После его выздоровления, собираясь в обратный путь в свой тихий Онэ, она порывисто обняла его и сказала:

— Будь осторожен, Огюст. Ты сам теперь видишь: жандармская сабля — не шутка.

Этим ограничились ее наставления.

Все эти мелкие уличные стычки с жандармами были только преддверием больших событий. Разразились они 27 июля 1830 года.

Их никто не ожидал. Они возникли внезапно в одно утро, с первыми криками газетчиков: «Читайте «Монитер»! Король распустил палату! Король уничтожил свободу печати! Читайте в «Монитере» королевский приказ».

Газеты расхватывались. На улицах собирались толпы. В Палэ-Руаяль ораторы призывали толпу к сопротивлению. Скамьи, фонари, уступы лестниц — каждое возвышение служило трибуной. Над городом нависла тревога. Днем на Королевской площади со звоном разлетелся первый разбитый фонарь. Звон битого стекла раскатился по улицам эхом мятежа. На улице Сен-Дени раздались первые выстрелы и пали первые жертвы. К вечеру толпа разгромила склад оружия и вооружилась.

На следующий день Париж увидел баррикады.

После первых выстрелов Бланки бросился в редакцию «Глобуса». В приемной газеты стоял невероятный шум. Все говорили одновременно. На всех лицах была написана тревога и растерянность.

— Мы будем протестовать, — услышал Бланки голос известного депутата. — Но протестовать осторожно, чтобы не разжигать страстей.

«Ладно, не разжигай, когда их нельзя уже потушить». — подумал Бланки. Он видел мятежную улицу и только улыбнулся наивным словам депутата. В глубине комнаты он заметил и главного редактора газеты. Пьер Леру, тряся бородой, что-то горячо доказывал стоявшим около него людям во фраках и торжественных высоких галстуках.

Бланки тотчас же подбежал к ним.

— Господа, — крикнул он — мы накануне больших событий.

Леру со снисходительной улыбкой посмотрел на разгорячившегося юношу.

— Вы преувеличиваете, Бланки, — ответил он.

— Ничуть, — еще горячей возразил Огюст. — Я предлагаю немедленно выбрать Комитет Восстания. Именно сейчас, пока не поздно, взять движение в свои руки и поднять трехцветный флаг [1].

— Да вы с ума сошли! — воскликнул один из стоявших, блеснув на Огюста круглыми стеклами очков в роговой оправе. — Не забывайте, молодой человек, что знамя Франции — белое и только белое.

— А для меня оно трех цветов Великой революции, — воскликнул Бланки.

Леру даже замахал на него руками, как-будто отгоняя призрак революции. Нарочито церемонно поклонившись, Бланки повернулся и направился к выходу.

— Что касается меня, — бросил он на прощание, — то я ухожу, чтобы надеть трехцветную кокарду и взять ружье. До свидания, господа.

---

[1] Трехцветное знамя во время Великой Французской революции сменило, как государственный флаг, белое с тремя лилиями знамя королевского Бурбонского дома. После реставрации Бурбонов (1814 г.) и восстановления белого знамени красно-бело-синие цвета объединяли все революционные и антидинастические силы. Начавшаяся в 30-х годах организованная классовая борьба пролетариата и демократии с крупной буржуазией вызвала появление красного знамени, ставшего с тех пор знаменем революционного пролетариата.

Через полчаса Огюст был дома. Первым делом он извлек из чулана ружье.

— Пришло и вам время послужить! — воскликнул Огюст, проверяя курки ружья. — Да, а патроны...

Все карманы взбухли и обвисли от тяжести патронов. Огюст напихал их куда только мог.

Но как пробраться мимо патрулей? Огюст подошел к окну, распахнул створки и остановился, прислушиваясь к уличному гулу.

От досады и нетерпения он кусал ногти.

Выстрелы! Где это? Огюст лег на подоконник. Выстрелы доносились со стороны Палэ-Бурбон. Стрельба все учащалась.

Огюст накинул на плечи плащ, схватил ружье и выскочил из дому.

На ходу плащ развевался и открывал блестящие насечки ружья. Руки ныли от тяжести. Приклад больно бил по ногам. Бланки летел стремглав по направлению к мостам. Несколько раз он останавливался, чтобы пропустить скачущих в ту же сторону жандармов. Недалеко от Пантеона он едва успел проскользнуть в подворотню, спасаясь от проходившего патруля.

Его слух напряженно ловил все приближавшийся гул сотен голосов, неистовые крики и беспорядочные выстрелы.

Вот и набережная... Осторожно выглянув из-за угла, Бланки увидел бегущую от моста толпу. Где-то впереди высоко над головами развевалось в воздухе трехцветное знамя.

У Огюста захватило дыхание. Он бросился вперед. Через две минуты он смешался с бегущей по набережной толпой.

— К оружию! — ревели где-то впереди. Неистовый поток захватил его и увлек за собой.

Все три дня боев Бланки был в каком-то чаду.

В первый раз, когда над его головой просвистели пули, его только поразила сверлящая мелодия полета. Страшно не было. Скорей даже весело. Он подскочил к двум блузникам,

подкатывавшим к баррикаде изящное тюльбери, и, сам не узнавая своего голоса, крикнул:

— Вали, ребята!

Коляска опрокинулась на груду вывернутых из мостовой камней. Колеса завертелись в воздухе, весело поблескивая стальными спицами.

— Ааа-а!.. послышался рядом чей-то протяжный крик.

Бланки живо оглянулся. В двух шагах от него молодой парень, скрючившись и обхватив руками живот, медленно валился на бок. Двое инсургентов подхватили раненого и унесли. «Аааа-а...»—все еще слышал Огюст протяжный, животный, страшный крик. Только тут он понял или, верней, всем своим существом ощутил ужас смерти, боев, стрельбы.

— Эй, ты, там, малыш! — окликнул Огюста чей-то голос с баррикады.

Бланки медленно, ка кво сне, поднял свое упавшее ружье и подошел к товарищам. Он отыскал свободную брешь, просунул в нее ружье и прицелился. Мушка легла на блеставшие впереди черные лакированные кивера. Упал курок. Загремел выстрел. Кивера пропали в пороховом дыму.

Первый выстрел словно выбил минутную слабость. Все стало ясно и понятно. В одно мгновение Огюст загнал новый заряд в дуло ружья. Снова кивера, выстрел, дым и крики рядом:

— Держись, друзья! Сыпь им в брюхо!

III
ДНИ ЛИКОВАНИЙ

Пал Лувр. Студенты Политехнической школы, первые ворвавшиеся во дворец, выбросили из окна трехцветный флаг. Отряды швейцарцев и гвардейцев с боем отступали, оставляя на месте своих убитых и раненых. В обширных галлереях и залах дворца они еще отбивались от разъяренной толпы. По мраморной лестнице рвались во дворец инсургенты.

Вслед за Лувром пали и другие дворцы; Тюильери и Люксембургский сдались почти без сопротивления. Над величественными фасадами и куполами дворцов поднималась густая завеса порохового дыма. Колонны тронного зала готовы были рухнуть от несмолкавшего рева победоносной толпы. На раззолоченном троне, бессильно уронив руки, застыл труп убитого в последней схватке инсургента; струйка крови стекала по восковой щеке на бурую от пыли блузу.

Когда швейцарцы и гвардейцы бежали, когда несмолкавший в течение трех дней грохот орудий и ружей смолк, Огюст Бланки вышел из дворца.

Толпа бросала его из стороны в сторону; с большим трудом он пробивался вперед.

В течение трех дней и трех ночей он не покидал улицы; спать ему не пришлось и часа; ел ли он за все это время, он

хорошо не помнил. Гул толпы, крики, пение—все сливалось в один несмолкавший рев. От хрипоты Огюст уже не мог ни петь, ни кричать. При криках «ура!» он только высоко поднимал свое ружье с еще не остывшим от стрельбы стволом.

Ненужные уже баррикады, вывороченные мостовые, носилки с ранеными, телеги, подбиравшие трупы, безгласно свидетельствовали о ярости недавних боев. Из домов выходили попрятавшиеся в дни боев горожане. Со страхом и восхищением они оглядывали развороченные улицы и толпы людей с ружьями, пиками, пистолетами и саблями.

Дома Огюста встретил радостный крик:

— Огюст, ты жив, братишка!

Адольф подбежал к нему и заключил в свои объятия. И тотчас же отпрянул.

— Боже, на что ты похож!

Огюст взглянул в зеркало и расхохотался.

— Ну, и хорош же я...

Он был действительно неузнаваем. Ни галстука, ни воротника на нем не было, волосы сбились копной, на разорванном сюртуке чья-то кровь оставила ржавые пятна; на черном, закопченном в пороховом дыму лице лихорадочным блеском горели глаза.

— А все-таки мы победили! — воскликнул он.

— И какая еще победа! — подхватил Адольф. — Ну, иди, победитель, умойся.

Он сам помог ему умыться и переодеться. Фыркая от мыльной пены, Огюст без устали рассказывал брату о боях, о баррикадах, о дравшихся рядом с ним блузниках.

— Да, ты не видел... — прервал он себя на полуслове.

И как был, распространяя по полу грязные ручьи, Огюст побежал в прихожую. Вернувшись назад, он с торжеством протянул Адольфу свою пробитую фуражку: две ровные круглые дырочки чернели на тулье.

— Видишь, Адольф. Пройди она на полтора сантиметра ниже, и я был бы готов. Не пришлось бы мне трепать тут языком.

Адольф смущенно вертел в руках пропахшую порохом фуражку.

— Да, да... — повторял он. — Только полтора сантиметра...

Огюст радостно плескался в холодной воде, смывая с себя грязь и копоть. Через полчаса он принял свой обычный вид. Только на щеках горел непривычный румянец. Жадно проглотив принесенный из соседнего трактира обед, он вскочил из-за стола.

— Адольф, идем...

— Подожди ты, неугомонный... Отдохни хотя бы...—пробовал его урезонить старший брат. Но Огюста непреодолимо влекло из дома.

— Ты выспись... Я выйду и, когда ты встанешь, я принесу тебе все новости.

— Нет. Не могу.

Братья вышли.

К вечеру все дома расцветились плошками. Над общественными зданиями развевались трехцветные флаги. Чем ближе к центру, тем толпа становилась все гуще и шумней. По мостовой проходили манифестанты. Дымные факелы полыхали над головами огненными языками. В рев труб, треск барабанов и несмолкающие крики вплетались мощные звуки марсельезы. Весь город был на улицах, чтобы славить победу народа. Синие, зеленые, коричневые фраки, пестрые жилеты смешались с линялыми рабочими блузами. Высокие цилиндры и рабочие картузы одновременно взлетали на воздух при криках: «Да здравствует народ!»

Толпа подхватила братьев и понесла их.

На Королевской площади, проходя мимо нарядного домика с ярко освещенными окнами, Огюст остановился. Как-то робко глядя в сторону, он шепнул Адольфу:

— Ты иди... А я заиду сюда... На минуточку... Если ты хочешь, мы встретимся потом у Палэ-Руаяль.

Встретиться в этой суматохе не было никакой возможности. Адольф с понимающей улыбкой посмотрел на брата.

2.—3576

— Мы встретимся дома, Огюст. Иди, мой мальчик.

Огюст с трудом выбрался из толпы и шмыгнул в подъезд. В этом доме ему был знаком каждый карниз, каждая ступенька лестницы. Одним духом он взбежал на второй этаж.

В уютной гостиной, уставленой тяжелой, старомодной мебелью. собралась вся семья архитектора Серр. Сам хозяин, спокойный, уютный и грузный, как окружавшие его вещи, поднялся навстречу Бланки.

— А, мсье Огюст!.. Вас-то нам и нехватало, — встретил он юношу. — Вот уж кто радуется, так это вы.

— Еще бы... Как мне не радоваться, когда три дня я не покидал баррикад.

— А? Что я говорила? — торжествующе отозвалась из своего кресла госпожа Серр и радостно закивала буклями высокой прически.

— Мы никто не сомневались в том, что мсье Огюст с его пылким характером не усидит дома в такие дни, — снисходительно возразил архитектор. — Но садитесь и рассказывайте.

Огюст с жаром принялся за рассказ. Он обращался то к архитектору, то к его жене, но то-и-дело поворачивался в сторону маленькой козетки. Оттуда его слушала молодая девушка в голубом платье, мягкими складками ложившемся у ног. Серые лучистые глаза все время были устремлены на Огюста. Девушка видела его среди рушащихся от взрывов ядер баррикад, среди атак, смертей, и ее тонкие пальцы дрожали, перебирая бахрому накинутой на плечи шали.

Донесшийся с площади рев толпы прервал Огюста. Все подбежали к окнам. Факелы освещали несметную толпу, окружившую по середине площади открытый экипаж. Лошади, сдерживаемые сильной рукой кучера в богатой леврее, бились и грызли удила.

Из экипажа высокий, дородный человек раскланивался с толпой. Он кивал лысой головой и холодно отвечал на приветственные крики.

— Да здравствует Казимир Перье! — голосила толпа.

Огюст вспыхнул от возмущения.

— Вот они, вожди народа! — воскликнул он. — Они появляются только после победы, чтобы пожать ее плоды.

Он хотел рассказать о своем споре в редакции «Глобуса», но архитектор прервал его:

— Вы слишком горячи, мой юный друг, — сказал он и, улыбаясь, направился к только-что вошедшим в гостиную людям.

Вслед за ним отошли и другие.

Бланки и молодая девушка остались одни в амбразуре окна.

С минуту они молча смотрели на клокотавшую внизу толпу. Потом девушка прервала молчание.

— Вам было очень страшно? — тихо сказала она, как бы в ответ на свои мысли.

— И страшно, и восхитительно, — так же тихо ответил Огюст.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя он заговорил глухо и взволнованно:

— Сюзанна, если бы меня сразила пуля, я никогда не увидел бы вас. Я часто думал об этом на баррикадах, и тогда мне действительно становилось страшно.

Девушка низко опустила голову.

Бланки замолчал. Какой-то комок сжал горло. Он знал девушку давно. На его глазах из ребенка она стала женщиной, чарующей молодостью и изяществом.

Видеть ее, говорить с ней стало для него давно необходимостью.

Ее рука лежала на темном мраморе подоконника. Бланки прикоснулся к тонким пальцам и тихо сказал:

— Теперь я знаю, что люблю вас. Очень люблю, Сюзанна... И вы будете моей женой. Вы хотите?

Девушка испуганно откинулась назад и отбежала от окна. Бланки остался один, терзаемый одной мыслью:

«Неужели я обидел ее?»

Госпожа Серр позвала его. Ему пришлось присоединиться ко всему обществу. Он говорил, говорил очень много и с большим жаром, но сам не понимал, что говорит. Он не спускал глаз с двери, за которой скрылась Сюзанна.

Прошло, может быть, полчаса, пока в дверях мелькнуло голубое платье. Сюзанна вошла в комнату, подошла к матери и села около нее. Она украдкой взглянула на Бланки. В ее лучистых глазах было такое сияние, что он все понял, и все в нем заликовало.

БЛАНКИ

IV
РЕВОЛЮЦИЯ НЕ КОНЧИЛАСЬ

Три дня боев многому научили Бланки. На баррикадах он впервые столкнулся и прожил бок-о-бок с теми людьми в блузах, которые до сих пор представлялись ему чем-то неопределенным, объединенным в расплывчатом слове «народ». Бланки знал, что этот народ живет в голоде, холоде, невежестве, что на его труде зиждется богатство немногих.

Еще он знал, что та республика, за которую он дрался, должна с корнем изменить жизнь этого народа. Это было знание почерпнутое из книг.

Июльская революция столкнула Бланки с самой жизнью: прочитанное в книгах облеклось плотью горькой правды.

Бланки видел кривые узкие улички, убогие лачуги и грязные дома, в которых солнечный свет был таким же редким гостем, как и мясо, и хлеб вдоволь. На призыв «К оружию!» сырые, прокопченные стены домов десятками выбрасывали новых инсургентов. В той ярости, с которой они бросались на баррикады, сказывалась десятилетиями накопленная обида. Они дрались с мужеством отчаяния, и им-то Франция была обязана победой.

Один старик особенно запомнился Бланки.

Десятка два инсургентов вместе с Бланки спасались от преследовавших их кирасиров. В каком-то кривом переулке в рабочем квартале они заваливали перекресток баррикадой. Каски кирасиров заблестели вдалеке, когда баррикада едва на полметра возвышалась над землей. Обстрел из десятка ружей не мог остановить их. Бланки, смертельно бледный, стрелял без устали. Ружье дрожало в его ослабевших руках.

«Еще две минуты, и нас изрубят в котлеты», — пронеслось в его уме.

Он не заметил, как за баррикадой выросла толпа.

— Ну-ка, сынок, дай мне эту штучку. Я тебе покажу, как надо стрелять, — услышал Бланки. Он оглянулся и увидел какого-то старика в блузе с расстегнутым воротом, обнажавшим широкую косматую грудь. Старик говорил так просто и вместе с тем так решительно, что Бланки беспрекословно отдал ему ружье.

— А ты держи вот это, — продолжал старик и протянул кривую саблю с проржавленным клинком.

Завладев ружьем, старик не торопясь вогнал патрон, приложился и выстрелил. В его крепких руках ружье заиграло. Ни одна пуля не пропадала даром.

За все время атаки кирасиров старик не сошел с места. Он как-будто врос в баррикаду. Крепкая, коренастая фигура с шапкой седых волос высилась над самым гребнем. Невозмутимо, без суеты он осыпал кирасиров градом свинца. Самого его пули не брали.

Когда атака была отбита, старик подошел к Бланки и сказал:

— Эх, хороша игрушка... На, получай обратно.

Бланки как-раз поймал брошенную им вверх фуражку и кричал вместе со всей толпой:

— Да здравствует хартия!

— Брось горло драть. Вот затвердили: хартия, хартия... [1] Хлеба — вот что дайте.

Бланки удивленно посмотрел на него, как-будто услышал какое-то совсем новое слово:

— Хлеба!

Во время последующих боев Бланки несколько раз встречал старика всегда впереди, с где-то раздобытым ружьем в руках.

В последний раз он увидел старика в Лувре. Старик был мертв. Застывшее уже тело медленно сползало головой вниз по ступенькам лестницы; кривая сабля звенела, падая вместе с телом.

Старик умер в момент победы. Умирая, он знал, что жизнью своей заплатил за светлое будущее. Он мог быть счастлив. Тысячи других сражавшихся рядом с ним очень скоро увидели бесплодность принесенных народом жертв.

Черная длинная барка с черным флагом на корме еще уносила вниз по Сене тела убитых инсургентов, у братских могил под стенами Лувра еще не отзвучали раскаты траурного марша, а весь Париж уже облетело одно имя: Людо-

[1] Хартия—конституция, на основе которой управлялась Франция после реставрации Бурбонов. Нарушение конституционных гарантий Карлом X в знаменитых ордонансах (приказе) 27 июля 1830 года вызвало июльскую революцию, свергшую Бурбонов.

вик-Филипп, принц Орлеанский[1] Еще накануне об этом принце никто и не думал. Как-то незаметно его имя вплелось в крики: «Да здравствует победа! Да здравствует народ!» Сперва оно произносилось робко, с опаской, потом все громче, настойчивей и смелей. О принце Орлеанском говорили с балкона ратуши, его прославляли в прокламациях, о нем кричали ораторы на улицах. И не прошло двух недель, как разрушенный трон в Тюильери был вновь восстановлен: милостью революции Людовик-Филипп стал французским королем.

Все пошло по-старому. Перемена была только в том, что хозяином страны оказалась денежная аристократия, вместо изгнанной революцией—родовой. Трудовой люд ничего не получил. Все так же рабочий работал по 12 часов, голодал и оставался таким же бесправным, каким был и до июльских дней.

— Французы, вас обманули! — кричали народу демократы-республиканцы.

За эти слова всего через несколько месяцев после революции Бланки оказался в тюрьме.

Когда за ним захлопнулась тяжелая дверь его камеры и снаружи лязгнул замок, молодой революционер с удивлением осмотрелся. Так вот, что оно такое тюрьма! Каменная, непроницаемая клетка, грязные стены, крошечное оконце за массивной решоткой, за дверью в гулком коридоре тяжелые шаги часовых. Все дни заключения Бланки провел в лихорадочном возбуждении. Вся обстановка тюрьмы вместо того, чтобы подавить его энергию, вызывала в нем бурный

[1] Избранный после свержения Бурбонов королем французов Людовик-Филипп, принц Орлеанский, был популярен среди буржуазии благодаря тому, что в молодости принимал участие в Великой революции и сражался в республиканских войсках против иноземных контрреволюционных армий. Его царствование ознаменовалось жестоким подавлением первых вспышек широкого революционного движения среди пролетариата. Жестокая и неумелая политика призванной им к власти крупной буржуазии привела Францию к новой революции в феврале 1848 года.

протест. Он беспрестанно воевал с тюремщиками, судьями, с префектурой и посылал им письма одно резче другого.

Первое заключение длилось недолго. Но вскоре за ним последовало второе, потом третье... Бланки привык к тюремной камере, как к своей комнате. С великолепным равнодушием он входил в нее и выходил.

С каждым годом пред ним все ясней раскрывалось лицемерие буржуазного государства с его мнимой свободой, хартией и парламентом. Понимание привело его к ненависти и борьбе.

В 1832 году, в третий раз представ перед королевским судом, Бланки бросил ему ошеломившее судей признание:

— Это — война между богатыми и бедными. Зачинщики ее—богачи. Привилегированные классы питаются и жиреют потом бедняков. Их палата депутатов — это безжалостная машина, которая давит двадцать пять миллионов крестьян и пять миллионов рабочих, чтобы выжать из них все жизненные соки. А их налоги — это грабеж тунеядцами трудящихся классов.

И за эти слова Бланки год томился в тюрьме.

На воле маленький студент со значком июльского инсургента стал хорошо известен всем завсегдатаям собраний республиканцев, особенно в манеже Пельтье, где заседало «общество друзей народа».

В первый раз, когда Бланки вышел на трибуну общества, его охватило смущение. Перед ним открылся обширный круг арены, где сидели члены общества, и уходящие амфитеатром вверх скамьи для публики. Все места были заняты; в проходах стояли. Здесь собралось не меньше тысячи человек. Внизу на скамье, в одном из первых рядов Бланки увидел завитую голову незнакомца, вводившего его в общество карбонариев; он был так же важен и торжественен, как и в тот день, когда водил братьев по кирпичному полу карбонарской хижины. Неподалеку от него резко выделялась голова какого-то старика с большим носом и жгучими, черными глазами, странно горевшими на пергаментно-жел-

том, иссохшем лице. Тяжелый, испытующий взгляд старика Бланки чувствовал на себе все время, пока находился на трибуне.

Нервно теребя рыжеватую бородку, Бланки начал свою речь. Сперва он волновался. Голос никак не хотел повиноваться ему: то он дрожал и слабел, то вырывался в крик. Руки мотались беспорядочно и резко. Но постепенно Бланки овладел собой. Речь потекла твердо и ровно. Он говорил о буржуазии, об лавочниках, захвативших власть и посадивших на трон своего короля—«воплощенную лавку». Бланки был резок и беспощаден. Он клеймил правительство за кровавые расправы с рабочими в Лионе, Париже, Бордо и весь зал отвечал:

— Правосудия! Правосудия!

После одного из таких выступлений в зале Пельтье к Бланки подошел знакомый ему старый республиканец и сказал ему:

— Я хочу познакомить вас с одним человеком. Это знакомство будет вам полезно.

— С кем это?

— Увидите.

Они вышли. Бланки подвели к высокому старику, читавшему газету в глубокой нише коридора. Бланки тотчас же узнал черные, жгучие глаза, так преследовавшие его при первом его выступлении. Старик пожал ему руку.

— Вы хорошо говорили, гражданин Бланки. Так говорят настоящие республиканцы.

Это был Буонаротти [1], современник Великой революции, участник «заговора равных» и вдохновитель всех заговоров во времена Империи и Реставрации.

---

[1] Филипп Буонаротти—один из главарей возникшего после крушения Великой революции коммунистического движения, известного под названием „заговор равных". После тюрьмы и ссылки Буонаротти долгие годы жил в изгнании и с чужбины руководил вентами карбонариев демократов. Он умер глубоким стариком в 1837 году, до последнего дня не прерывая своей революционной деятельности.

Бланки чрезвычайно обрадовала эта встреча. Опыт последних лет толкал его на путь не словесной, а вооруженной борьбы.

— Будем стремиться к восстанию, — говорил он своим друзьям. Но как за это взяться? Июльские дни мало чему могли научить: их никто не подготовлял, они вспухнули внезапно и стихийно.

И вот Бланки столкнулся с Буонаротти, вся жизнь которого протекла в собирании революционных сил, в заговорах и подготовках к восстанию. Только он и мог научить Бланки простому и вместе с тем такому трудному механизму тайных обществ.

Старый революционер, всегда окружавший себя непроницаемой тайной, проникся полным доверием к Бланки. Он принимал его у себя дома, куда допускал только несколько самых верных и испытанных друзей. Их встречи становились все чаще.

В маленьком кабинете господина Резан — по привычке к тайне Буонаротти жил под чужим именем — Бланки проводил долгие часы, оставшиеся ему навсегда памятными. Буонаротти усаживал своего молодого друга в кресло и сам останавливался у высокой конторки, высокий, торжественный и спокойный. Он говорил медлённо, как-будто взвешивал каждое слово.

— В то время, — рассказывал как-то Буонаротти о «заговоре равных», — во Франции не было республиканца, который не являлся бы заговорщиком или не был бы готов стать заговорщиком.

Бланки насторожился.

— А разве это не применимо к нашему времени? — прервал он своего собеседника.

— Не совсем... Теперь больше ищут трибуны для проповедывания социальных теорий, а тогда больше верили пистолетам, чем теориям. Мы знали одно: нет равенства, пока существует частная собственность. И мы готовили оружие, чтобы уничтожить это последнее зло.

К Буонаротти и теперь сходились нити назревавших революционных заговоров. Бланки принял в них самое деятельное участие. Все его дни проходили в таинственных свиданиях и совещаниях заговорщиков в задних комнатах какого-нибудь кафе. А дома писались воззвания и прокламации.

V

РАЗРЫВ

— Огюст одумайся. Умоляю тебя... Ты не хочешь видеть, что только губишь себя.

Адольф держал Огюста за рукав пальто, не пуская брата уйти, и с необычной для него горячностью говорил:

— Ведь в твоих поступках нет и тени здравого смысла. Посмотри кругом себя. Разве ты не видишь, что Франции обеспечена теперь полная свобода развития; она идет все дальше по пути социальных реформ. На-днях обсуждался закон о праве рабочих ассоциаций. Каково! Рабочие получают законные средства борьбы! Разве об этом можно было даже подумать до июльских дней? А печать? А просветительные учреждения?

— А голод? А нищета? А безработица? — подхватил Огюст. — А кровь в Лионе, в Бордо, в Париже на улице Трансонен? Это—тоже законные средства борьбы?

Он так сильно стукнул кулаком по столу, что задребезжала посуда.

Тяжелый для обоих братьев разговор продолжался давно. Огюст ушел было и надел пальто, но Адольф втащил его назад в столовую. Спорщики стояли друг против друга.

— Покой — вот что тебе нужно, — сипло кричал Огюст. — Ради душевного спокойствия ты готов стать слепым; ради него ты отказываешься от высоких идеалов борьбы. Ты, как страус, прячешь голову в песок, когда налетает буря.

— Неправда, все неправда! — перебивая брата, кричал Адольф.—Я трезво смотрю на вещи. а ты пьян от револю-

ционных бредней. Тебе нужен бунт, хаос, анархия. Только среди них ты можешь жить. Ты хочешь разнуздать дикие страсти невежественной толпы и отдать ей на разграбление всю страну. Да... Разрушить она сумеет, но строить... Разве бывают на свете чудеса? То, для чего нужны десятилетия, ты хочешь создать в один день. Какое пагубное безумие! Терпение, труд и вера в будущее — только они приведут общество к новой жизни.

— Твоя социальная теория терпения немногим отличается от обещанного иезуитами загробного блаженства. Терпи, трудись, работай на другого, сгнивай в болезнях—и тебе воздастся на том свете. А я хочу жизни—жизни. понимаешь лы ты? — а не прозябания в ожидании будущего блаженства. Его я уступаю иезуитам. И тебе, если хочешь...

— Как ты смеешь!

— Нам не о чем говорить. Мы никогда не поймем один другого. Прощай! И навсегда...

Огюст решительно вырвался и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

На лестнице внизу его догнал крик Адольфа:

— Огюст, вернись!

Огюст только пожал плечами.

На улице холодный ветер ударил ему в лицо. Бланки поправил сползший на бок во время спора гарусный шарф и быстро, не оглядываясь, зашагал по панели. В свисте ветра ему слышался все еще томительный голос Адольфа:

— Вернись!

Пути назад не было. Огюст ясно сознавал, что этот разговор был последним. Назревал он уже давно: Адольф не раз беспощадно нападал на младшего брата за революционную агитацию.

После июльских дней между братьями не стало ни былой дружбы, ни былого доверия. Огюст не верил больше спокойному Адольфу, давно смирившемуся ученому профессору и королевскому чиновнику. Один защищал то, что другой хотел разрушить.

Ссора с братом отрывала Бланки от всего его прошлого. Он любил Адольфа так же, как любил отца, милого и безвольного старика, не закрывая глаз на все его недостатки. Старик-отец недавно умер. Теперь из жизни Огюста уходил брат, которому он был стольким обязан. Семья распалась. С сестрами Огюст виделся редко. Мать... О ней Огюст всегда вспоминал с благодарной улыбкой; в ее порывистости и упорстве Бланки узнавал унаследованные им черты.

Теперь у Бланки была своя семья. Девушка в голубом платье стала его женой. Возвращаясь домой, Бланки знал, что на овальном столе в крошечной столовой, между двумя приборами, уже зажжена бронзовая дорическая колонна, поддерживающая пять свечей. При его появлении из-за бархата портьеры выглянет бесконечно милое ему лицо и маленький ротик, сложившийся в улыбку, певуче протянет:

— Ты пришел, Огюст. Как ты устал, верно, сегодня, милый...

В день разговора с Адольфом Сюзанна встретила мужа против обыкновения в прихожей. Она была встревожена.

— Огюст, тебя ждет в кабинете какой-то человек, — прошептала она с таким видом, будто сообщала какую-то важную тайну.

Бланки нахмурился. Он не любил, чтобы без него пускали кого-нибудь в его комнату. Но на подзеркальнике блестела клеенчатая шляпа с большими полями, какие носили все ревностные республиканцы, а на вешалке висела шинель с двумя пелеринами и высоким меховым воротником. Их вид успокоил Бланки: ожидавший был ему хорошо знаком.

— Отчего же ты испугалась? — спросил он жену.

— Не знаю. Он такой большой, шумный и все расшаркивается.

Бланки засмеялся.

— Ну, что же, пусть расшаркивается. Что тут страшного? — Поцеловав жену в лоб, он добавил: — Не жди меня, Сюзанна. Ко мне должны еще притти, и я буду занят.

Он прошел в свой кабинет. В этой комнате все выглядело сурово и тяжело: черный куб письменного стола, стулья с прямыми, высокими спинками, обитые синим сукном, и простые полки, заваленные книгами и газетами. На жестком кожаном диване сидел владелец клеенчатой шляпы. Он был действительно большой и шумный.

— Ты видишь, как я аккуратен! — ненужно громко воскликнул он, как только увидел Бланки. Он легко подбежал к нему и, вынув золотые массивные часы, надавил пружинку; брегет [1] прозвонил три четверти девятого.

— Мы условились в половине девятого... Прости. Меня задержал неприятный разговор.

— Конечно, конечно... Я вовсе не хочу подчеркивать, что я ждал. Но я горю от нетерпения... У меня столько новостей... Голова идет кругом. И какие новости! — Он даже привстал на цыпочки и приложил кончики пальцев к губам.

Бланки перед ним казался совсем маленьким. Разговаривая, ему приходилось задирать голову, что всегда приводило его в ярость. А Барбэ — так звали гостя — как нарочно, всегда при разговоре подходил вплотную к своему собеседнику.

— Садись же, Барбэ, — настойчиво сказал Бланки и подвинул гостю стул. Тот раскинул фалды фрака, сел и, широко расставив ноги, наклонил корпус к усевшемуся перед ним Бланки.

— Северный форт весь за нас, — громовым шопотом заговорил он. — Среди офицеров там оказались чудесные ребята. Когда произносишь там слово «республика», все глаза загораются огнем. Если бы так было повсюду, то правительству не дожить и до следующей годовщины июльских дней. Но что же Бернар?—Из кармана снова появились часы и пропели мелодичным звоном.

Как-раз в это время из глубины квартиры донесся стук. Бланки вышел и вернулся в сопровождении коренастого

[1] Брегет — карманные часы с боем.

человека, большеголового, костистого, в замазанной рабочей блузе.

— Ну что же ты, Бернар? — воскликнул Барбэ, показывая вошедшему часы.

— Я с работы... Из типографии.

— А... Я только-что рассказывал о северном фронте, — снова начал Барбэ. — Там...

— Ты не очень верь, — спокойно прервал его Бернар, здороваясь. — Все это — революционеры до первого дела.

— Откуда у тебя такая уверенность? Мы еще увидим, кто окажется более стойким.

— К чему эти споры о том, кто будет стоек? — вмешался Бланки. — Меня беспокоит другое. Ты составляешь из них «семьи»?

— Да, конечно. Это будут «семьи» военных.

— А ты забыл наше правило: ни один член общества не должен знать о другом. Живя вместе, солдаты и офицеры очень скоро узнают, кто из них входит в «семью». Чего доброго, они станут еще там собрания устраивать. Ты об этом, конечно, не подумал?

БАРБЭ

— Очень хорошо подумал. Но ты забываешь о военной дисциплине.

Бернар нетерпеливо повернулся и зло отрезал:

— В войсках своя дисциплина, а у нас своя. Члена общества должен знать только его непосредственный начальник и больше никто. Искать сочувствия в армии—это можно, но создавать там заговор—безрассудно. Впрочем, люди у нас будут... А как с оружием? С порохом?

— Готового пороха в нужном количестве нельзя найти,— ответил Барбэ. — Мне удалось купить только один бочонок. Вот смотрите — хорош?

Он осторожно развернул вынутый из кармана пакетик и положил его на стол. Три головы склонились над горсточкой зернистого порошка. Бернар взял пальцем щепотку.

— Сухой... Это хорошо, — сказал он. — Но одного бочонка мало. Придется, видно, самим готовить.

— Тогда нужны две мастерские: одна—пороховая, другая—патронная, — задумчиво сказал Бланки. — Найдем ли мы два помещения?

— Найдем, — уверенно ответил Барбэ. — У меня много адресов.

— Продиктуй их мне. Я пойду осмотрю их. — Бернар взял клочок бумаги и под диктовку Барбэ начал писать.

Отошедший к окну Бланки обернулся и увидел, что Бернар пишет. Он молча подошел к столу, забрал исписанный листок и, разорвав его на мелкие клочки, бросил в горящий камин. Он не отошел, пока пламя не превратило бумагу в пепел. Бернар не запротестовал. По его широкому, почти квадратному лицу расползлась сконфуженная улыбка.

— Что делать, — сказал он, разводя руками, — голова не хочет удерживать сразу столько вещей.

— А ты посмотри на Барбэ. Раньше и он не мог обойтись без записи. а теперь жарит, как-будто урок отвечает.

Пока Барбэ втолковывал Бернару адреса, Бланки снова отошел к окну. Из-за занавески он внимательно рассматривал опустевшую улицу. Услышав за спиной шум отодвигаемых стульев, он обернулся и живо сказал:

— Подождите уходить. Кто из вас привел за собой шпиона?

— За мной никто не шел, я в этом уверен, — отозвался Барбэ. — Почему ты спрашиваешь?

— Посмотри. Только осторожней, не трогай занавеску.

На противоположном тротуаре взад и вперед ходил какой-то человек. Он согнулся в три погибели, борясь с не-

настной погодой. Дождь хлестал ему в лицо, ветер поднимал полы широкого пальто и раздувал их шаром, грозя поднять его на воздух.

— Скверное дело...

— Выпусти нас через черный ход; он выходит на другую улицу, — предложил Бернар.

— Ну вот, ломать себе ноги, — запротестовал Барбэ.

— А ты забыл, что при тебе проба пороха?

— Ну, щепотка одна, что за важность. Я ее выброшу на лестнице.

— Благодарю тебя. Лучше всыпь порох в карман шпику,— засмеялся Бланки.

Он выпустил своих посетителей через кухню и вернулся к окну. Прошло минут десять. Барбэ и Бернар были уже, верно, далеко, а сыщик все еще вертелся против дома.

— Ну, что же... Если ты схватишь насморк, вина не моя,— проговорил сквозь зубы Бланки и опустил край занавески.

VI
ПЕРВЫЙ ЗАГОВОР

Общество «семей» работало в полной тайне. Начальник «семьи» знал своих шесть человек; главари имели дело с «революционными агентами» и через них передавали приказы «семьям». Вступление в общество обставили такой же таинственностью, как во всех тайных обществах. Восстание должно было произойти по данному сверху сигналу. Втихомолку собиралось оружие и готовились патроны. Богатый Барбэ дал деньги на оборудование двух мастерских. Работа там шла без перебоя.

Кроме Барбэ, Бланки и Бернара, о мастерских знали только те одиннадцать человек, которые сами работали в них.

В пороховой мастерской всегда стоял удушливый запах серы: окна открывались только ночью, а вентиляторов было недостаточно. В большой голой комнате всегда жарко натопленной, стояли большие круглые сита, в которых су-

шился готовый порох. В соседней комнате двое студентов без устали крутили ручные мельницы, размалывая комья селитры и серы. Заведующий мастерской Бофур целый день семенил на своих коротких ножках от мельниц к барабанам, от барабанов к ситам и снова к мельницам, пробуя на ощупь, на запах и чуть ли не на вкус зернистую массу. Когда Бланки приносил новые запасы сырья, Бофур живо схватывал их, раскладывал на столе, и начинался долгий, проникновенный осмотр. Один глаз химика прятался за узкой щелкой век, а другой широко открывался под круглой аркой мохнатых бровей.

Ежедневно, лишь только на город спускалась тьма, Бланки отправлялся в опасный путь. Улица Лурсин, где находилась мастерская, лежала в дебрях Латинского квартала. Уличные фонари бросали слабый желтый свет на фасады старых домов, решотки садов, глухие стены и перекинутые через лужи мостки.

Бланки шел быстро. От времени до времени он оборачивался и смотрел, не крадется ли за ним какая-нибудь подозрительная тень. Несколько раз он обнаруживал преследование, и тогда начиналась скачка в лабиринте кривых уличек, садов и темных дворов. Наконец он добирался до высоких обветшалых стен больницы, огибал их и пропадал в темноте, за покосившимся забором дома № 113. Там, в запущенном саду притаился маленький домик, казавшийся необитаемым. Окна были закрыты ставнями весь день и почти всю ночь. Прогнившие ступени шаткого крылечка оседали в грязь, как только на них ступала нога.

После долгих переговоров Бланки впускали. Он передавал все принесенное Бофуру и в изнеможении опускался на стул.

— Сколько сегодня? — спрашивал он.

— О, мы времени даром не теряем, — откликался Бофур, не отрываясь от своей работы.

— Ливров двадцать... Не меньше. — самодовольно пояснял кто-нибудь из работавших.

Потом начиналась беготня. Бофур и Бланки хлопотливо обегали барабаны и сита, выбирая высохший порох для патронной мастерской.

Около полуночи в окно ударяла горсть мелких камушков. Хотя этот стук повторялся ежедневно и всегда в одно и то же время, но каждый раз все невольно вздрагивали. Бофур приоткрывал дверь в темный коридор, и из темноты появлялся Бернар.

Пока Бофур с тысячью предосторожностей, чтобы не пропало ни одно зернышко, ссыпал в принесенный мешок порох, Бернар и Бланки отходили куда-нибудь поодал. За день накоплялось много новостей. То в какой-нибудь «семье» оказывались непорядки, то чересчур горячие люди требовали немедленного выступления, то кто-нибудь из членов вызывал подозрения...

Общество «семей» не было единственной революционной организацией. «Монтаньяры» каждый день грозили поднять восстание; Гюбер один из главарей розогнанного «общества друзей народа» в одиночку строил адскую машину, чтобы взорвать Тюильери. Больше всего Бланки боялся таких преждевременных и обреченных поэтому на неудачу выступлений. Он сжимал кулаки, когда слышал о них.

— А, болтуны! — воскликнул он, и на лбу его ложилась гневная складка. — Они будут кричать на всех перекрестках о восстании, пока в Париж не стянут столько войск, что мы задохнемся в своих норах...

Болтливость и несдержанность внушали Бланки чуть ли не физическое отвращение. Он сам умел хранить тайны и требовал этого от других. Каждый чересчур словоохотливый человек становился ему подозрителен.

— Это—шпион,—настойчиво твердил он.—Он подослан полицией, помяни мое слово. — И он не успокаивался, пока заподозренный им человек не изгонялся из «семьи».

Не любил Бланки и разговора на тему о том, что будет на следующий день после восстания. Истинным республиканцем он считал лишь того, кто искренне желал сокрушения

королевской власти и создания власти народной; всякие теории общественного устроения он решительно отвергал и уклонялся от их обсуждения.

Но главной темой ночных бесед было все то. что касалось пополнения рядов заговорщиков и накопелния оружия. В этом все трое главарей были неутомимы. С величайшим трудом, все время скрываясь от неусыпного надзора сыщиков, Барбэ, Бернар и Бланки проникали в рабочие кварталы, в университетские аудитории, в кафе, в винные погребки, в редакции либеральных газет и вели там агитацию. А ночью они, как тени, крались вдоль стен домов, перенося с места на место боевые припасы.

На обязанности Бернара лежала переноска пороха с улицы Лурсин в патронную мастерскую. К его уходу в углу стоял мешок с очередной порцией пороха. Вперед высылали одного из студентов с потайным фонарем. Слабый пучок света обшаривал кусты, забирался за забор, за строения, за деревья, прокладывая безопасный путь драгоценной ноше Бернара.

Бернар проскальзывал на улицу, и его сгорбленная фигура возвращающегося после тяжелого дня рабочего пропадала в темноте.

Латинский квартал не спал. Излюбленные студентами кабачки еще гудели молодыми голосами; на улице нередко можно было встретить загулявшую кампанию. Тряпичники, и те копошились еще в лужах, выбирая выброшенные лохмотья и кости. Бернар осторожно пересекал квартал и с бесконечными предосторожностями скрывался во дворе за низким фасадом на улице Дофин.

Там, за наглухо запертыми ставнями, ярко горела печь. Жидкий свинец непрерывной струей стекал в формочки и застывал конусообразными пулями. За длинным столом перед заговорщиками выстраивались ряды готовых патронов.

Однажды, перед тем как отправиться на улицу Лурсин, Бланки зашел к Барбэ. Тот недавно закупил изрядное коли-

чество ружей. Бланки предстояло выработать план наиболее безопасного хранения. Во время беседы в комнату вбежал перепуганный на смерть слуга.

— Сударь, — крикнул он дрожащим голосом. — Полиция... Комиссар требует, чтобы его тотчас же впустили.

Барбэ сорвался с места.

— За мной, Бланки! Живей! — бросил он.

По всей квартире разносился бешеный стук в дверь. Барбэ метался от окна к окну, вглядываясь в темноту улицы. При свете фонарей ярко поблескивали сабли и каски солдат: дом был оцеплен. Все двери тряслись от ударов прикладов.

— Назад, в кабинет!

Барбэ выдвинул ящик письменного стола. В полисандровом, обтянутом внутри кожей футляре блестели два элегантных дуэльных пистолета. Одним из них вооружился Барбэ, другой он подал Бланки.

— Пьер, — крикнул он бессмысленно бегавшему по квартире слуге, — беги в кладовую и тащи ружья. Заряжай! Мы не сдадимся так просто, чорт возьми!

Бланки спокойно отстранил протянутый ему пистолет.

— Не геройствуй,—сказал он Барбэ.—Все равно это бесполезно. Пьер, открой дверь комиссару.

Квартиру наполнил тяжелый топот солдатских сапог. Комиссар ворвался в кабинет.

— Вы арестованы именем закона! — крикнул он стоявшим против двери заговорщикам. Затем, обращаясь к следовавшему за ним сержанту, комиссар распорядился:—Начинай... Здесь оставь шесть человек.

Какой-то плюгавый человечек в штатском забегал взад и вперед по всем комнатам и кричал солдатам:

— Сюда! Откройте шкаф. Отодвиньте стол, еще. Так. Пол... Глубже, еще глубже... Так, саблями...

Он ворвался и в кабинет. Увидев Бланки, он всплеснул руками и с ехидной улыбочкой процедил сквозь зубы:

— А, и господин Бланки здесь. Ну что же, тем лучше... Меньше работы... Ха-ха-ха...

Обрадованный такой удачей, сыщик опустился в кресло. Он снял цилиндр, поставил его на пол и клетчатым платком вытер мокрый лоб.

— Обыскали? — спросил он комиссара, показывая глазами на Барбэ и Бланки.

Не успел комиссар ответить, как в комнату вошел сержант, неся в руках штук десять ружей. Сложив их на столе, он обратился к начальнику:

— Прикажете все тащить сюда, господин комиссар?

Сыщик так и метнулся к ружьям.

— Много нашли? — спросил он.

— Да, немало... Целый склад...

— Ого, ну и «семейки»... Запасливые...

Арестованные сидели на диване, окруженные полицейскими. Услышав слово «семейки», оба вздрогнули и переглянулись. Обоим стало ясно: общество «семей» было раскрыто.

Комиссар оторвался от писания.

— Обыскать, — коротко отдал он приказ.

Платки, часы, записные книжки, кошельки — все содержимое из вывернутых карманов Бланки и Бернара перешло на стол. Не довольствуясь этим, полицейские ощупывали одежду и добирались до тела. Лицо Барбэ было так красно, что, казалось, кровь брызнет из его полных щек.

— Руки прочь, — крикнул он, когда полицейские принялись расстегивать его жилет.

— Ну, ну, господин Барбэ, без шалостей, пожалуйста, — отозвался комиссар. Не отходя от стола, он перебирал разложенные на нем предметы. На часах Барбэ он задержался. Причмокивая губами, он открывал одну крышку за другой, любуясь прекрасной игрушкой. Он с сожалением оставил ее, чтобы взяться за бумажник Бланки, и высыпал все бумаги на стол.

Все время, даже при обыске, стоявший спокойно Бланки вдруг сорвался с места. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, одним прыжком он оказался около комиссара.

«Письмо... письмо!» — билось у него в мозгу. По какой-то дикой случайности он забыл, что в бумажнике лежит только-что полученное им письмо с самыми секретными сведениями. Какая оплошность! И он, Бланки, допустил ее! В одно мгновение он выхватил из рук комиссара злополучную бумагу и отскочил в сторону.

— Отдайте письмо! — рявкнул комиссар и бросился к Бланки. С другой стороны на помощь Бланки рванулся Барбэ. Четверо полицейских во-время остановили его.

Маленький Бланки был увертлив, как угорь. Он выскользнул из рук комиссара. Двое полицейских бросились на него. Спасаясь от них, Бланки вскочил на стол и опрокинул за собой тяжелое кресло. Секундной задержки было достаточно, чтобы он разорвал письмо в клочья.

— Так, малыш, так. Рви мельче! — кричал Барбэ.

Но Бланки уже настигли. С перекошенным от злобы лицом он толкнул высокую колонну со стоявшей на ней вазой. Звон разбитого фарфора смешался с воплем комиссара: колонна упала на лакированный сапог. Комиссар подскакивал на одной ноге и хрипел:

— Держи его!

Полицейские уже схватили Бланки. Как затравленный зверь, он беспомощно озирался, где бы найти спасение. И вдруг, с силой рванувшись вперед, он упал на пол. Разжатый кулак высыпал в широко раскрытыый рот скомканные клочки бумаги. Бланки судорожно глотал их.

— Молодец, малыш, — торжествуя, кричал Барбэ, барахтаясь под четырьмя навалившимися на него полицейскими.

VII
В ТИШИНЕ ПОЛЕЙ

В Сен-Пелажи Бланки встретили как старого знакомого. Надзиратель равнодушно открыл перед ним дверь камеры. От четырех щербатых стен и грязного оконца за решоткой дохнуло знакомой тоской неволи.

Еще в префектуре, куда привели арестованных, Бланки узнал, что раскрыт весь заговор. Полиция разгромила обе мастерские и захватила изрядное количество пороха и патронов. Арестованные унылой вереницей высаживались из тюремной кареты у подъезда мрачной серой казармы префектуры.

Как ни был осторожен Бланки, а в общество все же проникли шпионы. Власти знали все и о замыслах, и о людях, вплоть до участия в заговоре воинских частей. Последнее обстоятельство спасло заговорщиков. Правительство не захотело раскрывать участие офицеров; по отношению к ним оно ограничилось переводом нескольких полков в Африку. Что же касается главных заговорщиков, то суд приговорил их всего к двум годам тюрьмы.

Через восемь месяцев амнистия 1838 года раскрыла перед Барбэ и Бланки двери тюрьмы. Въезд в Париж был им все же запрещен. Барбэ уехал отдыхать в свое имение, а Бланки поселился в городе Жанси на берегу Уазы.

В маленьком домике на краю города пахло вымытыми полами и резедой. Ситцевые занавески в пестрых цветочках скрывали просторные комнаты от пыльной улицы. Окна выходили и в сад, где низкая густая резеда росла среди тюльпанов роз и анемонов. Сад был маленький, уютный и тесный. На крохотной зеленой лужайке две яблони на костылях подпорок клонили ветви к земле под тяжестью плодов. Звенели комары; с близких полей прилетали крики иволги.

Здесь был покой, тишина и ленивые будни вынужденного отдыха.

Тишина сторожила легкий сон розового ребенка, раскинувшегося за кисейными занавесками колыбели. Сыну Бланки было два года. Вокруг него сосредоточивалась вся жизнь. Проснувшись, он сперва открывал большие, синие, всегда удивленные глаза, озирался и, не увидев около себя матери, призывал ее звонким, настойчивым криком. При виде знакомого чепца мальчуган, издав последнюю пронзительную ноту, замолкал. Сюзанна подбегала к колыбели

и откидывала занавеску. Вслед за ней осторожно, на носках входил Бланки.

Веселой возне с ребенком он отдавал теперь много часов. Вдали от напряженной, опасной работы он весь как-то смягчился, заулыбался и расцвел простой и ясной радостью. Людям, знавшим его в Париже, видевшим его на трибуне, в суде, в тюрьме, среди заговорщиков, было бы странно увидеть его в саду, на солнце, рядом с розовым мальчуганом роющимся в ярко-желтом песке. Бланки строил сыну целые крепости из песка, окружал их рвами и стенами в бойницах и, как ребенок, радуясь, окружал их лесами из травинок, листьев и цветов. Мальчуган командовал; Бланки точно исполнял все его прихоти.

За этим занятием его застал как-то приехавший к нему из Парижа Бернар, единственный из главарей не арестованный при провале «общества семей».

Был яркий, безоблачный день. Под акацией, среди песочных сооружений, сидели отец и сын, оба в белых мягких шляпах и, заливаясь смехом, разрушали высокую, чуть ли не в полметра, башню. Они не слышали ни скрипа калитки, ни тяжелых шагов по гравию.

Бернар остановился, не решаясь прервать мирную игру. Он и не приезжал бы сюда, по крайней мере некоторое время, если бы не настойчивые требования Бланки, хотевшего все знать и хотя бы издали участвовать в общественной жизни.

Башня рассыпалась, завалив красиво насаженные леса, и оба разрушителя захлопали в ладоши.

Бернар невольно засмеялся. На его смех Бланки живо обернулся и вскочил на ноги. На лице заговорщика была смущенная, почти робкая улыбка.

— Как видишь, мы тут не теряем даром времени,—сказал он, подходя к Бернару и на ходу стряхивая с себя золотые песчинки.

— У нас тут война — во какая! — пошутил он и, обернувшись к дому, закричал:

— Сюзанна, я ухожу.

Оставленный ребенок с плачем колотил лопаткой по песку: мальчуган требовал продолжения игры.

Бланки увел Бернара в беседку. Удостоверившись, что кругом никого нет, он уселся рядом с ним на скамью и заговорил вполголоса:

— Ну, рассказывай...

— Опять провал... Арестовали восемнадцать ливров пороху. Ламьесанс...

— Опять Ламьесанс?

— Да.

— Избавься от него. Он не глуп, но очень подозрителен. И затем нужно окончательно решить не хранить большого количества боевого снаряжения. Вооружаться—на месте. Для этого нужно заранее разузнать о всех оружейных складах.

— Я это делаю. Студенты обходят все склады под видом покупателей. На это они вполне годны. Вообще же белоручек в обществе не будет. Я принимаю в члены только рабочих. Ты с этим согласен?

Бланки задумался. Рука машинально вычерчивала палкой на земле какие-то замысловатые фигуры.

— Ты прав, — ответил он после недолгого молчания. — Если кто дерется, то бедняки. На этот раз никакой игры в заговор... А студенты—болтуны... Несколько испытанных революционеров, чтобы начальствовать над «временами года», остальные — рабочие. Так будет верней.

Беседа продолжалась долго. Бланки сидел, низко опустив голову. Он слушал Бернара с настороженным вниманием. Он расспрашивал о новых членах, о настроении в столице, о политических событиях, о подпольных газетах и обществах, о полицейских уловках. Под конец, провожая Бернара, он сказал ему:

— Я, кажется, не выдержу и приеду в Париж. Не могу я знать обо всем только по беседам с тобой. Хоть бы на два дня пробраться мне в Париж, тогда у меня хватит терпения досидеть до конца.

Бернар решительно запротестовал:

— И не думай об этом. Попасться теперь, когда ты будешь нужен через несколько месяцев — что за ребячество! Ты должен дать мне слово, что не тронешься из Жанси.

— Не могу больше.

— Ты должен.

БЕРНАР

После отъезда Бернара Бланки вернулся в дом угрюмый и хмурый. За обедом он все время молчал. Из стоявшей перед ним тарелки он выбрал несколько картофелин, съел их, а тарелку с шумом отодвинул.

Сюзанна нарочито весело рассказывала о шалостях сына.

— Что с тобой, Огюст? — тревожно спросила она, когда Бланки отодвинул тарелку, и тотчас умолкла.

Бланки повернулся к ней. Он увидел склонившийся к столу крутой лоб и белую шею, перехваченную черной бархатной ленточкой с дрожащей на ней, как слеза, жемчужиной. Ему стало нестерпимо жаль Сюзанну. Но он был бессилен помочь ее горю: он не мог изменить свою жизнь и ради семьи отказаться от борьбы.

— Прости меня, Сюзанна... — Бланки подошел к жене и Играя с ним, он забывал все свое нетерпение и мучительное нежно провел рукой по волосам. — Я пойду к сыну.

Около ребенка он снова обрел спокойствие и ясность. чувство неволи. Оно возвращалось только тогда, когда приходили вести из Парижа.

Там, в далеком Париже, шла тайная, упорная и кропотливая работа. На смену разгромленному обществу «семей» собиралось общество «времен года». Заговор разростался с каждым днем. Сперва заговорщиков было несколько

десятков, потом сто, триста, пятьсот и со временем число их приблизилось к тысяче.

Тысяча человек для Парижа, где правительство могло выставить против заговорщика шестьдесят тысяч национальных гвардейцев и несколько тысяч солдат линейных полков! И все же руководители заговора считали, что они смогут одержать победу.

— Париж ждет только знака,—говорили они.—Согласное и решительное выступление небольшой революционной армии увлечет за собой весь город. Предместья восстанут... Солдаты—тот же народ... И лавочники из национальной гвардии не устоят против восставших масс.

Заговор созревал в еще большей тайне, чем раньше. В основе организации лежало правило: каждый член общества знает только своего непосредственного начальника, от которого получает приказания, и несколько человек своей группы. Группы были невелики: шесть человек составляли «неделю», ее командир носил название «воскресенье». Четыре «недели» составляли «месяц» с «июлем» во главе, а из трех «месяцев» создавалось «время года» с командиром — «весной». Во главе общества стоял комитет; входящих в него лиц знали только несколько «революционных агентов», передававших «веснам» распоряжения комитета.

В тайный комитет входили: Бланки, Барбэ и Бернар.

«Недели» комплектовались из рабочих. «Революционные агенты», «весны» и другие командиры были набраны среди старых и верных заговорщиков.

Полицейские ищейки рыскали вокруг да около, вынюхивали, выспрашивали, высматривали, но не могли преодолеть непроницаемую стену тайны.

Заговор рос и укреплялся.

Ждали Бланки. Но отгорело лето, прошуршала опадающими листьями золотая осень, прогудели ледяные ветры и небо свинцовой пеленой повисло над маленьким домиком с зелеными ставнями, снова вернулось жаркое солнце, и только тогда для Бланки пришла долгожданная свобода.

VIII
РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ

Париж оглушил Бланки. Он радовался уличному грохоту и суете, бесконечному потоку экипажей, фонарей, громадам домов, крикам газетчиков и хлопанью бичей. Даже первый увязавшийся за ним сыщик обрадовал его. Заметая следы, он шмыгнул в проходной двор и пришел в восторг от того, что не забыл всех потаенных мест, где можно вдруг исчезнуть, словно провалился сквозь землю.

С первого же дня приезда Бланки с головой ушел в работу.

Общество «времен года» готовилось к выступлению. К приезду Бланки все было готово. Ждали только знака к выступлению. Порох припасен, склады намечены к захвату, план восстания разработан в деталях еще в Жанси. Из руководителей не оказалось только Барбэ. На предложение Бланки он обещал явиться по первому вызову, но все не появлялся.

— Довольно ему, я думаю, прохлаждаться, — воскликнул Бланки, узнав об отсутствии Барбэ. — У нас и так мало командиров.

Он спешно вызвал Барбэ. Тот приехал в Париж. Первое свидание прошло вяло. Тысячи сомнений одолевали Барбэ.

— Ты больше не хочешь? — прямо поставил ему вопрос Бланки. — Я не хочу заставлять тебя.

У Барбэ вырвался жест негодования.

— Как-будто дело в моем желании или нежелании,— возразил он. — Я нахожу момент неподходящим — вот и все. Ты сам видишь, что за последние два года все улеглось, нигде не чувствуется общественного подъема. Как же при таких условиях рассчитывать на успех восстания?

— Ты ошибаешься... Движение не умерло; оно только утихло... До первой бури. Кроме того, ты забываешь о самом главном: наша честь руководителей обязывает нас не лед-

лить. Если мы отложим бой, люди разбегутся и нам их больше не собрать.

— Что говорить... Я приехал — значит, я ни от чего не отказываюсь.

— Тем лучше.

Бланки встал и вышел.

Разговор происходил в квартире, снятой для конспиративных целей. В ней было много комнат, несколько выходов и почти никакой мебели. В потаенных местах заговорщики рассовали не мало пистолетов, ружей, сабель и патронов.

В соседней комнате Бланки столкнулся с одним из революционных агентов, Нетрэ.

— А я за тобой, — обратился он к Бланки. — Ты хотел посмотреть, как происходит прием новых членов.

— Да. Пойдем. Но нельзя ли сделать так, чтобы меня не видели.

— Ты забыл, что новичка приводят с завязанными глазами. Да и свет мы зажигаем не надолго.

В комнате уже потушили свет, когда они вошли. Откуда-то из глубины комнаты доносился голос, гулко разносившийся в пустой комнате. Говоривший то напирал на каждое слово, то переходил на четкую скороговорку.

— Это—Мейяр,—назвал Нетрэ одного из революционных агентов. — Он сейчас кончит вступительную речь и перейдет к вопросам.

Бланки сел поодаль и прислушался. Мейяр задавал теперь вопросы. Откуда-то из темноты ему отвечал глухой, как-будто идущий из подземелья голос нового заговорщика.

«Как у карбонариев, — подумал Бланки. — Но только теперь все по-иному».

Отвечавший, повидимому, очень волновался; голос его дрожал; очень часто он не находил нужных слов и начинал путаться, пока Мейяр или Нетрэ не приходили ему на помощь.

Бланки слушал и не узнавал им же самим написанные слова: так торжественно и строго звучали они.

— Чьи интересы преследует правительство? — спрашивал Мейяр.

— Интересы привилегированного класса.

— По какому праву оно правит страной?

— По праву силы.

— Каков основной порок общества?

— Эгоизм.

— Что заменяет теперь в обществе честь, добродетель и честность?

— Деньги.

— Кто уважаем в обществе?

— Богатый.

— Кто презрен, кого преследуют и ставят вне закона?

— Бедного и слабого.

— В чем основа настоящего общества?

— В равенстве.

— Чего мы хотим: революции политической или социальной?

— Конечно, социальной.

— Можно ли довольствоваться только разрушением трона?

— Мы должны уничтожить всех аристократов и всех людей привилегированных классов, кто бы они ни были.

— Кто должен заменить их у власти?

— Правительство самого народа.

— Те, что имеют права, не исполняя никаких обязанностей, как теперь аристократы, составляют ли они часть народа?

— Они не должны входить в состав народа; для общества они—то же самое, что рак для человеческого организма. Первым условием выздоровления является уничтожение рака.

Диалог длился долго.

— Встань, гражданин, — произнес наконец Мейяр, — и повтори за мной клятву.

Послышался стук отодвигаемых табуреток. Секунда молчания, и потом два голоса:

— Именем республики я клянусь вечно ненавидеть всех королей, аристократов и всех притеснителей человечества. Я клянусь, что буду нерушимо предан народу; каждый человек будет моим братом, кроме аристократа. Я клянусь, что отомщу притеснителям. Я клянусь, что отдам свою жизнь,

взойду на эшафот, если эта жертва будет необходима для торжества народа и равенства.

Снова движение. Бланки знал: Нетрэ вкладывает кинжал в руку нового заговорщика.

— Пусть я буду наказан смертью, пусть меня пронзит этот кинжал, если я нарушу клятву. Я согласен, чтобы со мной поступили как с предателем, если я открою хоть что-нибудь об обществе даже моему самому близкому родственнику.

Нетрэ высек огонь и зажег стоявшие на столе три свечи.

4.—3576

Теперь Бланки увидел гладко выбеленные стены комнаты, стоявший у одной стены простой стол и за ним трех человек: председателя, заседателя и поручителя. Над столом на красном, прибитом к стене щите висел фригийский колпак над двумя скрещенными кинжалами.

Увидел Бланки и нового заговорщика. Это был рослый парень, курчавый и круглолицый, в непомерно длинной, засаленной блузе. Широкой ладонью он вытер пот с раскрасневшегося лица. Около него стоял Нетрэ и, снимая повязку с его глаз, говорил:

— Теперь ты — член общества. Поздравляю тебя. Помни что скоро ты будешь нужен.

— Я только этого и жду, — ответил блузник, подняв на Нетрэ свои круглые, наивные, как у ребенка, глаза.

— Ну, этот не врет, — шепнул Бланки Мейяру. — Кто он?

— Повар Флотт; кажется, так его фамилия, — ответил Мейяр. — Хороший парень.

— Да, да, — отозвался Бланки. И тихо, чтобы не привлекать к себе внимания, он вышел из комнаты.

Каждая встреча с рядовыми членами общества заставляла его насторожиться. «Вот еще один», — говорил он себе. Сознание ответственности за всех этих людей лежало на нем тяжелым, неотступным бременем. За ним шли; твердая поступь идущих за ним толкала его вперед, все вперед к им же самим указанной цели.

Перед выступлением Бланки не раз проверял свою армию. Это были своеобразные смотры, на которых солдаты не видели своего командира, а командиры не видели своих солдат. Производился он среди бела дня на шумных и людных улицах.

Последний смотр был назначен на 5 мая. Каждый из трех членов комитета проверял свой «корпус».

Бланки производил смотр частей на улице Сен-Дени.

Было шесть часов дня. Косые лучи заходящего солнца золотили окна в верхних этажах высоких, серых домов. Внизу все еще кипела жизнь торгового квартала. Улица

была слишком узка, чтобы вместить непрерывный поток телег, фургонов и карет. Гремели колеса. Хлопали бичи. Хриплыми голосами перебранивались возчики. Склады выбрасывали и поглощали в своих недрах тюки и ящики с товарами.

Здесь было царство товаров, денег, больших торговых оборотов, купли и продажи. И никто не подозревал, что тут же рядом, в кафе и винных погребках небольшими группами сидели заговорщики, готовившиеся взорвать весь косный мир буржуазного благополучия.

Бланки затерялся в толпе. Он начал обход с улицы Тикетон. Стоявший на углу около витрины магазина худощавый человек, длинноголовый и остроглазый, направился к нему навстречу с вежливым поклоном. Бланки пожал протянутую ему руку в нежно-сиреневой перчатке.

— Говорите, — тихо сказал он.

Заговорщик, как-будто речь шла о вчерашнем кутеже, быстро заговорил:

— «Весна 5-го времени года». Явилось 60. Настроение прекрасное.

— Хорошо. Распустите людей.

Еще раз вежливо раскланявшись с Вилькоком—так звали начальника 5-го «времени года» — Бланки нырнул в толпу и продолжал свой путь.

На следующем углу бородач Шарль встретил его таким же непринужденным поклоном.

— «Весна 6-го времени года». У меня 64. Люди теряют терпение.

— Надо ждать. Распустите людей.

— Эй, берегись! С дороги...

Громадная бочка с грохотом скатилась с телеги и покатилась к раскрытым дверям оптового склада.

Бланки едва успел отскочить в сторону. Бежавшие за бочкой возчики разъединили его с Шарлем. Но рапорт 6-го «времени года» был кончен. Бланки кивнул головой бородачу и двинулся дальше.

На углу улицы Божьих Дев произошла задержка. Стоявший здесь рыжий Дюбоск — 8-я «весна» — виновато шепнул:

— О трех неделях я еще не имею сведений.

— Опоздание? Почему?

— Причины я еще не знаю.

— Идите вперед. Я следую за вами. Если задержитесь, я буду ждать вас на другом конце улицы.

Он пошел за Дюбоском по улице Божьих Дев. К Дюбоску подходили какие-то люди и, сказав ему несколько слов, исчезали: это «июли» рапортовали «весне». Не доходя до угла, Дюбоск замедлил шаг. Бланки догнал его.

— Ну что? — спросил он, поровнявшись с ним.

— Все в сборе. В наличии 58 человек. Шляпочники задержались на работе в мастерской.

— Хорошо. Настроение?

— Бодрое.

— Ждать осталось недолго. Распустите людей.

Смотр удался.

Вечером на свидании главарей Барбэ разразился трескучими речами. Он был в таком восторге, что совершенно забыл недавние сомнения.

— Мы победим! — воскликнул он, как бомба, влетая в комнату, где его уже ждали Бланки и Бернар. — В этом не может быть сомнения. Такая дисциплина, выдержка и точность... Мы можем не сомневаться в том, что в наших руках настоящая революционная армия.

Бланки искоса посмотрел на разгорячившегося инсургента. Его тонкие, всегда сильно сжатые губы разомкнулись в насмешливой улыбке. «Ого, заговорил наш вояка!..» это было все же лучше, чем кислая мина.

— Я восхищен тобой! — Барбэ остановился против Бернара и торжественно протянул ему руку. — Ты — великий организатор!

На всегда неподвижном лице Бернара не отразилось и тени гордости.

— Ты преувеличиваешь, Барбэ, — совершенно спокойно ответил он. — Ничего нельзя знать наперед. Удача смотра еще не дает полной гарантии.

Бланки сочувственно закивал головой.

— Ты со мной согласен? — спросил Бернар.

— Конечно. Нужно считать, что под ружье станет не больше половины.

Теперь Барбэ упрекал своих сообщников в неверии. Бланки посмеивался. О, он верил в победу. Но обольщаться первым успехом — это было решительно не по нем.

IX
К ОРУЖИЮ!

Восстание назначили на 12 мая.

В час дня заговорщики собирались на смотр. По сигналу главарей смотр превращался в восстание. Накануне оповестили всех членов общества и распределили роли.

Все утро Бланки провел в тревоге. На столе лежала карта Парижа. Шагая по комнате, Бланки то-и-дело останавливался перед ней в глубокой задумчивости. Палец скользнул по расцвеченному полю. Не перенести ли сюда заграждения? Здесь ли строить главную баррикаду?

В этот день на карту ставилось все: смерть или победа.

План был прост и ясен. Сперва вооружиться. Для этого намечен большой склад оружия Лепажа. Вооруженные заговорщики кратчайшим путем направляются к Ситэ, переходят мосты и захватывают полицейскую префектуру. Здесь — штаб революционной армии и укрепленный лагерь восставших. Все подходы и мосты баррикадируются. Колонны заговорщиков направляются отсюда, чтобы поднимать рабочие предместья.

— Посмотрим... Посмотрим... — проговорил Бланки, свертывая карту. Часы показывали десять минут первого. Пора итти... Бланки положил в карманы два пистолета.

Оставалось попрощаться с женой и ребенком.

В комнате Сюзанны покой и уют. Вырывавшийся из-за опущенной шторы яркий пучок лучей играл на лакированной, вогнутой спинке кушетки, на которой полулежала Сюзанна. Услышав шаги мужа, молодая женщина вскочила и подбежала ему навстречу.

— Ты уходишь? — спросила она, беспокойно заглядывая в его глаза. О восстании она знала только по отдаленным намекам. Но по напряженной улыбке на лице мужа она сразу поняла, что сегодня ей предстоит что-то очень трудное и тяжелое.

— Папа... Идем гулять?

Игравший на ковре мальчуган подскочил к отцу и решительно ухватился маленькой ручкой за полу сюртука. Бланки отрицательно покачал головой. Он поднял малыша, крепко поцеловал его и поставил на пол.

— Ну вот... — протянул ребенок и обиженно надул щеки. — А гулять?

— Я ухожу, Сюзанна, — сказал Бланки, — и приду нескоро. Не жди меня и не волнуйся.

Чтобы скрыть свое волнение, он повернулся и выбежал из квартиры. На улице он взял направо, потом резко повернулся и пошел обратно к дому. Хорошо! По его пятам никто не следовал. В этот жаркий воскресный день даже полиция, видно, разомлела и оставила в покое своих подопечных.

Путь свободен! Вперед!

Квартал Сен-Мартен. Бланки остановился у углового дома на улице Монторгэй. Кругом пустынно. Витрины магазинов наглухо закрыты ставнями. У маленькой двери под вывеской «Золотой Попугай» трясущийся от слабости старик торговал газетами.

— «Тан»! «Фигаро»! — заученно прогнусавил он, услышав шаги прохожего.

Бланки подошел к нему вплотную и окинул подозрительным взглядом. Нет, нищий старик: лохмотья, борода — все самое натуральное.

В кафе было безлюдно. Бланки обогнул столики и скрылся за портьерой. В задней комнате за облаками табачного дыма сидели заговорщики. Барбэ, Бернар и Мейяр разговаривали в углу. Остальные расположились за столом. При входе Бланки все головы повернулись к нему. Он подошел к столу и отчетливо сказал:

— Сегодня мы дождемся развязки.

Его, очевидно, не поняли. Сидевший за столом молодой студент удивленно открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Да, да, — подхватил Бланки. — Через несколько минут мы будем драться.

— Мы готовы, — ответило несколько голосов.

— Все по местам... «Весны» к своим «временам года». Ждите сигнала.

Несколько человек вышло.

— Эй, малыш, — крикнул Барбэ. — В воздухе всерьез запахло порохом.

Он подошел к Бланки своей обычной легкой, танцующей походкой и опустил на его плечо свою большую мягкую руку. Барбэ был также оживлен и шумен, как всегда; он единственный, кажется, не волновался.

— Люди переброшены к Бург л'Аббе? — деловито спросил Бланки.

— Конечно, переброшены. Ты знаешь, у нас раз, два—и готово.

— Патроны подвезены?

— Ну да... О чем говорить, все готово.

— Хорошо. Я осмотрю еще улицы.

Бланки вышел из кафе и обошел все прилегающие улицы. С самого утра центр опустел: жара выгнала горожан за город; запоздавшие торопливо проходили с детьми в колясках и на руках. По улице Риволи взмыленные лошади мчали кареты, экипажи, ландо и тюльбери к Елисейским полям; там, на ипподроме, уже начались скачки, собравшие весь «цвет» Парижа, двор, королевскую семью и целую армию полицейских, жандармов и шпионов.

Осмотр вполне успокоил Бланки. Скопление войск нигде не было видно; у полицейских постов стояли одиночные часовые; в мэрии все как-будто спало.

Восстание застанет город врасплох. Вот это-то и нужно было.

Вернувшись к заговорщикам, Бланки сказал:

— Все идет хорошо. Ни одна кошка не проснулась.

— Ну, идем! — воскликнул, вставая, Барбэ.

Вслед за ним поднялись и другие.

Бланки вынул пистолет и прикрепил к рукоятке красный шнурок.

— Готово.

Все гурьбой высыпали на улицу. На углу Бланки остановился, выхватил пистолет с красным шнуром и взмахнул им над головой.

— К оружию! — закричал Бернар.

Подхваченный всеми крик прокатился по улице.

— К оружию! — ответили на призыв из винного погребка, и оттуда выбежало человек двадцать блузников.

Заговорщики отзывались со всех сторон. Улица пробудилась от спячки. Из окон домов высунулись встревоженные головы обывателей. При виде все растущей толпы окна с шумом закрывались. Крики загоняли во двор случайных прохожих. Дремавший на козлах кучер встрепенулся и, стегнув лошадь, погнал ее вскачь.

— К оружию! — летел призыв по всем прилегающим улицам.

На улице Сен-Мартэн сбегающиеся со всех сторон толпы слились в один поток.

Шедший впереди Бланки завернул за угол и остановился у закрытых железной решеткой окон магазина Лепажа. Из ворот дома выскочил всклоченный старик.

— Эй, папаша, давай ключи от магазина. Живей! — крикнул ему Бернар.

— Это еще что! — взвизгнул старичок. — Караул! Грабеж! Не дам ключей...

— Не дашь — не надо. Убирайся отсюда.

По знаку Бернара из задних рядов вышел парень с ломом в руках. Дверь сразу подалась и с грохотом упала.

Толпа ворвалась внутрь. Полки в одну минуту были опустошены. Окна на улицу раскрыли. Оттуда протянулись сотни рук.

— Ружей! Ружей!

Бланки и Бернар командовали в складе. С треском отскакивали крышки ящиков с патронами, пистолетами и ружьями. Все это выносили на улицу, но оттуда все еще доносились крики:

— Ружей! Патронов!

Передние ряды вскоре ощетинились дулами ружей.

Наискось от склада из третьего этажа спускали какой-то громадный сундук. Он медленно сползал вниз, раскачиваясь не веревке. Мейяр снизу кричал:

— Осторожно. Медленней. Стоп!..

Сундук лег дном на тротуар. Мейяр сорвал крышку: внутри были патроны. К ним протянулись жадные руки.

— Товарищи! Патроны для охотничьих ружей! — кричал выскочивший из склада Бернар. Его не слушали. Кто только мог набивал карманы до отказа.

Как только Бернар показался на улице, его окружила толпа.

— Где комитет? — раздались настойчивые крики. — Где наши командиры?

— Комитет с вами. Здесь Бланки, Барбэ и я. Мы поведем вас в бой, — отвечал Бернар.

— Мы их не знаем! Где комитет? — еще настойчивее кричали из толпы.

Толпа требовала, чтобы наконец-то назвали имя, которое так тщательно скрывалось. До сих пор заговорщики подчинялись тайне. В этой толпе никто никого не знал; объединить их мог только человек, одно имя которого было бы лозунгом для всех.

Такого человека среди заговорщиков не было: толпа не могла знать троих заговорщиков, работавших в полной тайне.

Кто-то крикнул:

— Нас предали! Где командиры?

Другие продолжали требовать ружей.

Ружей нехватало. Склад почти опустошили, а вооружилась лишь половина заговорщиков. В задних рядах началось замешательство. Толпа стала таять.

Когда Бланки вышел из склада, он ужаснулся. Вместо стройных рядов — он ожидал, что увидит настоящее революционное войско — перед ним была сильно поредевшая беспорядочная толпа. Начальники призывали к порядку, но ничего не помогало.

Толпа притиснула Бланки к стене, как только он появился. Он увидел вокруг себя горящие гневом глаза и поднятые кулаки.

— Где оружие? Где командиры?

— Обман! Обман!

— Никто вас не обманывал, — надрываясь, кричал Бланки. — Звавшие вас на бой идут с вами. Вперед, товарищи! — Он размахивал пистолетом и кричал: — Вперед! В ряды!

Толпа еще сильней сжимала его.

— Вы губите восстание. Мы бездействуем, когда дорога каждая минута. Пока вы здесь беснуетесь, правительство соберет войска.

Молодой парень с ружьем и громадным палашом на боку выбежал из толпы, прижавшей Бланки к стене.

— Вперед, ребята! — кричал он. — Довольно болтать! За дело!

Вооружившиеся уже заговорщики последовали за ним.

Бланки узнал повара Флотта. которого при нем принимали в общество.

«Молодец парень,—подумал он.—Побольше бы таких».

Со сторны улицы Тюрбиго бежал Барбэ. За ним на тачке везли два ящика с патронами и ружьями. Оружие тотчас расхватали. Самого Барбэ встретили тем же криком;

— Обман! Предатели!

Сперва Барбэ опешил. Потом он бросился вперед с криком:

— За мной, товарищи!

Кто-то развернул красный флаг.

— Ура!

Барбэ пробился через толпу. Сильный, стремительный, с горящими глазами, он казался олицетворением отваги. Полы его сюртука развевались от резких движений. Два пистолета в поднятых руках звали на бой.

Толпа ринулась за ним.

Инсургенты на ходу устанавливались в ряды.

Революционная армия, сильно поредевшая, вытянулась черной лентой по улице. Бланки и Бернар присоединились к Барбэ. Оба были смущены и подавлены.

— Мы провозились там около часу,—громыхал Бланки.— Очень скверно.

— Пустяки. Наверстаем...—отозвался Барбэ.—Мы разделяемся?

— Да. Как решено. Ты идешь кратчайшим путем к префектуре. Я и Бернар следуем за тобой боковыми улицами. Без прибытия всех сил никакого сражения. Ты занимаешь префектуру только при отсутствии сопротивления.

Колонна на ходу разделилась на три части. Бланки во главе своего отряда свернул на улицу Тюрбиго.

Вперед, отчизны дети! Слава
Уже блистает нам вдали...

Песнь будоражила тишину как-будто вымершей улицы. Все попряталось. Полисмены оставляли посты и удирали.

Когда песня смолкла, из задних рядов раздавался петушиный голос Вилькока:

— К оружию, стар и мал! Сограждане, в отряд...

Бодрые звуки марсельезы рассеивали тягостное состояние. День начинался неудачей. Задержка у магазина Лепажа могла вызвать большие затруднения. Но самое скверное было то, что ряды инсургентов не увеличились; на призыв «К оружию!» никто не отвечал.

Бланки шел быстро. Правая рука сжимала пистолет. Один только раз он нарушил молчание. Колонна проходила мимо Центрального рынка. Из глухого переулка выбежало двое блузников; один из них волочил за собой ружье.

— И мы с вами! — кричали они.

— Начинается... Нет, люди будут,—как-будто про себя пробурчал Бланки.

Но сколько ни обшаривали его глаза улицы, подворотни, подъезды, он нигде не видел подкреплений.

Уже подходя к площади Шателе, Бланки услышал одиночный выстрел. За первым выстрелом последовали еще три—четыре, и все смолкло. Стреляли за Сеной. Значит, это—Барбэ. Ну, да: вот и Бернар со своей колонной. Еще издали он закричал:

— Началось!

Колонны сошлись.

Все напряженно ждали новых выстрелов.

— Не понимаю,—тихо сказал Бланки Бернару.—Неужели Барбэ занял префектуру тремя выстрелами. Не может быть.

Вдали за мостом вздымались башни Нотр-Дам и чернели стены Дворца Правосудия.

Но вот по мосту прошла толпа и повернула по набережной к площади.

Войска? Колонны приготовились к встрече. Защелкали курки.

— Да нет, это Барбэ!—Бернар первый его увидел. Впереди третьей колонны шел Барбэ.

— В чем дело? Что за стрельба?—спросил Бланки.

— Мы разоружили охрану Дворца Правосудия.

— А префектура?

— Ничего не вышло. У нас смешали охотничьи патроны и боевые. Произошла задержка. За это время охрана заложила все входы.

— Проклятие!

Новая неудача! План захвата Ситэ рухнул. Трое главарей совещались, куда направить движение. Их войска стояли

теперь безропотно. Первые выстрелы внесли некоторую бодрость. Бланки дал знак. Колонные соединились и двинулись по набережной.

— К ратуше!—раздалась команда.

Охрана ратуши разбежалась, бросив оружие. Инсургенты заняли здание. В пышном зале Бланки открыл летучее заседание.

Первые шаги революционного правительства были заранее обдуманы и подготовлены. Декреты и тексты прокламаций приняли без дебатов. После этого все заседавшие вышли на балкон.

Внизу на площади стояло не больше пятисот человек. Революционная армия казалась жалкой и крошечной. Никто этого не хотел замечать. Ведь это только авангард!

Бланки вышел вперед и развернул прокламацию. Все стихло. Каждый из стоявших почувствовал высокую торжественность момента.

— К оружию, граждане!—разнесся по площади металлический голос Бланки.—Для угнетателей пробил роковой час. Подлый тиран смеется из Тюильери над голодом народа. Но мера его преступлений полна. Возмездие близко... Да погибнет эксплоатация и да воцарится торжествующее равенство на обломках монархии и аристократии!

«Временное правительство избрало командиров, которые поведут в бой революционную армию. Эти командиры вышли из ваших же рядов; они приведут вас к победе!

Назначены: Бланки — главнокомандующим республиканской армией; Барбэ, Бернар, Гиньо, Мейяр, Нетрэ—командирами дивизионов.

Народ, восстань, и твои враги рассеются, как пыль при урагане! Вперед! Да здравствует республика!

Подписали члены временного правительства: Барбэ, Вуайэ д'Аржансон, Бланки, Ламменэ, Бернар, Дюбоск, Лапонерэй».

— Ура! Да здравствует республика!—ответили стоявшие на площади.

X
НА БАРРИКАДАХ

«Выслать к префектуре 250 штыков и 80 сабель». — «Усиленные дозоры в предместья».—«К ратуше 400 штыков».—«Поставить под ружье все войска».—«Слить все мелкие посты».—«Выдать национальной гвардии 200 тысяч патронов».

Комендатура и штаб лихорадочно заработали. Ординарцы, сломя голову, скакали в казармы. По всему городу затрещали барабаны, собирая национальных гвардейцев [1]. Войска приводились в боевую готовность. От Марсова поля, от Сент-Антуан, Батиньоль, Пасси—со всех сторон уже шли батальоны, эскадроны и батареи.

[1] Национальная гвардия, или вооруженная гражданская милиция, вызываемая под ружье в случаях надобности, впервые возникла после падения Бастилии (14 июля 1789 года). В руках буржуазных правительств, всячески стеснявших вхождение в нее неимущих классов, национальная гвардия зачастую служила оплотом контрреволюции.

Над балконом ратуши трепался красный флаг.

Высланные разведчики один за другим приносили сообщения о движениях войск. Подкрепления не приходили. Париж молчал.

Среди всего громадного города ратуша с ее красным флагом маячила крошечным островком, где писались республиканские декреты и утверждалась власть народа.

В зале заседаний, где расположился штаб заговорщиков, стояла тишина. Высокие резные спинки стульев, чинно выстроившихся вокруг стола, скрывали членов революционного правительства и командования. Бланки сидел на председательском кресле. Голова его была поднята к потолку; взгляд не отрывался от пышных лепных украшений плафона.

Бланки молчал. Молчали и другие. Когда в зал вбегали с известиями о движении войск, Бланки быстро поворачивался, потом опять уходил в молчаливое созерцание.

Жребий был брошен. Подать знак к отступлению никто не решался.

Бланки вдруг встал.

— Товарищи, мы покидаем ратушу,—бросил он заговорщикам.—Из крепости она может стать ловушкой.

Стоявший у окна Барбэ оторвался от созерцания пустых улиц.

— Верно! Драться так драться...—крикнул он и первый вышел из залы.

В ожидании своих командиров солдаты разбрелись. Одни укрылись в тень деревьев, другие расположились в вестибюле; несколько человек, опершись на ружья, понуро сидели на ступеньках лестницы.

Вперед двинулись лениво. Прошли несколько улиц. Кто-то попробовал запеть, но песня скоро смолкла. В тревожной тишине тяжело раздавался беспорядочный топот ног. Изредка слышались короткие слова команды.

Внезапно, когда колонна вышла на площадь Сен-Жан, перед инсургентами блеснули штыки. По тому, как все разом

остановились, сразу почувствовалось общее возбуждение и даже радость. Ага! Вот оно!

Затянутый в блестящий мундир лейтенант королевской гвардии, раздувая багровые щеки, изо всех сил бросил приказ:

— Разойдись!

Инсургенты не двинулись с места. Из их рядов кричали:

— Солдаты, идите к нам... Все мы—братья... Долой королевских наемников!.. Да здравствует Республика!

Солдаты нерешительно переминались с ноги на ногу.

— К бою готовьсь!—рявкнул офицер.

Сверкнули выставленные вперед штыки.

Снова команда... Рванулся гром залпа и раскатился многократным эхо.

В рядах инсургентов упало несколько человек.

— Товарищи, вперед! — Инсургенты бросились в атаку. Пороховая завеса обволокла их.

Батальон не принял атаки. Солдаты дрогнули; стена штыков подалась назад и рассыпалась.

— Стой! Ни с места!—кричал офицер, размахивая шпагой. Но бегущих солдат нельзя было остановить.

Первая победа вдохнула жизнь в республиканскую армию. Головы поднялись. Ряды стали стройней, шаг бодрей. Барбэ дирижировал песне пистолетом. Запах пороха опьянил его.

Даже у Бланки легли вокруг глаз складки улыбки. За целый день это была единственная удача.

После нее началось победоносное шествие. Встречавшиеся войска отходили, не принимая боя, или только обменивались несколькими выстрелами с инсургентами. Перед республиканцами разбегались полицейские посты. Мэрии 6-го и 7-го районов сдались без боя.

А воинские части все скоплялись. Кавалерия и пехота шаг за шагом занимали площади и улицы, сдавливая кольцом инсургентов.

Колонна вновь вернулась в те кварталы, откуда началось движение.

5.—3576

На улице Сен-Мартэн инсургентов встретили градом пуль. Обстрел шел со всех сторон, даже сверху, из здания консерватории.

— На баррикады!—крикнул кто-то

В один миг инсургенты рассыпались. На мостовую полетели вывернутые камни, фонари, деревья, снятые с петель железные створки ворот; из строящегося здания выкатили бочки цемента. Баррикада выросла в течение пяти минут.

Войска пошли в атаку и принуждены были отступить.

Мало-по-малу восстание охватило весь квартал. Улицы и переулки вздыбились баррикадами. Раскаты выстрелов разрезали грохот валившихся фонарей, бревен, досок, звон выбитых стекол и несмолкаемые крики: «На баррикады!»

Силы инсургентов увеличивались. Войска то отступали, то снова шли в атаку. Над улицей Гренэта в воздухе провизжала первая бомба.

Среди этой сумятицы Бланки еще пытался объединить действия рассыпавшихся во все стороны маленьких отрядов инсургентов. Его приказы летели во все стороны. По его указаниям заваливались новые перекрестки и оставлялись слишком отдаленные.

— Стянуть все силы в одно место! — кричал Бланки. — Укрепить все подходы между Сен-Дени и Сен-Мартэн!

Наступавшие с разных сторон батальоны неожиданно разрушали все его планы. Создать крепкий лагерь было уже невозможно. Бернар метался между баррикадами, пытаясь внести хоть какой-нибудь порядок.

— На улице Моконсэй дерутся, — крикнул он, подбегая к Бланки.—Ребята держатся крепко.

— Зато здесь скверно. Перебрасывайтесь на улицу Бург л'Аббэ,—ответил Бланки. Голос его потонул в грохоте новых залпов: войска снова пошли в атаку.

С гребня баррикады Барбэ, неузнаваемый, взлохмоченный, черный, кричал:

— Товарищи, сюда!

Обернувшись, он увидел Бланки.

— Бланки, что же ты?..

Бланки бросился к нему.

— Слезай... Нужно перебрасываться...

Но Барбэ только махнул рукой.

— Оставь его,—сказал Бернар.—Его оттуда не снимешь.

— Но должен же он помнить, что на нем тоже лежит ответственность командира.

Ничто не могло остановить Барбэ. С каким-то бешенством он заряжал свое ружье и без устали стрелял.

Со стороны улицы Сен-Мартэн национальная гвардия подходила все ближе; стрельба шла с расстояния, не больше чем сорок шагов. Баррикада держалась.

Барбэ вдруг покачнулся. Ружье выпало из его рук. Стоявшие около подхватили его и унесли.

XI
РАЗГРОМ

Пали баррикады на улице Гренэта, на Бург л'Аббэ, в переулочках Центрального рынка, у ворот Сен-Дени. Республиканская армия больше не существовала; войска разорвали ее на части. Державшиеся еще вместе маленькие группы инсургентов отчаянно метались от перекрестка к перекрестку. Визг пуль и частокол штыков отбрасывали их назад.

От бульваров до Сены и от площади Бастилии до Лувра—всюду раздавалась грузная поступь пехоты и звонкий топот кавалерии. Барабаны неутомимо рассыпали дробь марша. Войска очищали улицы, и вслед за ними тротуары наполнялись толпой любопытных. При первых выстрелах толпа рассыпалась и вновь собиралась в другом месте. Ползли слухи, сплетни, небылицы, шопоты.

От времени до времени проводили пленных. Инсургентов не было видно за стеной обступивших их мундиров.

Кровь обильно оросила мостовые. О сопротивлении никто и не думал. Каждый искал спасения. Инсургенты невольно жались друг к другу.

Пала последняя баррикада на улице Сен-Мэли. Гвардейцы преследовали ее защитников. Два солдата пробежали около притаившегося в подворотне Бланки, едва не задев его. К счастью, было темно: фонари не горели. Бланки стоял, прижавшись всем телом к стене; он не смел даже шелохнуться.

Когда вдалеке стих шум погони, Бланки попробовал двинуться с места. Не отрываясь от стены, он подался вперед. Где-то тяжело хлопнула дверь. Бланки бросился назад в темноту подворотни и застыл, сдерживая дыхание. Он слышал, как колотилось его сердце. Торопливо прошел какой-то человек. Потом опять все стихло. Несколько минут мертвой тишины дали успокоиться Бланки.

«Как выбраться отсюда? Как показаться на улице в изорванной одежде, с почерневшим от копоти лицом, без шляпы? Где искать спасения?» — думал он.

— Ура, нашел! К Арону, портному!

Арон лежал больной и не участвовал поэтому в выступлении. У него можно прожить несколько дней. А после? Там будет видно. Лишь бы уйти от погони.

Бланки двинулся вперед. Завернув за угол, он зашагал смелей. Еще два квартала—и там спасение. На следующем углу он отпрянул назад: во всю ширину улицы, выставив вперед штыки, двигалась шеренга гвардейцев. Путь был отрезан. Снова назад.

Как только улицы утихли, зажили подъезды домов; всюду стояли люди, то с любопытством, то подозрительно осматривавшие каждого прохожего. Бланки колесил по городу еще часа два. То его отбрасывало назад от цели, то перед ним открывался свободный путь и он бросался вперед.

И все же ему удалось уйти от преследования.

Арон лежал в постели. Увидев Бланки, он обхватил голову руками и простонал:

— Все погибло! Все...

— Спрячь меня... Я еле ушел...

— Оставайся. Тут до тебя никто не доберется.

Весь следующий день Бланки провел в томительной неизвестности. Где-то дрались. Залпы и одиночные выстрелы то-и-дело долетали то со стороны центра, то откуда-то с севера. К вечеру все смолкло.

Разгром был полный. В течение стольких лет Бланки воздвигал здание, которое теперь рушилось и погребло его под своими обломками. Теперь уже не встать, не поднять головы. Но в чем причина такой неудачи? Где ошибка? Неужели заговорщикам не под силу вызвать общее восстание? Бланки твердо верил в то, что при всеобщем недовольстве нужен только знак, только пример; раз вспыхнувшие бои в одном квартале должны же вызвать ответный отклик во всем городе. Но этого-то не случилось. Никто не отозвался, кроме разве сотни, другой людей.

Он искал причины этого всеобщего равнодушия и находил их в тысяче мелких неудач. От своей веры в то, что все зависит от действия и отваги нескольких людей, Бланки ни за что не хотел отказаться.

Бланки жил как в тюрьме. На улицу он не рисковал выходить. Зато к нему приходили оставшиеся на воле товарищи. Их было немного: почти все руководители общества были схвачены. Первый попался в руки полиции раненый Барбэ. Бернар скрывался шесть недель.

Через несколько недель над участниками восстания начался суд. Бланки лихорадочно следил за процессом. Пэры заседали четырнадцать дней; на пятнадцатый день они вынесли Барбэ смертный приговор, а остальных заговорщиков бросили на долгие годы в тюрьму.

Два дня, пока выяснялась судьба Барбэ, были самыми мучительными для Бланки. Он не спал, не ел: на каждого приходившего он набрасывался с вопросом: отменен приговор? И наконец узнал: смертная казнь заменена Барбэ вечным заключением.

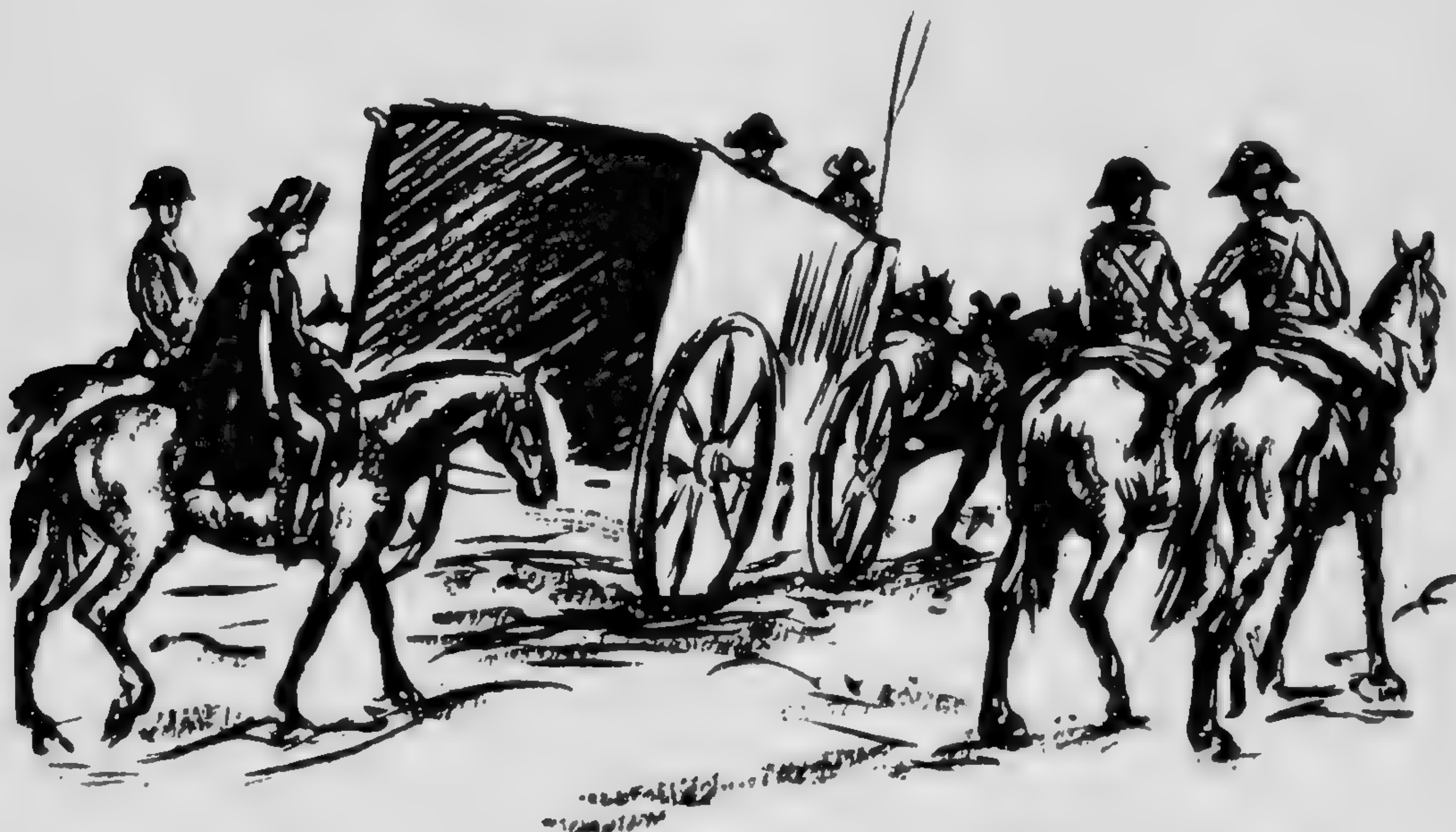
Восемь месяцев прошло до того дня, когда Бланки, в свою очередь, предстал перед судом. Шесть месяцев полиция не могла открыть его убежища. Его выдал случай.

Все было готово для бегства в Швейцарию: в кармане у Бланки лежал паспорт на чужое имя и проездной билет; никем не узнанный, он добрался до почтовой станции. Бланки поставил уже ногу на ступеньку дилижанса, когда чья-то рука легла на его плечо и он услышал:

— Господин Бланки, вы арестованы!

Через два месяца после ареста Бланки услышал еще более страшные слова:

«...согласно пункту 3 статьи 335 уголовного кодекса суд приговаривает Бланки (Луи-Огюста) к смертной казни...»

XII
БАШНЯ „МАЛОГО ИЗГНАНИЯ"

Четверка лошадей с трудом тащила причудливый, черный, несоразмерно широкий ящик на исполинских колесах, увязавших в грязи на размытой зимними дождями дороге. Ехавшие по обе его стороны жандармы хмуро вглядывались в серую пелену густого тумана. Тягостное путешествие длилось уже третий день. Наконец вдали смутно вырисовались конусообразные очертания не то скалы, не то какой-то

вышки. По мере приближения из тумана все выростала одинокая скала, увенчанная бесконечным лесом острых шпилей и башен.

Если бы запертые в ящике люди могли выглянуть в шесть крошечных вырезов в передней стене ящика, они различили бы вскоре лепившиеся вверх по скале крепостные каменные стены и сжатые между ними мрачные готические строения. Скала врезалась в море. С трех сторон седые валы лизали стены замка, казавшегося естественным продолжением замшелых каменных глыб. С четвертой стороны растянулась деревушка, а за ней — пустынные черные поля.

Но тяжелые цепи, приковывавшие горемычных путешественников к узким скамьям, не давали им даже привстать. Они не видели поэтому ни маленьких рыбацких домиков под черепичными крышами, ни широкого въезда между двумя необъятными башнями, ни зубчатых стен, ни двух подъемных мостов, ни массивных ворот, всхлипнувших створками, пропуская карету. По грохоту колес и звонкому цоканью лошадиных копыт о каменные плиты дворов они догадались все же, что пришел конец их путешествию.

Карета остановилась. Жандармы спешились и выстроились двумя шеренгами от кареты к двери здания. В задней стенке ящика открылась низкая дверь в железных переплетах, и по ступенькам сброшенной изнутри лестнички сбежал рыжеусый бригадир.

— Давай первого, — крикнул он.

Внутри кареты звякнул замок первой с краю одиночной камеры. Оттуда между двумя конвоирами с саблями наголо вышел закованный в кандалы Бланки.

После тьмы черного ящика туманный серый день показался ему ослепительным. Жмурясь, неловко, как незрячий, он двинулся вслед за бригадиром. Дверь кареты снова захлопнулась.

В высоком гулком зале, куда ввели Бланки, жарко горел камин. Все еще дрожавший от холода узник невольно потянулся к огню.

— Стоять на месте! — крикнул заметивший его движение бригадир. И тут же он вытянулся и замаршировал навстречу вошедшему в зал низкорослому толстяку, начальнику тюрьмы..

Прочитав в сопроводительных бумагах фамилию Бланки, толстяк быстро повернулся к арестанту. Свою тревогу он постарался скрыть за слащавой улыбкой. Пухлые губы толстяка зашевелились, как-будто он что-то прожевывал.

— В замке Сен-Мишель вас ждет покой и мир, господин Бланки. Только...

Начальник наставительно поднял кверху указательный палец.

— Что я найду здесь, покажет будущее, — резко прервал его Бланки. — А пока извольте избавить меня от кандалов.

— Да, да, — проговорил тюремщик. На его зов явились надзиратели и засуетились около Бланки. Когда кандалы были сняты и все тюремные формальности выполнены, заключенного повели в камеру.

Он долго шел по гулким коридорам, лестницам, галлереям и залам. Из каждого закоулка замка проглядывало мрачное, тяжелое средневековье. Все здесь было грандиозно. Грубо отесанные каменные плиты стен уходили ввысь готическими сводами. За высокими стрельчатыми окнами открывались хмурое небо и дикие скалы. В одном месте скала пятнадцатитонной глыбой пробивалась сквозь плиты пола. Пахло тленом и запустением склепа. Кое-где встречались разрушения. Под сводами потолка в темноте свили гнезда летучие мыши.

После долгого пути перед Бланки открылась тяжелая, окованная железом дверь. Она проскрипела ржавыми петлями, лязгнул тяжелый засов — и Бланки остался один.

Прежде всего он измерил свою камеру шагами: пять метров в длину и два в ширину. Посреди комнаты стоял грубый стол, в нише — кровать с тонкой соломенной подстилкой. Слева от нее разверзлась дыра громадного камина. Против дверей из высокой узкой щели пробивался свет. Окно,

за железной решеткой, узкое и высокое, как бойница, лежало в нише, метра полтора глубиной.

В камере пахло плесенью. Бланки вскочил на подоконник и пополз к полусгнившей раме. Он распахнул ее и выглянул наружу. За черепичными крышами домов терялись в серой мгле бесконечные, однообразные поля. Вдалеке серебрилась река. Слева из-за плешивых скал доносился глухой рокот моря. Унылый пейзаж навевал тоску.

Прижавшись к решотке, Бланки вспомнил недавний суд, чтение приговора и страшные слова: «к смертной казни». С тех пор прошла будто вечность. Какие бесконечно долгие дни он прожил под угрозой смерти. Временами он ощущал холодное прикосновение ножа гильотины. Дрожь пробежала по телу при одном воспоминании. Но теперь все позади: казнь заменена пожизненным заключением в средневековом замке на северном берегу Франции, в Мон-Сен-Мишель.

«Всю жизнь провести здесь, в этом каменном мешке? Нет! Тысячу раз нет!» — подумал Бланки.

Бланки спрыгнул с подоконника и крупными шагами заходил по камере. Он прошел вдоль стены, ощупывая каждую неровность и разглядывая щербатые камни, наткнулся на камин и заглянул в его черную пасть.

В это время откуда-то донесся резкий крик. Вслед за ним где-то стукнула дверь, раздались торопливые шаги... Потом все смолкло. Через несколько минут крик повторился... протяжный, долгий, страшный... Так мог кричать только сумасшедший.

Бланки стало страшно. Тихо, на носках он подошел к столу и тяжело опустился на стул.

Наутро Бланки мог спокойнее обдумывать свое положение. Он знал, что самое главное—не падать духом; для сохранения сил нужно наполнить весь день работой. Чуть ли не с первого дня Бланки установил для себя строгий трудовой режим.

Рано утром, с первым стуком в дверь, он вскакивал с постели, подбегал к окну и широко распахивал его. Свежий

воздух разгонял сон. Холодная вода и гимнастика укрепляли силы. После завтрака начиналась кормежка птиц. В открытое окно влетали воробьи и, смело постукивая коготками лап по камню подоконника, с веселым щебетаньем клевали крошки. Накормив птиц, Бланки садился за работу. Много часов он проводил за столом, читал, писал и размышлял. Обед, прогулка, гимнастика, снова работа — весь размеренный порядок жизни создавал спокойное однообразие.

Одинокая жизнь продолжалась недолго. Однажды, кормя утром воробьев, Бланки увидел в окне лежавшей наискосок камеры какого-то заключенного.

— Эй, друг! По какому делу? — крикнул Бланки.

Заключенный встрепенулся.

— Бланки, это ты?.. Вот здорово, — донесся до Бланки молодой, сильный голос. — Я — Флотт. Повар Флотт, участник восстания. Помнишь?

Как было не помнить инсургента, без устали носившегося от баррикады к баррикаде и до последнего момента не бросившего ружья.

— Бланки! — послышался и второй голос совсем близко. — Это я — Вилькок. Да мы с тобой — соседи.

Окрик часового прервал беседу.

Тюрьма ожила для Бланки: кругом сидели товарищи. Многие уже успели установить связь друг с другом через окна и вентиляторы.

Несколько дней спустя, ложась спать, Бланки услышал странные звуки в стене около камина. Глухие быстрые удары раздавались всю ночь и не давали ему заснуть. Старый тюремный опыт сейчас же подсказал Бланки значение этих стуков.

На следующую ночь стуки возобновились. Тогда и Бланки принялся за работу.

Он давно уже заботливо сохранял железную скобу, ловко подобранную во дворе на прогулке. Бланки достал ее, из куска дерева смастерил молоток и с этими инструментами подобрался к стене.

Свечи на ночь потушены. В коридоре тишина. Бланки осторожно разобрал лежавшие у стены дрова, присел на корточки и, нащупав стык между кирпичами, приложил скобу и ударил по ней молотком. Удар гулко разнесся по камере. Бланки вздрогнул. За стеной Вилькок услышал, видно, ответный удар и заработал еще ретивей.

Бланки ободрился и ударил во второй раз. Эхо—и снова тишина...

«А, так... Спите? Не слышите? Ладно...» — И под частыми ударами посыпались осколки кирпича.

— Тук, тук, тук, — колотил Бланки.

— Тук, тук, тук, — вторил Вилькок.

Через две недели в образовавшуюся в стене дыру просунулась рука товарища. Бланки горячо пожал ее.

— Как живешь? — послышался сдавленный шопот.

— Держусь. А ты, Вилькок?

— И я не падаю духом.

А еще через неделю Вилькок сидел на кровати Бланки и шопотом передавал ему все, что знал об обитателях мрачного замка. Здесь же в башне «Малого Изгнания», на третьем этаже, сидит Барбэ, над ним — Бернар, выше — Дельсад. На шестом этаже помещался Остэн; бедного юношу недавно увезли: он сошел с ума. Внизу и в камерах «Большого Изгнания» были заперты: Гильомен, Киньо, Флотт, Шарль, Дюбоск и другие.

Конец одиночеству. Как радостны были эти свидания среди ночи, в полной тьме. Шопотом рассказывали друг другу о пережитом, о новостях тюремной жизни, о скудных вестях с воли, но главной темой служило всегда одно: побег.

Но, прежде чем были сделаны первые шаги к организации побега, свидания внезапно прекратились.

На рассвете 17 апреля тюрьму огласили крики, послышался топот, стук дверей и крики надзирателя. Шум разбудил и рано разошедшихся по своим камерам Бланки и Вилькока. Бланки вскочил с постели, разбросал маскировавшие пролом дрова и позвал Вилькока

— Ты слышишь? Что это?

— Осторожно. Нас могут накрыть.

Бланки юркнул к себе и закрыл пролом.

Через час в его камеру вошел толстяк Терье, начальник тюрьмы, в сопровождении четырех надзирателей.

— Складывайте вещи, — приказал он. — Вы перейдете в другую камеру.

— Я не желаю...

— Вас не спрашивают, желаете ли вы или нет. Эй, надзиратели...

Терье был разъярен. Всегда сонные глазки искрились теперь злобой, пухлые щеки налились кровью и даже мясистые, большие уши и те были багрово-красны.

— Не сметь прикасаться ко мне! — закричал Бланки, когда надзиратели подошли к нему. — Это произвол.

— Взять его! — еще больше багровея, завизжал Терье.

Как ни отбивался Бланки, надзиратели схватили его и поволокли через коридоры, через пустую грандиозную церковь, какие-то галлереи и бросили в крошечную камеру где-то на чердаке. Справа и слева доносились крики, бешеный стук и рев.

— Товарищи, кто здесь? — покрывая шум, заорал Бланки.

На его вопрос, тотчас же отозвался Бернар, Флотт, Киньо, Барбэ, Дельсад...

— Кто знает, что случилось ночью в тюрьме? Кто кричал? — продолжал Бланки.

— Нас застали в камере Дельсада: Барбэ, Киньо и меня, — ответил Бернар.

В это время в коридоре послышался топот ног и стук дверей еще одной камеры.

— Бланки, ты здесь? — раздался вслед за этим голос Вилькока.

— И ты, дружище, попал сюда?

— И я... Не беседовать нам больше по ночам: пролом открыли.

— Не унывай. Скоро будет другой.

— Молчать. Или всех в карцер, — заорал снаружи Терье.

Заключенные, словно ждали этого голоса, как сигнала, разом заколотили в двери.

— Вон тюремщиков!

— Долой систему одиночек! — кричали заключенные.

Надзиратели не отвечали.

Потом, когда крики стали смолкать, из камеры Флотта донеслась песня.

И все подхватили.

Пение Терье не снес. С отчаянной руганью он бегал от двери к двери.

Потом скрипнул засов одной из камер и вслед за этим раздались вопли:

— Друзья! Братья!..

Надзиратели избивали Флотта.

Все тогда забилось и заклокотало. Бланки с яростью бился о дверь. Он слышал, как где-то с грохотом слетел засов, где-то дверь сорвалась с петель. К камерам сбежалась вся стража. Крики избиваемых, заглушали рев и грохот. Они все слабели, удаляясь, и замолкли: вырвавшихся из камер унесли. Оставшиеся продолжали неистовствовать. Надзиратели больше не отзывались.

Бланки с остервенением бился о свою дверь. То он колотил кулаками, то отбегал и налетал на дверь всем телом, то бил ногами, плечом, но дверь не поддавалась. И наконец в изнеможении, шатаясь, он добрался до своей койки и рухнул на нее.

XIII
НЕНАСТНОЙ НОЧЬЮ

В камеры «Большого» и «Малого Изгнания» заключенных вернули через несколько месяцев. Когда Бланки вошел в свою новую камеру, он увидел вторую внутреннюю решотку на окне, закрывавшую доступ к раме. Заключенных лишили самого легкого средства сообщения.

Дни стали длиннее и однообразней. Переписка на время прекратилась.

Бланки томился. Его мучило не только одиночество. С воли приходили все более тревожные вести: тяжело заболела Сюзанна.

И пришел день, когда Терье появился в камере Бланки и заявил:

— Господин Бланки, ваша жена умерла.

Бланки рванулся к нему. Он не мог поверить.

— Да, умерла, — равнодушно повторил Терье. — 31 декабря... Подумайте, как-раз под новый год.

Бланки отвернулся. Схватив голову обеими руками, он, шатаясь, подошел к окну. По щекам его бежали слезы. Терье пожевал губами и вышел.

С этого дня Бланки преследовали галлюцинации. Сюзанна приходила к нему то веселая и радостная, то тихая, с опухшими от слез глазами, как в последний раз при свидании в тюрьме. Она подходила совсем близко; часто садилась у его изголовья.

Однажды на ней было то легкое, почти воздушное платье, какое она носила в Жанси. Шаловливым жестом она сбросила на бегу шляпу. Ветерок развевал ее мягкие локоны. Подбежав близко, она запрокинула голову и засмеялась звонким счастливым смехом. Бланки видел ослепительно белый ряд зубов: Сюзанна что-то кричала, как-будто звала его, но он не слышал слов.

Он вскочил с постели и протянул к ней руки. Видение отступило. По лицу его пробежала судорога. Губы сомкнулись, мягкие локоны оттенили мертвенно-желтый лоб, глаза остановились и стали стеклянными. Потом видение исчезало, потонув в пробивавшихся сквозь окно лунных лучах.

Бланки била лихорадка. Зуб не попадал на зуб. Он с головой ушел под одеяло, но озноб не проходил. Полоска света у окна неотразимо притягивала его. Как только он открывал глаза, частицы света вновь складывались в знакомый облик. Он закрывал глаза, и все пропадало. Бланки стис-

нул зубы, чтобы заставить себя не стонать. На стон могли ворваться надзиратели и избить его.

Бланки сел на постель, сжал голову и так, дрожа от холода, оставался до утра.

Вскоре он заболел. Тело горело. Ухо сверлила тупая боль. От слабости кружилась голова. Пришел врач. Его сопровождал господин Терье. Осмотрев больного, врач долго кряхтел, вздыхал и то-и-дело оглядывался на начальника тюрьмы.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил его Терье. И, не выслушав его ответа, продолжал скороговоркой.—Конечно... конечно... Болезнь не опасная, не так ли?

— Непосредственной опасности нет... — протянул врач.

— Хорошо. Хорошо. В больничном режиме нет, стало быть, надобности, — подхватил Терье.

И с обычной сладкой улыбочкой обратился к Бланки:

— Через два дня вы будете на ногах, господин Бланки. При вашем здоровьи... Только не надо переутомляться. Вы слишком много работаете. И к чему эта работа? Отдыхайте, живите спокойно, не утруждайте себя... И мы не оставим вас попечением.

Бланки стало так противно от этого благодушия, что он даже не протестовал против оставления его в камере. Терье вышел, позванивая на ходу связкой брелоков на цепочке от часов. Врач неуклюже шел за ним.

На этот раз Бланки спасся, но не предписанным ему господином Терье покоем.

Когда он был в силах встать с постели, ему разрешили свидание с матерью.

— Сын мой, — услышал он однажды милый знакомый голос, лишь только вошел в сопровождении надзирателя в комнату для свиданий. Старушка быстро шла ему навстречу. Две руки обвились вокруг его шеи, и он услышал шопот:

— Держи, Огюст... И еще будет...

Складки широкой пелерины закрыли его от надзирателя, и он ощутил в руке холодок какого-то металлического предмета. Таинственный подарок Бланки зажал в кулаке. Воз-

вратившись со свидания в камеру, он разжал кулак и увидел на ладони связку стальных пилок.

«Ура! Вот это подарок!»

Подготовка к побегу шла и в стенах тюрьмы и на воле. Несмотря на свои шестьдесят лет, мать Бланки была неутомима. Местные рыбаки каждую неделю встречали на дороге между Авраншем и Мон-Сен-Мишель седую, но стройную и моложавую женщину в порыжевшей пелерине, отороченной облезшим под дождями мехом. Когда в глубине ее карманов находились чудесные подарки заключенным, она шагала еще бодрее, чем обычно, по грязи проселочной дороги.

А в самой тюрьме шорохи, шумы и стуки запели о грядущем освобождении. Эта музыка не раз доносилась до слуха тюремщиков. «Ишь, крысы развозились», — говорили они и на том успокаивались. Ведь в канцелярии тюрьмы лежали оплоченные счета на 23 954 франка 70 сантимов за двойные решотки на окнах и на дверях, за двойные тяжелые засовы к камерам наиболее беспокойных заключенных. И эти счета навевали безмятежный сон и начальнику тюрьмы и надзирателям.

На целость дверей и окон никто пока и не покушался. Но тюремщики не подозревали о том, что каждый день, с наступлением ночи, в стенах, потолках и в полах замка просыпалась жизнь. Еще задолго до болезни Бланки начали пилить балки и доски, разламывать кирпичи и каменные плиты.

Бежать решили четверо: Бланки, Бернар, Барбэ и Гюбэр, приговоренные к пожизненному заключению. Камеры Бернара и Бланки находились рядом. День за днем Бернар разрушал кирпич за кирпичом стену в печи между обеими камерами. После этого он исследовал дымоход и вырубил в камне крошечные ступеньки. Сверху в дымоходе работал Гюбэр. С Барбэ он уже соединился пробоиной в полу своей камеры. Соседи: Тома, Бэро, Дюбурдье помогали беглецам и связали свои камеры соединительными ходами.

В день получения пилок Бланки созвал общее совещание у Бернара.

Крысы в эту ночь, по мнению тюремщиков, совсем сошли с ума, так гудели стены замка.

Из очага камеры Бернара появились один за другим черные, страшные существа, неузнаваемые под слоем копоти и сажи. Трое уже шептались в дальнем углу, освещенные мигающим огоньком крошечного ночника, когда появился Бланки. Он подошел к собравшимся и, ни слова не говоря, протянул им пилки.

Какой восторг! Бернар даже зажал рот обеими руками, чтобы сдержать невольный крик радости.

— Откуда? — сдавленным шопотом спросил Гюбэр.

— Мать принесла.

Гюбэр схватил одну из пилок и подбежал к решотке окна.

— Берет, — торжествующе воскликнул он.

— Тише. Ты с ума сошел, — остановил его Бернар. — Слышите?

— Это — Барбэ.

Громадный Барбэ с трудом вылез из узкого для него отверстия дымохода.

— А, чортова лазейка! — загромыхал он. — Я до крови ободрал себе руки.

Он был так взволнован, что не обратил должного внимания на пилки.

— У меня новости поважней, — заявил он. — Если бы вы знали, какое чудное местечко я нашел для побега! Твоя камера выходит на двор «Двойных Решоток?» — спросил он Гюбэра.

— Да.

— Очень хорошо. Так слушайте. От этого дворика идет лестница к площадке стены Готье. Под ней вьется дорога к морю. Эти тюремщики бывают наивны, как дети. Сегодня меня вывели туда гулять, и я все успел рассмотреть. Лучшего места нам не найти.

— Стена высока? — прервал его Бланки.

— Футов сто на-глаз.

— На площадке и на лестнице выставлены часовые?

— На площадке постов нет.

— А на дороге? Куда она ведет?

Барбэ обозлили нетерпеливые вопросы Бланки.

— Да что ты не даешь слова сказать, — запротестовал он. — Что за несносный человек: всегда он должен вылезти вперед.

Раздраженный тон Барбэ не удивил Бланки. Еще давно, только попав в Мон-Сен-Мишель, Бланки узнал, что Барбэ приписывает ему неудачу восстания. При первой же встрече с Барбэ он прямо спросил старого друга:

— Мне передали твои слова: восстание кончилось поражением потому, что «малыш» струсил. Ты это говорил?

Барбэ замялся.

— Не совсем так... Но если хочешь...

— А в чем, позволь узнать, выразилась моя трусость? Не в том ли, что я думал о руководстве инсургентами и не подставлял зря голову под пулю? В том-то и беда: солдаты у нас были, а командиров-то нехватило.

Барбэ ничего не ответил. Неприязнь все росла; ни одно свидание не обходилось без споров. Взаимное недоброжелательство сказалось и при обсуждении плана побега. Сперва порешили, что по выходе из тюрьмы Бланки переоденется женщиной, Бернар и Гюбэр — слугами, а Барбэ будет выдавать себя за богатого путешественника, отправляющегося с женой и слугами в Швейцарию. Необходимые для этого бумаги и паспорта мать Бланки достала у мэра в соседнем городке. Но Барбэ скоро отказался от этого плана.

— При легкомыслии Бланки, — заявил он, — мы все попадемся на первой же станции.

— Конечно, я забуду, что на мне юбка, и закричу басом, — пошутил Бланки.

— Не смейся, ты и на это способен, — подхватил Барбэ.

— В таком случае нам лучше всего разойтись в разные стороны тотчас же по выходе из тюрьмы, — решительно заявил Бланки. — Да ты и прав: оставаясь вместе, нам труднее будет замести следы.

— Чорт вас возьми с вашими спорами, — вмешался Бернар.—И место и время вы для этого выбрали неудачные.

Споры не остановили все же подготовку к побегу. Полученными от Бланки пилками Гюбэр день за днем пилил решотку окна в своей камере. Мать Бланки так же бодро перебегала из Авранша в Мон-Сен-Мишель.

10 февраля на свидании она успела шепнуть сыну:

— Баркас к полуночи будет ждать вас у Северного мыса.

К ночи все было готово. В 10 часов надзиратели закончили ночной обход. Бланки оделся и с лихорадочной поспешностью собрал все простыни, одеяла и полотенца. Он связал их концами и потащил к очагу. Оттуда показалась голова Бернара.

— Ты готов? — спросил он.

— Да. Ползи вперед. Я следую за тобой.

Бернар нырнул в черную дыру. Вслед за ним забрался в нее и Бланки. Кругом тьма. Дышать нечем. Жирная копоть забилась в нос и горло. Сверху доносилось тяжелое пыхтение Бернара. Руки судорожно цеплялись за скользкие камни. Ноги то-и-дело соскальзывали с узких ступенек.

Выше, все выше... Бернар уже наверху. Задыхающемуся Бланки бросили веревку, и еще через две минуты он стоял в камере Гюбэра.

Все в сборе. Принесенные простыни, одеяла и полотенца свили крепко-накрепко в одну веревку. Работали торопливо и нервно. Все молчали.

Кто-то хотел испытать веревку.

— Попробуем при спуске из окна, — предложил Бланки.

Подпиленную решотку разом сняли с окна. Из открытого окна хлестнул дождь. Небо было в тучах. За пять шагов ничего нельзя было разобрать, такая стояла темень.

Один за другим все спустились во дворик. Веревка при испытании выдержала тяжесть троих человек.

Двадцать ступеней вниз—и беглецы вышли на площадку. За низкой оградой разверзался провал.

— Скорей, — торопил Беро. Ему и всем остающимся нужно было успеть добраться назад в камеры.

— Барбэ, ты—тяжелей всех: ползи первым.

Веревку перекинули за ограду. Шесть человек держали ее; седьмой—Барбэ—повис над пропастью.

Сперва Бланки еще видел какую-то черную барахтающуюся массу. Потом все исчезло. Веревка дрожала от судорожных движений быстро спускавшегося Барбэ. Она так билась, что стоящих наверху охватило беспокойство.

— Что с ним? — прошептал Бланки.

Никто не ответил. Все думали о том же.

А Барбэ стремглав несся вниз. Сперва он удерживал падение, опираясь ногами о выступы скалы. Потом скала отошла далеко вглубь, и Барбэ повис над дорогой. Узлы веревки выскальзывали из рук. Тело падало безудержно.

Сверху услышали шум падения и стон Барбэ.

Беглецы застыли у ограды стены. Что с Барбэ? Разбился на смерть?

— На помощь! — крикнул Бернар.

Свисток часового... К Барбэ уже бежали.

— Назад в камеры, — шепнул один из беглецов.

Но было поздно. Тюрьма ожила. Замелькали огни фонарей. Застучали сапоги, зазвенели шпоры и сабли. Площадку окружила стража.

XIV
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

В такую же непогоду, как и два года назад, в ночь побега, Бланки увозили из Мон-Сен-Мишель.

Бланки лежал в двуколке закутанный в одеяло. Путь был мучителен. Клочья мокрого снега хлестали по лицу; яростные порывы ветра пресекали дыхание. Двуколка тряслась по кочкам. При каждом резком толчке Бланки болезненно морщился. До возницы изредка долетал глухой стон.

Двое жандармов скакали по обе стороны возка.

В Туре, куда привезли умирающего Бланки, его поместили в тюремную больницу.

Болезнь на двадцать месяцев приковала его к узкой больничной койке. Под жестким одеялом едва вырисовывалось исхудавшее тело. В глубоко запавших глазах больного затаилась смертельная тоска. Взгляд равнодушно скользил по скучной белизне потолка и стен.

К Бланки подкрадывалась смерть. Он казался таким слабым, сломленным, беспомощным, что даже королевским министрам он перестал быть страшен. И Луи-Филипп подписал помилование.

О королевской милости Бланки сообщили с надлежащей торжественностью. К его постели явился сам начальник тюрьмы в сопровождении надзирателей, докторов и сиделок.

Больной лежал почти без памяти. Шум шагов заставил его все же повернуть голову.

Начальник тюрьмы, вытянувшись во фронт, прочел бумагу министерства.

Бланки смотрел на него ничего не понимающими глазами. «Чего они хотят от меня? Ведь я умираю...»—думал он.

Потом до его слуха долетели какие-то обрывки фраз: руководимый милосердием... ввиду раскаяния... его величество король французов... высочайше соизволил... помиловать...

Начальник кончил чтение. Кто-то наклонился к больному со словами поздравления. Бланки беспомощно обводил глазами присутствующих.

И вдруг он понял... По телу его пробежала дрожь. Белая рука с узловатыми, искривленными худобой пальцами высунулась из-под одеяла.

— Дайте сюда... — чуть внятно произнес Бланки.

Начальник тюрьмы не понял, что просит умирающий.

— Дайте ему бумагу, — сказал доктор, — он хочет сам удостовериться в том, что это — правда.

Начальник закивал головой и протянул Бланки министерское сообщение.

Белая рука порывисто схватила бумагу, скомкала ее и яростным жестом отбросила вон.

Эта операция стоила умирающему больших усилий. Со стоном он откинулся на подушку и что-то забормотал. Догадливая сестра ловко повернула больного на бок, спиной к остолбеневшим от изумления посетителям.

С весной 1846 года пришло выздоровление. Бланки настолько оправился, что его спустили с постели. Он ковылял по палатам, а потом, когда настали теплые дни, ему разрешили выйти в сад.

У высокой белой стены на самом солнопеке стояла скамья, где любили сидеть выздоравливающие. Бланки приходил сюда каждый день. С трудом пройдя несколько шагов, он осторожно опускался на скамью, запахивал верблюжьей шерсти халат и, улыбнувшись своим соседям, с на-

слаждением замирал под жаркой лаской весеннего солнца. Он радовался наливающимся соком травам, жирным разрыхленным комьями земли на клумбах и жмурился от яркой желтизны посыпанных песком дорожек. Пряный запах раскрывающихся почек на вековых каштанах приятно щекотал ноздри.

Всем существом Бланки чувствовал, как и в нем расцветает жизнь. Кровь быстрее бежала по жилам; вялые, одеревеневшие за время болезни мускулы становились снова упругими и эластичными. Сладкая истома сковывала тело, голова клонилась все ниже и ниже... Кисточка шерстяного колпака на голове беспомощно свисала и тихо раскачивалась в такт ровному, глубокому дыханию.

XV
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Тюремное начальство решительно не знало, что делать с Бланки. Оно не могло допустить неуважения к особе короля и считаться с отказом Бланки от помилования. Гордый жест во время болезни чиновники истолковали как горячечный бред. Но не мог же бред продолжаться у здорового? А Бланки и выздоровев продолжал настаивать на своем.

Выход был наконец найден. Бланки выписали из больницы и как выздоравливающего поместили в маленьком уединенном домике в глубине больничного сада.

Здесь ничто не напоминало тюрьму. Отведенная заключенному комната была светла и чиста; окна без решоток выходили в веселый сад, спускавшийся прямо к Луаре. Узника никто не сторожил. Бланки предоставили полную свободу: он мог гулять, заниматься, получать с воли газеты и книги и даже принимать посетителей.

А посетителей являлось не мало; в городе нашлось много людей, явно или тайно сочувствовавших ему.

Внизу в полуподвале работал столяр Годэн. Бланки часами сидел в его мастерской и следил за работой. Ру-

банок со свистом ходил взад и вперед по доске. Кудрявые стружки с легким шелестом ложились на пол. Они пахли лесом и далеким простором. Годэн то мурлыкал под нос бесхитростную песенку, то рассказывал Бланки о тягостях жизни.

Сюда же Бланки приводил своих гостей. Годэн бросал тогда работу; он садился на корточки и, тряся своей редкой бородкой, отводил душу в жалобах и угрозах.

Здоровье Бланки быстро восстанавливалось. Очень скоро он перестал волочить ноги, вернулась былая стремительная и упругая походка, спина выпрямилась, глаза смотрели, как раньше, живо и насмешливо.

Когда к нему заходил кто-нибудь из тюремщиков, Бланки сразу огорошивал его вопросом:

— Когда вы переведете меня в одиночную камеру? Пора, я думаю.

— Зачем так торопиться, господин Бланки... Вам нужно еще оправиться после болезни.

— Так вы хоть решотки в окна вставили бы, — продолжал Бланки.

В глазах его вспыхивали лукавые искорки. Тюремщик спешил поскорей убраться.

Спокойную жизнь прервало совершенно неожиданное событие. Однажды, сидя в своей комнате за книгой, Бланки услышал какой-то частый треск, как-будто в воздухе лопались пузыри. Он вышел на крыльцо и прислушался: в городе стреляли.

Чем была вызвана стрельба, в тюрьме никто не знал.

В этот день к Бланки никто не пришел. Поздно вечером прибежал Годэн. Он с жаром рассказывал Бланки о происшедших в городе событиях: он был не только их очевидцем, но и участником. С утра на рынке возникли беспорядки из-за дороговизны хлеба. Полиция тщетно пыталась разогнать толпу. В нескольких лавках побили стекла; один из полисменов был обезоружен. Тогда префект вызвал войска, и только к вечеру удалось подавить бунт.

Годэн захлебывался от восторга. Ведь он первый подскочил к полисмену и отнял у него ружье! Разве это не геройский поступок? И он сердился на Бланки, который отказывался признать грандиозность разыгравшихся беспорядков.

Каково же было удивление Бланки, когда на следующий же день он оказался в одиночной камере. В соседних камерах — он скоро это узнал — сидели все его посетители и среди них Годэн. Еще больше изумился Бланки, когда при первом допросе у судьи он узнал, что его обвиняют в участии в беспорядках.

Бланки оказался главой «заговора», его посетители — сообщниками и заговорщиками. Суд построил все обвинение на вранье Годэна, оказавшегося полицейским шпионом и провокатором. Голодный бунт оказался счастливой находкой для тюремной администрации: он давал возможность водворить Бланки в тюрьму и после королевского помилования.

Бланки был взбешен: его провели, его заставили попасться на удочку провокатора! Но он не сдался. Он повел такую умелую борьбу с полицией, что даже королевский суд принужден был оправдать его.

Дело тянулось полгода. После окончательного оправдания высшим судом в Блуа Бланки вызвали в канцелярию тюрьмы.

Там его встретил сам начальник.

— Забирайте свои вещи и оставьте тюрьму,—решительно заявил он.

Бланки усмехнулся.

— Срок моего заключения не кончился, — сказал он. — Я останусь до самого конца.

— Вы помилованы его величеством, и вам это хорошо известно.

— Я не желаю принимать эту подачку.

— Примете вы ее или не примете, а через десять минут духу вашего здесь не будет, — заорал начальник.

Он приказал надзирателям собрать вещи заключенного. Через несколько минут Бланки вынесли чемодан с наскоро

уложенными вещами. Двое надзирателей взяли его под руки и повели к выходу. Начальник тюрьмы проводил его до выхода. На его лице была написана такая ярость, что Бланки чуть не расхохотался.

— Ну, что же, — сказал он. пожимая плечами, — силе я принужден подчиниться.

Он взял свой чемодан, приподнял, прощаясь шляпу и вышел на улицу.

XVI
СВОБОДА!

Восемь лет под ряд Бланки жадно, нетерпеливо ждал момента, когда перед ним раскроются двери тюрьмы. Вот он пришел, этот момент, а Бланки не знал, что с собой делать. В первый раз в жизни он почувствовал себя растерянным, слабым, беспомощным.

Сонная улица маленького провинциального городка, ленивые прохожие, изредка проезжавшие экипажи и телеги показались ему каким-то адским водоворотом. Как у тяжело больного, вставшего первый раз с постели, у него закружилась голова. Он боролся с слабостью и шел, все шел прямо по улице, куда глаза глядят. Иногда он садился отдохнуть на какую-нибудь попавшуюся на глаза скамью, а то и на подоконник магазина или какое-нибудь крыльцо. Затем он вставал и снова шел, как завороженный.

На какой-то площади его взгляд случайно упал на стоявший у фонтана экипаж. Кучер дремал на козлах, а лошадь, уткнув морду в торбу, с вкусным хрустом размалывала крепкими челюстями зерна овса.

Бланки остановился, глядя на эту мирную и такую обыденную картину. Он был, должно быть, очень странен: маленький, очень худой, в черном, наглухо застегнутом сюртуке, один на залитой солнцем площади с маленьким чемоданчиком в руке. Проходивший мимо мальчуган подошел к нему и, недоумевая, оглядел черного человечка и жующую лошадь.

— Что тут необыкновенного? И чему он улыбается и радуется? — спрашивал себя мальчуган, глядя на Бланки.

Бланки тоже заметил мальчугана. Он еще шире улыбнулся и сконфуженно отошел. Мальчик шел за ним. Бланки направился к будке, блиставшей на солнце стеклянными гранями стаканов, графинов и банок со сластями, и попросил стакан воды. Мальчуган не отходил от него.

— Хочешь пряник? — обратился к нему Бланки.

Тот кивнул головой. Взяв протянутый ему пряник, он зажал его в руке, словно боялся, что его отнимут.

От ледяной чистой воды Бланки вернулось сознание действительности. Он почувствовал голод и усталость. Где-то вдалеке пробили башенные часы.

— Пять часов, — сосчитал Бланки. — Из тюрьмы я вышел в половине первого... Что я валандаюсь четыре с половиной часа? Нужно подумать о ночлеге... Гостиница? Брр... Но делать нечего...

— Эй, малыш! — крикнул он мальчику, улепетывавшему со своей добычей. — Ты не знаешь, где тут гостиница?

Мальчик остановился.

— Знаю, — ответил он. — А вам нужна комната?

— Да. И если не в гостинице, то тем лучше.

— Мама сдает комнату...

— Где это? Далеко?

— Нет, совсем близко. По этой улице направо, потом налево, потом... — затараторил мальчуган в восторге от того, что приведет матери постояльца.

— Направо... налево... — возьми-ка лучше, друг мой, экипаж.

Кучер не заставил себя долго ждать. Он взнуздал лошадь, вскочил на козлы, и экипаж с тяжелым грохотом покатил по мостовой. Мальчуган гордо восседал на мягких подушках рядом с Бланки. За несколько минут пути он успел рассказать, что мать его—вдова, что у нее двое детей, старший недавно уехал искать счастья в Париж, и его-то комната отдавалась в наймы.

Комната оказалась маленькой, светлой, уютной с цветами на окнах. За расписной занавеской высилась гора взбитых подушек и перин на широкой дубовой кровати.

Вдова захлопотала около нового постояльца. Через час Бланки, накормленный, умытый, успокоенный заботой, с удовольствием растянулся на кушетке.

Первая ночь на свободе принесла ему небывалый покой и мир. Несколько раз он просыпался. Каждый раз его слух улавливал мерное тиканье часов в соседней комнате; и сонное сознание превращало его в шаги часового у дверей камеры. Бланки вздрагивал. Тик-так-тик-так, — стучали часы. Бланки переворачивался на другой бок и засыпал, сладко ежась под освежающим холодком чистых простынь.

Утром, бодрый и радостный, Бланки вскочил с постели, лишь только солнце зазолотило прозрачную оконную занавеску. Вдова уже хлопотала на кухне. Услышав плеск воды, она заглянула к постояльцу.

— Вы уже встали? И у меня все готово... Сейчас несу.

Вскоре на столе, покрытом чистой скатертью, дымилась яичница, кудрявились листья салата и краснели ядра редиски. Вдова, усевшись напротив и подперев рукой голову, плакалась на тяжелую жизнь. Бланки сочувственно кивал ей головой и сам думал о своем.

В Париж въезд закрыт. Блуа—глухая провинция, безжизненная и тихая; да и жить первое время придется под надзором. Не беда! За восемь лет произошло столько перемен, что не худо временно пожить вдалеке и яснее осознать новые задачи. Нужно только крепко связаться с Парижем, найти старых друзей, товарищей по борьбе, повидаться с ними и тогда... О, тогда видно будет, что делать... И Бланки вспомнил, как из Жанси он организовывал общество «времен года».

После завтрака, прохаживаясь в задумчивости по комнате, Бланки подошел к окну. У подъезда стоял экипаж. Бланки узнал кучера, привезшего его вчера. Через несколько минут из дома вышел какой-то человек и сел в экипаж.

Тотчас вслед за этим к Бланки вошла вдова. Она была смущена и, робко переминалась с ноги на ногу, не решаясь заговорить.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросил ее Бланки.

— Не сердитесь на меня, мсье, — заговорила она тогда.— Мне приходится... Я должна попросить вас... Пожалуйста, уезжайте и как можно скорей, — почти крикнула она. — Вот ваши деньги. — И она выложила на стол полученную вчера плату. На глазах у нее появились слезы.

Бланки ничего не понимал.

— Вы чем-нибудь недовольны? — спросил он.

— Нет... Чем я могу быть недовольна?

— Так в чем же дело? — раздраженно воскликнул Бланки.

Женщина крадучись подошла к Бланки и, оглянувшись сперва на дверь, потом на окно, зашептала:

— Я не виновата... Приказ префекта. Мне велели отказать вам от квартиры. Иначе... Вы понимаете, что они могут сделать с одинокой женщиной. Я не верю, конечно, но мне сказали, что вы — опасный преступник.

Бланки схватил шляпу и подошел к двери.

— Я поеду объясниться в префектуру. Это — небывалый произвол.

Вдова бросилась к двери.

— Ради бога не ходите, дорогой мсье. Они запретили мне открыть вам причину отказа. Будет еще хуже... — Она вытерла глаза кончиком накинутого на плечи старенького платка и. всхлипывая, добавила: — Пожалуйста, уезжайте.

Бланки не захотел навлекать на бедную вдову громы префектуры. Он собрал свои вещи, попрощался и вышел.

На улице Бланки тотчас же заметил слежку: какой-то человек в глубоко накинутом на глаза картузе следовал по его пятам. Бланки пожал плечами и ускорил шаг. На следующем углу к шедшему за ним человеку присоединился второй.

В первой встретившейся на пути гостинице хозяин заявил, что комнат свободных нет. Во второй, в третьей—то же

самое. Бланки потерял терпение. В шестой, должно быть, гостинице он не спросил, а сразу настойчиво потребовал комнату. Вышедший к нему плешивый старичок робко осмотрел его с ног до головы, осклабился и развел руками.

— Поскорей. Мне некогда. И самую чистую комнату, — еще решительнее заявил Бланки и направился вверх по лестнице. Хозяин исчез, потом появился, опять исчез... Бланки слышал, как он с кем-то шептался. Потом чей-то голос позвал его из глубины темного коридора.

— Эй, мсье, идите сюда. — И служанка открыла перед ним дверь в затхлую коморку.

— Я просил комнату, а не конуру, — сказал Бланки.

— Другой нет, — ответила девушка и убежала.

В этой конуре Бланки пришлось прожить несколько дней. Из гостиницы он переехал в дом к богатому и чудаковатому купцу. Господин Гутэ—так звали любезного хозяина—гордился тем, что принимал у себя в доме знаменитого революционера. Он предоставил в распоряжение гостя удобную комнату и каждую минуту засылал к нему слуг справиться, не нужно ли чего господину Бланки.

Вслед за Бланки к новому месту его жительства потянулись и его неизменные спутники: один — сутулый, скверно одетый, в надвинутом на глаза картузе, другой — рыжий, франтоватый. Одного из них Бланки заметил в окне дома насупротив, другой весь день не покидал столика в кафе наискось от дома. Бланки показал их господину Гутэ.

— Подождите, не то еще будет — захохотал тот. — Я знаю нашего префекта... Ох, и проказник же он.

Проказы префекта продолжались.

За обедом Бланки доложили, что какой-то человек настойчиво хочет видеть его. Бланки вышел. В прихожей его ожидал тощий субъект в рваном и грязном пальто.

— Господин Бланки! Какое счастье, что я вас вижу! — воскликнул он и развязно протянул обе руки.

Бланки заложил руки за спину.

— В чем дело? — спросил он.

— Вы, конечно, не доверяете мне. Это пальто, — за этим последовал красноречивый жест, — эти давно небритые щеки...

Бланки нахмурился. Незнакомец подошел к нему ближе и зашептал:

— Я бежал из Парижа. Меня преследует полиция. Вы меня можете не помнить — о, я маленький человек! — но я хорошо помню и вас и великий день 12 мая. Тогда вы научили меня быть человеком и воином. Все эти годы я ждал вас, чтобы стать в ряды...

Бланки подошел к выходной двери и открыл ее.

— Убирайтесь вон! — крикнул он.

Незнакомец опешил. Он сразу съежился и нырнул в дверь. Через час кто-то из слуг видел его в обществе рыжего завсегдатая кафе.

Префектура неистовствовала: ей не удавалось лишить Бланки крова, ни поддеть его на провокацию, чтобы снова бросить в тюрьму.

Кроме двух обычных спутников, Бланки стал сопровождать по улице полицейский. Сперва полицейский держался в отдалении, но однажды он подошел вплотную и пошел рядом с Бланки. Бланки резко повернул и направился к префектуре. У входа полицейский остановился.

— Ну, заходите, — обратился к нему Бланки, открывая дверь.

— Но, мсье.

Бланки подскочил к полицейскому и схватил его за рукав.

— Идемте или я вас втащу за шиворот.

Ошарашенный блюститель порядка бочком пролез в дверь.

Помощник префекта беспокойно заерзал на кресле, когда в его кабинет вошел Бланки.

— Извольте приказать этому субъекту оставить меня в покое и не ходить со мною рядом по улицам, — отчетливо заявил Бланки, показывая на полисмена, которого продолжал держать за рукав.

— Вы под надзором, мсье Бланки... — хихикнул чиновник.

— Вы должны знать правила содержания под надзором. А это не надзор, а издевательство.

— Таков приказ...

— Я буду жаловаться в Париж. Сейчас же дайте мне бумагу и перо.

Чиновник растерялся. Он подал требуемое и взволнованно следил за пером Бланки.

«Я требую, — писал Бланки, — чтобы меня отправили назад в тюрьму. Я и сейчас готов к каторге. Там я буду по крайней мере избавлен от публичных оскорблений и найду кров и хлеб, которых меня хотят лишить повсюду вне стен тюрьмы. Если меня не может охранить закон, мне остается защищаться самому. Поэтому заявляю вам, господин прокурор, что при новом выпаде полиции, оскорбительном для моей свободы, я отвечу силой на насилие».

Результаты получились неожиданные даже для Бланки: власти устыдились скандала. Надзор за Бланки не ослабили, но он не был так нагл, как раньше.

XVII
1848

От пленения в Блуа Бланки освободила февральская революция.

События подкрадывались незаметно. Ропот, демонстрации, отдельные вспышки, возмущения, шумные банкеты оппозиции давно заставляли волноваться не только Париж, но и провинцию.

Бланки с настороженным вниманием прислушивался к отдаленному гулу нароставшей революции.

Блуа он покинул, лишь только подтвердились тревожные слухи об уличных боях в Париже.

В тряском вагоне железной дороги было душно и тесно Бланки сидел в углу. На каждой станции входили новые люди; вместе с ними вползали новые слухи, тревожные и не-

понятные. Издали все казалось невероятным и баснословным. Противоречивые известия сплетались в нелепый клубок. То говорили, что королевские войска подавили восстание; то оказывалось, что эти войска вытеснены из Парижа, дворцы разграблены, король убит, город оставлен на разграбление черни.

Чтобы не прислушиваться к сбивавшим с толку слухам, Бланки упорно разглядывал свой тощий саквояж. Выцветшая гарусная вышивка изображала пенящийся горный поток, зажатый среди лиловых скал. Бланки, рассматривая вышивку, словно впервые видел ее. Все в ней напоминало ему далекий родной юг. Много лет тому назад, почти ребенком, Бланки садился с этим саквояжем в дилижанс, который впервые увозил его в Париж. Какую гордую, головокружительную мечту увозил юный Бланки из милой и жалкой провинции.

Теперь изгнанником он возвращался в Париж, где разыгрывался последний акт давно подготовляемой трагедии. Бланки не собирался играть в ней роль статиста. От нетерпения он покусывал щетинистую бороду. За окнами мигали одинокие огоньки. Колеса часто стучали. Скоро... Скоро... Скоро...

Наконец вдали по небу расползлось мутно розовое облако. Париж! Облако все наростало. Потом запрыгали частые огоньки, сплетаясь в огненную сетку. Вагон подпрыгнул на последней стрелке, колеса взвизгнули. Стоп...

Бланки вышел на перрон. Впереди бежала толпа. Издали доносился нестройный гул голосов. Суета, толкотня, взволнованные лица, крики, радостные возгласы, где-то многоголосое «ура».

Недалеко от выхода с перрона толпа стояла стеной. Бланки протолкался вперед. На стене висела афиша. Бланки прочел:

«Я слагаю с себя корону, возложенную на меня волею народа, в пользу моего внука графа Парижского.

Да выполнит он счастливо великую задачу, к которой призван сегодня».

Под этим стояла четкая, ровная и прямая подпись: «Луи Филипп».

7.—3576

Это была подпись человека, против которого столько лет боролся Бланки, который бросил его в каменный мешок замка Сен-Мишель и заставил его провести мучительные годы одиночного заключения. Трон этого человека разрушен. То, что не удалось Бланки и сотне заговорщиков, совершил Париж.

Но это было не все. Тут же над отречением Луи-Филиппа висела вторая афиша. Бумага еще топорщилась от невысохшего жидкого клея. На длинной полосе белого листа было напечатано громадными буквами:

«РЕСПУБЛИКА ПРОВОЗГЛАШЕНА В 4 ЧАСА»

Больше ничего. Этих слов было достаточно, чтобы у Бланки захватило дыхание.

Вид улицы его ошеломил.

Мертвая тишина. В полумраке сгустками ночи чернели разъезжавшие кареты. Отряд национальных гвардейцев с ружьями в козлах стоял у подъезда вокзала.

Бланки едва нашел карету. Кучеру он велел ехать медленно. Опустив окно, он с любопытством оглядывал пустые улицы. Город был похож на вооруженный лагерь. Во многих местах виднелись следы разрушения. Дома зияли дырами пробоин. Обвалившиеся карнизы загромождали тротуары грудой извести. Местами еще краснели незамытые лужи крови. С мерным топотом проходили отряды инсургентов. Они шли быстро, торопясь куда-то. В темноте зловеще сверкали штыки и саженные пики. Среди картузов проходивших рабочих мелькали белые повязки раненых. Раз или два по направлению к ратуше проехали телеги с телами убитых.

На некоторых зданиях еще горели плошки. Из окон свешивались громадные полотнища флагов.

Баррикады не были убраны. Беспорядочные громады, достигавшие вторых этажей домов, перерезали улицы.

— Ого! — невольно воскликнул Бланки при виде первой баррикады. — Такие крепости выдержат и орудийный огонь.

Атмосфера восставшего города опьяняла его. Он чувствовал, как в нем плясала радость. Ярко горевшие у баррикад костры бросали багровые блики на черные фигуры инсургентов. Все были вооружены до зубов. За спинами висели ружья, сбоку волочились блестящие ножны сабель, за поясами торчали пистолеты, карманы топорщились от патронов.

Около первой баррикады карету Бланки остановили.

— Стой!

Два инсургента подошли к карете и открыли дверцу. Две пары лихорадочно блестевших глаз уставились на Бланки.

— Пропуск! — рявкнул здоровенный детина и протянул руку.

— Я — Бланки, политический заключенный, освобожденный революцией. Пропуска я не могу иметь, так как только что приехал в Париж.

— Откуда?

— Из Блуа.

Инсургенты переглянулись. Бланки заговорил решительнее:

— Товарищи, я не для того томился столько лет в королевской каторге, чтобы революционный народ отказывал мне в праве гражданства. Пропустите меня, — добавил он с властным жестом.

Карету пропустили. Она проехала через брешь, пробитую в баррикаде, и покатилась дальше.

Бланки было обидно, что ему, старому революционеру, приходится требовать пропуска у ничего не знавших о нем людях. И все же его радовали частые остановки, оклики «Кто идет?» и наведенные на него дула ружей. Ведь это свидетельствовало о революционной бдительности победившего, но еще не закрепившего свою победу народа.

Около ворот Сен-Мартэн карета остановилась перед грандиозной баррикадой, защищавшей путь в густо населенный рабочий квартал. На гребне баррикады стояли двое рабочих, укрепляя древко знамени. На красном полотнище Бланки прочел:

«Да здравствует республика демократическая и социальная».

Бланки не мог оторвать глаз от этого красного знамени. Он все высовывался из окна кареты и оглядывался назад, восхищенно ловя взглядом ярко-алое пятно на черном ночном небе...

XVIII
БОРЬБА ЗА ЗНАМЯ

«Да здравствует Республика!»

«Граждане, не складывайте оружия!»

«Граждане! Будьте на страже: революция 1848 года не должна закончиться обманом, как в 1830 году!»

«Республика провозглашена в 4 часа».

«Именем французского народа.

Прокламация временного правительства.

Королевское монархическое правительство ниспровергнуто героизмом парижского народа. Это правительство бежало, оставив за собой кровавый след, который никогда не позволит ему вернуться.

Кровь народа текла, как в июле, но на этот раз великодушная кровь народа не будет обманута...»

«Братья! Не разрушайте машин!

Помните, что разрушение механических печатен только заглушает голос революции».

«Французская республика.

Временное правительство дарует свободу всем политическим заключенным».

«Правительство Французской Революции обязуется обеспечить всех рабочих работой.

Оно обязуется обеспечить работой всех граждан...»

«Да здравствует республика! Свобода, равенство и братство».

Афиши, афиши, афиши... Их было столько на стенах, заборах, столбах и фонарях, что у Бланки зарябило в глазах

от красных, белых, голубых, серых и желтых листов, лишь только на следующее утро он вышел из дому. Около белых правительственных афиш все время стояла толпа. Читали вслух. Кричали «ура». Шел нескончаемый митинг.

Правительство восхваляли и славили, как и оно восхваляло в своих декретах и воззваниях революционный Париж.

Но какая странная пестрота в этом правительстве! Вчерашний аристократ и либерал Ламартин[1], буржуазные депутаты и социалист Луи Блан[2]. Что могло соединить столь различных людей? Почему вчерашние враги Республики стали вдруг ее горячими защитниками? Что им до народных прав, которые они так торжественно провозглашают?

«Посмотрим... посмотрим, в чем тут дело», — повторял Бланки.

Город трепала революционная горячка. Она сказывалась и в беспорядочном движении толп, и на лицах манифестантов, в их жестах, и возгласах, и в бьющем в глаза красном цвете бесчисленных знамен. Красное знамя развевалось даже на бронзовом Генрихе IV на Новом Мосту. Между бесчисленными рабочими фуражками пестрели красные пятна фригийских колпаков[3]. Фригийские колпаки красовались на древках знамен, на остриях пик и на дулах ружей проходивших отрядов инсургентов. Ни одного цилиндра, ни одной шляпы... Как-будто в Париже внезапно не стало ни одного

[1] Альфонс Ламартин—поэт и политический деятель. После февральской революции он был избран в временное правительство и стал одним из наиболее влиятельных его членов. Своей политической карьерой Ламартин обязан не столько своим убеждениям, очень неустойчивым и путаным, сколько ораторскому таланту, не раз увлекавшему за ним толпу.

[2] Луи Блан—один из наиболее видных социалистов эпохи. Как член временного правительства он пытался отстаивать интересы рабочего класса, но, не обладая настоящей революционной решимостью, всегда становился игрушкой в руках буржуазных министров. Созданная под его председательством люксембургская комиссия для урегулирования рабочего вопроса превратилась в говорильню, оставившую после себя лишь несколько лишенных значения постановлений.

[3] Фригийский колпак — красный шерстяной колпак, ставший со времени Великой революции эмблемой революционности.

франта, ни одного буржуа, ни одного аристократа. Или они попрятались? О, нет... Вот какой-то юноша, холеный, с завитой головой, развязно дирижировал картузом, и толпа пела:

Скиньте шляпу пред фуражкой,
На колени пред рабочим...

А вот и цилиндр. Почтенный буржуа с седеющими бакенбардами покупал красную розетку у уличной продавщицы и зачем-то горячо объяснял:

— О, я всегда был республиканцем. Я сам—из народа... Мой дед пахал землю, отец работал молотом. А я, хоть и добился положения, но — поверьте мне! — никогда не забывал о правах народа.

— Чего там верить, — бойко отрезала продававшая кокарды девушка, вздернув широкими, сильными плечами. — Если и забыл, то теперь напомнят.

Буржуа заволновался, запыхтел и еще горячей стал изъясняться в любви к народу. А девушка подхватила лоток и двинулась дальше.

На пути к Палэ-Руаялю Бланки не раз сталкивался с такими сценками. Он ловил на ходу слова, возгласы, всматривался в толпу и отмечал каждую мелочь.

Несколько раз его путь пересекали бурные толпы манифестантов. Стремительный поток увлекал его. Гремели литавры, ревели трубы. Тысячи голосов сливались в мощном напеве. Железный ритм марсельезы нес его вперед. И он покорно маршировал с толпой.

Но потом он вспоминал о том, что его ждут, и при первой возможности проскальзывал в какую-нибудь уличку и продолжал свой путь.

Наконец он подошел к Палэ-Руаялю, добрался до кафе «Ротонда» и открыл дверь.

Еще в глубине зала он увидел трех человек, сидевших за столиком и о чем-то шептавшихся. Один из них издали узнал Бланки и побежал к нему навстречу, размахивая черной шляпой республиканца.

Вслед за первым вскочили двое других. Все трое были старые боевые товарищи. Они усадили Бланки и засыпали его вопросами. Им сразу нужно было знать все: когда он приехал, кого он видел, что он думает о событиях и что собирается делать.

— Каков наш Париж! — воскликнул один из них. — Небось, ты не ожидал, что все произойдет так скоро. Нужно признаться, что в первую минуту все растерялись.

— Я думаю, что и до сих пор все растеряны, — улыбаясь, заметил Бланки. — Расскажите мне толком, что тут происходит.

Рассказ о событиях Бланки слушал внимательно. Но ему все рассказывали о боях, о героизме инсургентов, а ему нужно было совсем другое. Изредка он останавливал говорившего коротким и точным вопросом: как составили временное правительство, откуда оно взялось... Получив ответ, он кивал головой и продолжал слушать.

Разговор был прерван появлением Вилькока. Еще издали он закричал:

— Что вы тут сидите, как чурбаны... У ратуши демонстрация.

— А ты посмотри, кто с нами, — прервали его.

— Бланки! — воскликнул Вилькок. — Ну, теперь, когда ты с нами, мы повоюем. Как ты...

— Обо мне потом, — прервал его Бланки. — Садись и расскажи, что там у ратуши.

Громадная демонстрация, окружив ратушу, требовала, чтобы красное знамя правительство провозгласило знаменем республики. Министры сладкими речами и лестью пытались умиротворить народ и защищали старое трехцветное знамя.

— Как? Так вот оно каково, это правительство! — вскричал Бланки. — За дело, товарищи. Наймите какую-нибудь залу и дайте знать всем друзьям народа. Нам нужно немедленно создать свой клуб. В нем мы сплотим настоящих республиканцев. Правительству обманщиков мы объявим войну. А пока дайте бумагу и перо. Я напишу прокламацию.

Через некоторое время он протянул товарищам лист бумаги, исписанный очень четким, прямым почерком, таким скупым, что его трудно было читать.

«Временному правительству.

Республиканские воины с глубокой горечью прочли о восстановлении трехцветного знамени. Оно прославлено первой республикой; оно обесчещено Людовиком-Филиппом.

Народ воздвиг красное знамя на баррикадах 1848 года. Это знамя не может быть никем поругано.

Оно носит красный цвет от пролитой народом крови.

Победивший народ не спустит своего флага».

— Напечатайте и расклейте по всему Парижу, — сказал Бланки.—А я ухожу в ратушу.

На Грэвской площади толпа стояла стеной. У дверей ратуши была давка. Бланки смешался с толпой. Водоворот затянул его и смял. Его бросало из стороны в сторону, несло вперед и отбрасывало назад. Наконец течение одним броском вынесло его к самым дверям. Чье-то плечо так придавило его к стене, что он едва не задохнулся. Ноги оторвались от земли, и тело его беспомощно повисло. Потом поток выбросил его в широкий вестибюль.

Здесь хотя бы можно было двигаться. Бланки поднялся на первый этаж.

По коридорам бегали озабоченные люди, хлопали двери, мелькали незнакомые лица; среди фраков, сюртуков, блуз блестели золотые эполеты национальных гвардейцев.

И здесь был полный хаос.

В роскошном приемном зале на золоченых стульях, на коврах, на подоконниках сидели, лежали и стояли вооруженные до зубов инсургенты. У окна высилось красное знамя. Старичок служитель в ливрее с королевскими гербами из угла зала с ужасом оглядывал своими подслеповатыми глазами эту толпу. Мимо Бланки пробежало несколько человек с хлебами, вздетыми на штыки ружей. Их встретили радостными криками: «Хлеб! Ура!» Тут же начался дележ.

«Кого они охраняют: правительство от толпы или народ от правительства?» — думал Бланки.

В толпе мелькнуло знакомое лицо.

— Распай!

Пробегавший мимо Распай обернулся. На его измученном лице появилась напряженная гримаса. Он не мог, очевидно, вспомнить, где он видел стоявшего перед ним человека.

— Вы не узнаете меня? — спросил Бланки.

— Бланки! — воскликнул Распай. — Как же вы изменились...

— Сен-Мишель хоть кого изменит... Но и у вас тут все неузнаваемы... Откуда взялось столько республиканцев?

— Республиканцы поневоле! — воскликнул Распай. — Чтобы заставить правительство провозгласить Республику, я ввел в ратушу вооруженную толпу. Против такого аргумента министры не устояли. Но сегодня они оказались ловчей. Только час тому назад вся площадь была в красных флагах. А теперь...

Он увлек Бланки за собой. Они пересекли весь зал заседаний и подошли к окну. Оттуда открывалась вся Грэвская площадь.

— Посмотрите налево, — говорил Распай. — На Новом мосту... Видите, как проворно убирают последний красный флаг.

Бронзовая рука Генриха IV уже выпустила красное знамя, и какие-то казавшиеся издали муравьями людишки прикрепляли древко трехцветного полотнища.

Бланки отвернулся и осмотрел зал. Девять лет тому назад, 12 марта 1839 года, здесь заседало республиканское правительство. Но как все изменилось... Тогда было правительство без народа, а теперь республиканский народ не имел достойного его правительства.

В зале только-что кончилось заседание. Весь стол и пол около стола были усеяны изорванными в клочья бумагами. Споры продолжались в стоявших там и сям группах. Неподалеку Бланки заметил двух людей, знакомых ему еще по

старому «обществу друзей народа». Бланки упорно смотрел на них, но те, очевидно, его не узнавали.

— А эти — тоже члены правительства? — спросил Бланки Распая

— Во всяком случае люди, близкие правительству.

— Интересно, что они думают обо всем этом...

Расставшись с Распаем, он подошел к группе спорщиков.

— Я — Бланки, — нарочно громко сказал он. — Здравствуйте, господа.

— Бланки? — удивленно протянул один из стоявших. По лицу его пробежала едва уловимая гримаса беспокойства. Он поздоровался с Бланки и увлек его в сторону.

— Давненько тебя не было с нами, — заговорил он.

— Давненько... А вы собираетесь тут разыгрывать старую комедию обмана народа. Недурно, граждане республиканцы.

Прямота и резкость Бланки ошеломили его собеседника.

— Ты о чем говоришь? Какой обман? — пробормотал он.

— Вы начали с него. Сегодня вы свергаете красное знамя революции, а завтра откажетесь от поддержки народных прав. Не так ли?

— Ничего подобного... Ты скверно осведомлен. Знамя, правда, остается трехцветным, но оно будет носить в углу красную розетку. Нельзя же сразу пугать...

— Красная розетка! Здорово придумали... Ха-ха-ха! Прежде всего нельзя самому пугаться и отказываться от революционных шагов. Если вы будете малодушны, храбрыми окажутся враги республики. А вы, обманув своей трусостью народ, предадите и его и себя.

— Ты стал пророчествовать...

— Я не пророчествую, а предвижу.

— Предвидишь то, чего не может быть. Ты, как всегда, хочешь отделиться от всех и действовать в одиночку.

— Как всегда, я хочу только одного: власти трудового народа. Если вы против нее, то я против вас. Прощай.

— Ты уходишь?

— Да. Нам не о чем говорить.

XIX
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Клуб был основан в тот же вечер. Бланки назвал его «центральное республиканское общество».

Первое заседание клуба происходило в необычайной обстановке. Разукрашенный пестрой мишурой танцовальный зал Прадо едва вместил всех пришедших. К приходу Бланки зал был похож на шумный лагерь. Партер ощетинился штыками. Среди сизых клубов табачного дыма ярко блестели наконечники саженных пик с увитыми красными лентами древками. Стулья и скамьи были сдвинуты в полном беспорядке. Никто не сидел на месте. Партер, ложи, галлереи перекликались: почти все собравшиеся знали друг друга по старым заговорщицким обществам или по недавним баррикадам. У эстрады пели. Высокий старик с забинтованной головой дирижировал из ложи, неистово размахивая пистолетом. С эстрады и из залы кричали ораторы; никто их не слушал.

Среди этой сумятицы в зале появился Бланки.

Он быстро шел по проходу от дверей к эстраде. В задних рядах его узнали. По залу пробежал шопот: «Бланки! Вот Бланки!» Все глаза устремились на него. Чтобы лучше рассмотреть узника Сен-Мишель, вскакивали с мест. Какой-то толстяк с лорнетом вытянулся из ложи так. что едва не упал за барьер.

По мере того как Бланки продвигался вперед, гул все возростал. На эстраде произошло движение. Председатель встал, за ним встали все члены президиума. Прежде чем кто-нибудь из них успел сказать слово приветствия, в зале поднялась настоящая буря. Аплодисменты, стук ружей. сабель. сапог смешался с криками:

— Бланки, мы пойдем за тобой! Веди нас!

Бланки быстро шел по проходу, как-будто не замечая неистовства зала. Он легко поднялся на эстраду и подошел к председателю.

— Все готово. Слово за тобой, — шепнул ему председатель, обмениваясь с ним рукопожатием.

Бланки пожал плечами. Что готово? Он не собирался устраивать ни заговора, ни восстания.

Несколько сильных голосов одновременно крикнули из глубины зала: «Привет славному революционеру! Да здравствует Бланки!» И буря оваций разразилась с новой силой.

Бланки не шелохнулся. Он стоял на эстраде, маленький, тщедушный, в наглухо застегнутом старомодном сюртуке. Лицо его было неподвижно и бесстрастно. Седеющая, коротко остриженная голова была откинута назад. Глаза смотрели холодно и спокойно из-под мохнатых бровей.

Зал ревел. Тогда Бланки властным жестом поднял затянутую в черную перчатку руку: он призывал к молчанию. Так, с высоко поднятой рукой он простоял с минуту, пока не воцарилась мертвая, напряженная тишина.

Тогда он заговорил.

Первой речью в Париже он наносил первый удар временному правительству. Рука в черной перчатке жестом неумолимой угрозы указывала на ратушу.

— Предоставьте засевших в ратуше людей их собственному бессилию, — говорил Бланки. — Их слабость — верный знак близкого падения. В их руках—лишь видимость власти. А за нами весь народ, вся трудовая Франция; за нами клубы, где мы организуем этот народ в настоящую революционную армию, как некогда его организовали якобинцы.

«Якобинцы 1848 года» сплотились около Бланки. Клуб заработал. Это не была кропотливая, окутанная непроницаемой тайной работа заговорщиков. Теперь не было ни складов пороха, ни патронных мастерских; никто под покровом ночи не переносил боевое снаряжение; не устраивались тайные смотры, и никто не составлял планов восстания. Революционная армия собиралась открыто, у всех на виду. Она росла, и никто не смел остановить ее роста.

Бланки не знал отдыха. Утро проходило за рабочим столом. Прокламации, воззвания, подготовка к речам, планы

работ клуба, письма... Бланки работал, не разгибая спины. Потом свидания с товарищами, совещания... Дня нехватало, чтобы выполнить даже самое неотложное. Прибегая вечером в клуб, Бланки, совершенно измученный, опускался на стул.

Иногда он вспоминал: «Я ведь ничего сегодня не ел». Он доставал вязаный кошелек и вытряхивал из него несколько су. «Гм... 30 су... небогато... 10 надо оставить на завтра». За 20 су ему приносили из соседнего ресторанчика бедный обед. Бланки с жадностью проглатывал пахнущий прогорклым маслом картофель и сам подшучивал над собой:

— Подумайте: что за никчемный человек! В сорок три года не иметь денег на порядочный обед. А мой брат, профессор, говорил, что у меня есть способности, и сулил мне карьеру.

Бланки всегда забывал позаботиться о себе. Он не ел бы и не спал, если бы заботу о нем не взял на себя вернувшийся из ссылки Флотт. Бланки поселился в его маленькой квартирке под самой крышей старого, полусгнившего дома на улице Бушэ.

В клубе между Флоттом и Бланки происходила постоянная война. Если Флотт заставал Бланки за едой, обед тотчас исчезал под самым носом Бланки. Проголодавшийся Бланки протестовал.

— Ты не смеешь отравлять себя. Подождешь четверть часа, ничего с тобой не сделается, — неизменно отвечал Флотт и убегал.

Через несколько минут он уже стучал кастрюлями и сковородками у плиты привратника. Потом он появлялся перед Бланки раскрасневшийся от жара и сияющий, с дымящейся тарелкой какого-нибудь тончайше приготовленного соуса.

— Вот это ты можешь есть, — говорил он, с гордостью ставя перед Бланки свою стряпню.

И его возмущению не было пределов, когда Бланки торопливо и равнодушно проглатывал шедевр кулинарного искусства.

Потом начиналось заседание, и Бланки оживал.

А на следующее утро продолжалась та же безостановочная скачка. Бланки всегда куда-то торопился. За день его можно было повстречать в самых различных частях города. То в одном месте возникала забастовка, то в другом конце города закрывалась фабрика и хозяин выбрасывал сотни людей на улицу, то бунтовались безработные. Бланки всюду поспевал, всюду говорил, всюду агитировал.

Во всех кварталах города около мэрий по целым дням стояли сотни безработных. В толпе не прекращались крики:

— Работы! Республика обещала нам работы! Хлеба!

С каждым днем толпы становились все гуще и крики настойчивей. Толпа врывалась в мэрии, выгоняла чиновников, била стекла и утихала только получив требуемое.

Каждый день Бланки можно было увидеть около какой-нибудь мэрии. Он забирался в самую гущу ревущей и свистящей толпы.

— Граждане!—взывал он.—Битьем стекол вы ничего не добьетесь. Побьете сегодня, побьете завтра, а там и стекол нехватит для ваших камней. Вы не получите ни работы, ни хлеба, пока сами организованно не захватите их.

Он обращался к кому-нибудь из стоявших около него. На сильный голос оборачивались. Вскоре около него собиралась толпа.

— Слушайте, слушайте!—поднимались крики.

Бланки взбирался на какое-нибудь возвышение или рабочие сами поднимали его на руки, и он говорил, кричал, стараясь покрыть своим голосом рев толпы.

— Вам сказали, что республика даст каждому рабочему работу и пропитание. Не верьте... Это пустое обещание, которое никогда не будет выполнено. Правительство бессильно это сделать, пока оно топчется на месте, не решаясь посягнуть на «незыблемые права» банкиров, фабрикантов и всех эксплоататоров рабочего люда.

— Долой эксплоататоров! Работы!—подхватывала толпа.

— Правительство трусов и лицемеров может бросить вам только нищенскую подачку. Ну, что же, идите в националь-

ные мастерские [1], получайте по франку в день за безделье и покорность. Благословляйте милосердных господ из ратуши за их щедроты, если вы сами не умеете взять то, что вам принадлежит.

Одобрительный гул переходил в бешеные рукоплескания.

— Нас обманывают!—кричали из толпы.—Мы напомним господам из ратуши, что мы—хозяева, а они—только приказчики. Мы заставим их повиноваться.

Но стоило выйти из мэрии чиновнику с бюллетенями для посылки на работу или с сообщением об очередных выдачах, как все забывалось. Толпа бросалась к мэрии. Она готова была рукоплескать, как только-что рукоплескала Бланки. Приказчик оказывался усерден — он получал прощение.

К тому же приказчик был лицемерен и льстив. Каждую подачку он умел преподнести как плод неустанных забот о благе народа. В воззваниях, прокламациях правительства иначе не писалось, как «храбрый народ», «мудрый народ», «великий народ». Непрерывным потоком лести одурманивали толпу.

Из ратуши, как из рога изобилия, сыпались декреты один великолепнее другого. Народу говорили:

«Революция, совершенная народом, должна быть совершена для него;

пора положить конец долгим и несправедливым страданиям рабочих;

рабочий вопрос — вопрос наиболее важный из всех;

нужно без малейшего промедления принять меры к тому, чтобы гарантировать народу законные плоды его труда».

Всюду, где только можно было, красовались слова:

«Свобода. Равенство. Братство».

---

[1] Все возраставшая безработица заставила временное правительство создать „национальные мастерские" ведавшие общественными работами. Посылаемые мэриями безработные получали в дни работы два франка в день, а при отсутствии ее (большая часть недели)—один франк. Такой благотворительной мерой, заменявшей социальную реформу, временное правительство хотело привлечь к себе симпатии рабочих и заглушить их ропот.

«Свобода, равенство, братство!—восклицал Бланки в одном из своих воззваний. — Этот девиз, блещущий над фасадом общественных зданий, не должен стать праздной оперной декорацией.

Довольно игрушек! Мы—не дети! Нет свободы, когда у народа нет хлеба. Нет равенства, когда изобилие живет рядом с нищетой. Нет братства, когда работница со своими изголодавшимися детьми молит около дворцов о пропитании.

Работы и хлеба!»

А правительство, так славившее народ, втихомолку вооружалось: под Парижем стягивались войска.

Тогда Бланки поднял голос за разоружение всей армии.

— У кого оружие, у того и хлеб, — говорил он.

Народ сознавал, на чьей стороне правда. Но, как неумелый и робкий хозяин, он во что бы то ни стало хотел верить своему льстивому приказчику. А решительность Бланки и увлекала народ и пугала.

Требования Бланки пугали не только народ: он стал страшен даже социалистическим клубам. Вслед за буржуазией и социалисты повели против него настоящую войну. Чего только ни говорили о нем: «Бланки хочет стать диктатором, Бланки — маньяк заговорщик, Бланки утопит Францию в крови, Бланки ищет только смуты». Для борьбы с Бланки социалисты соединились с правительством.

Даже старый друг и единомышленник—Барбэ—был против него. Начавшаяся еще в тюрьме ссора закончилась в Париже полным разрывом; при случайных встречах Бланки и Барбэ даже не замечали друг друга.

Бланки скоро оказался совсем одинок. За ним шел только его клуб. Каждый рабочий знал его имя, слушать его приходили тысячи, каждый его призыв подхватывали и разносили по Парижу, но в решительный момент шли не за ним.

Так случилось и 16 марта во время первой большой народной демонстрации. В ней приняло участие двести тысяч рабочих. Шествие казалось нескончаемым. Порядок был образцовый. Шли под барабанный бой клубами, мастерскими,

8.—3576

организациями. Впереди несли знамена клубов, среди которых выделялось красное знамя центрального республиканского общества.

Дело шло о разоружении армии и об отсрочке выборов в национальное собрание и национальную гвардию. И то и другое было необходимо для укрепления республики.

«Народ желает, — говорил Бланки в своем воззвании, — чтобы власть, созданная на баррикадах, крепкой рукой управляла государством.

Народ требует, как неотложное мероприятие, удаления от столицы линейных войск и отсрочки выборов. Париж—ум и сердце Франции—должен охраняться только народом».

Еще накануне все думали, что на призыв клубов откликнутся только несколько тысяч человек. Но с утра начали приходить тревожные сведения. От Елисейских полей, где собирались колонны демонстрантов, к ратуше один за другим мчались гонцы.

Из предместий идут тысячи рабочих.

— В демонстрации участвуют все демократические клубы.

— Среди депутатов — Бланки.

— Колонна двинулась вперед.

В ратуше засуетились. В министерских кабинетах шли спешные совещания.

Никто не мог скрыть своего страха.

— Нас сметут, как былинку, — повторяли самые трусливые.

Военный министр разводил руками.

— Ну, что же,—говорил он,—мне не дали ввести войска.— Теперь все погибло.

Луи Блана окружили его товарищи по кабинету. Любимца народа пугали переворотом, анархией, ужасами кровопролития, если не удастся успокоить толпу. Он сдался так быстро на уговоры, что даже сам удивился; ему стыдно было признаться, что и он струсил.

Голова колонны подошла к ратуше. Из передних рядов вышли делегаты и вошли в здание. Их встретили пристава и со всеми знаками почета проводили в приемный зал. На-

встречу им из других дверей вышли члены правительства и взошли на предназначенную для них эстраду.

Когда Бланки вслед за другими делегатами вошел в зал, он почувствовал, что против него подготовлен заговор. Барбэ, Собрие, члены «клуба клубов» пробежали вперед и окружили эстраду плотным кольцом. Когда Бланки хотел пройти вперед, перед ним еще тесней сомкнулись спины. Ну да, его оттесняли назад, чтобы не давать ему говорить.

Начались речи. Говорили делегаты, говорили министры. После первых же фраз томительная тревога рассеялась: обе стороны отлично понимали друг друга. Делегаты не требовали, министры не отказывали. Все произносили пышные, цветистые речи, словно стоявшие у ратуши десятки тысяч людей пришли сюда только для того, чтобы организовать это состязание ораторов.

Стройный, высокий Ламартин был великолепен. Он театрально простирал руки к делегатам, кому-то грозил, кого-то прижимал к груди, закатывал глаза и сам упивался мощью и звучностью своего голоса. Вслед за ним маленький Луи Блан неистово размахивал руками, подпрыгивал и вытягивался, как марионетка, которую дергают за веревочку.

И скоро согласие было достигнуто. Выборы откладывались... на две недели; что же касается вывода войск, то министры клялись, что войска под Парижем совсем нет. Они лгали, и все знали, насколько лживы эти уверения.

Оттесненный назад, Бланки молчал: он не желал принимать участие в этом представлении. От злобы и негодования у него даже губы побелели. Рядом с ним громыхал Флотт:

— А, негодяи! Комедианты! Предатели!

— Молчи, — шептал ему Бланки. Он сдерживался сам и удерживал своих друзей от бесполезных выступлений.

Лишь только закончились речи, он выбрался из залы и сбежал с лестницы. На площади его оглушило громовое «ура!» Все глаза были устремлены к балкону ратуши. Представление продолжалось; оно разыгрывалось теперь перед самим народом.

XX
„РЕАКЦИОНЕРЫ, ВЫ—ПОДЛЕЦЫ“

Бланки не принадлежал к тем людям, которых может сломить неудача. Как ни тяжелы были последствия 16 марта, он продолжал твердить:

— Мы еще поборемся.

Но за первым ударом последовал второй.

Утром 31 марта в комнату Бланки ворвался Флотт. Бланки работал. При стуке дверей он оглянулся, посыпал исписанный лист песком, взял другой и продолжал писать.

— На, прочти,—крикнул Флотт и швырнул на стол журнал.

Бланки раздраженно поморщился.

— Подожди. Что за спешка...—проговорил он, отодвигая брошенный ему журнал и продолжая писать.

— Да ты посмотри, что там написано,—не унимался Флотт. Он схватил журнал и ткнул пальцем в заголовок.

— Читай: «Дело 12 мая 1839 года». Видишь... Дальше: «Предлагаемый читателям документ носит название: «Показания, данные г. министру внутренних дел». Так как документ этот не подписан, мы не считаем себя в праве воспроизвести здесь имя, которое не пропущено на лежащем перед нашими глазами оригинале». Недурно?

Бланки ничего не ответил. Взяв журнал, он откинулся на спинку кресла и стал читать. Прочел страницу, другую и с недоумением повертел журнал в руках. Это была тоненькая тетрадь большого формата, еще пахнущая типографской краской. На серой обложке было напечатано:

«Ретроспективное обозрение или секретные архивы последнего правительства. Непериодический сборник, издаваемый Ташеро».

— Кто это?—спросил Бланки, указывая на фамилию редактора.

— Какой-то журналист...—ответил Флотт, пожимая плечами.—Читай же... Тебя ждут сюрпризы.

Бланки углубился в чтение. По мере того как он читал, он все больше хмурился. Рука нервно перелистывала страницы.

Бланки—предатель! Бланки—доносчик!

Опубликованный Ташеро документ совершенно открыто обвинял Бланки в том, что он раскрыл королевской власти всю организацию общества «времен года» и назвал его главарей. Первое показание было помечено 22 октября 1839 года, последнее — 25 октября. В эти дни Бланки сидел в тюрьме в ожидании суда. Значит, он испугался возможной казни? Он покупал свою жизнь ценой предательства?

Бегавший из угла в угол Флотт остановился перед Бланки.

— Ну...—надтреснутым голосом проговорил он.

Бланки вскочил. Кресло с шумом упало. Журнал Ташеро полетел в угол комнаты.

— Что... ну? — вскричал Бланки. — Ты требуешь от меня объяснений? Ты хочешь знать, мое ли имя должно стоять под этим «документом?»

Маленькая фигурка вытянулась. На поднятом к Флотту лице страшно блестели глаза. Бланки не оправдывался, он сам требовал к ответу Флотта.

— Я не о том,—пробормотал смущенный Флотт.—Я-то знаю, чьи грязные руки состряпали этот документ. Но другие...

— Спасибо, друг.—Бланки порывистым движением протянул Флотту обе руки.—Спасибо за доверие. А клеветой—поверь мне—меня не погубят.

Известие о брошенном Бланки обвинении с быстротой молнии разлетелось по Парижу.

В этот день заседание в клубе открылось, как обычно, в 8 часов. Хоры, ложи, партер — все было полно. С улицы в зал рвались непопавшие на заседание. Монтаньяры[1] охраняли входы; их красные обшлага и пояса пестрели и в зале и в вестибюле. У дверей стоял караул.

---

[1] Монтаньяры — вооруженный отряд, созданный при префектуре для поддержания порядка в революционной столице.

Заседание открыл сам Бланки. Он позвонил в колокольчик. В напряженной тишине странно прозвучал его спокойный голос:

— Объявляю заседание клуба открытым.—Секунду помолчав, он добавил:—Я прошу у собрания разрешения передать председательствование вице-президенту клуба гражданину Торэ.

Бланки не успел объяснить причину отказа от председательствования. В зале затопали, закричали, загрохотали. Из партера неслись крики:

— Оставайтесь нашим председателем!

— Ташеро — клеветник!

— Доверие Бланки!

Все смешалось среди грохота, стука и аплодисментов. Бланки с эстрады продолжал качать головой.

Он занял председательское место только после того, как голосованием клуб единогласно отверг клевету.

Голос клуба не был голосом всего Парижа. Клевета нашла своих сторонников даже в социалистических клубах. С Бланки сводили счеты его личные враги. Сам Барбэ и тот не удержался от удовольствия нанести Бланки удар: перед специальной комиссией делегатов всех клубов он отказался признать документ подложным, так как только Бланки мог знать изложенные в нем детали заговора.

Во время работы этой комиссии Бланки передали приглашение явиться, чтобы дать объяснение.

— Ты пойдешь?—спросил его Флотт.

— Зачем?—невозмутимо ответил Бланки.—Эта комиссия—ловушка. В ней сидят враги, только и ждущие возможности очернить меня в глазах масс.

Он не пошел. Когда ему показали решение комиссии, сбивчивое и двусмысленное, он отказался читать его.

Единственное, что он сделал, это было опубликование ответа на документ Ташеро.

Бланки писал его всю ночь. Свечи на письменном столе оплывали восковыми слезами. На стене за креслом черная

громадная тень едва заметно шевелилась, как замерший перед отчаянным прыжком зверь. От времени до времени Бланки откидывался на спинку кресла и замирал в задумчивости, покусывая кончик гусиного пера.

К рассвету на столе лежала ровная стопка исписанных листов. В них билась страсть, горечь и ненависть, скованная холодным язвительным разбором лжи, понадобившейся его врагам для укрепления своей расшатанной власти.

Бланки встал и прошелся по комнате.

За окном на туманно-розовом небе вырисовывались черные башни Нотр-Дам. Каменные химеры, свешиваясь с высоты, скалили чудовищные пасти и раздували вздернутые хохотом ноздри.

Проклятое средневековье!

Как и в Сен-Мишель, оно опять торчало перед глазами готическими башнями божеских крепостей.

Заря рассыпала багрянец на просыпающийся город.

— Рано торжествовать, — громко произнес Бланки. — Никому не дано знать, что принесет завтрашний день. А я еще жив, я еще силен!.. Я еще сумею отразить не один удар.

Он вернулся к столу и перечитал листки.

— Хорошо! Еще одно слово — и все готово.

И на последней страничке он написал:

«Реакцинеры, вы — подлецы!» — и поставил точку.

XXI
„СМЕРТЬ БЛАНКИ!"

16 апреля по всему Парижу разнесся крик:

— Смерть Бланки! В воду коммунистов!

Кричали национальные гвардейцы, кричали молодые люди в высоких белых галстуках, кричали буржуа в цилиндрах, элегантные дамы, студенты, лавочники. Около ратуши выстроились все буржуазные батальоны национальной гвардии. Здесь было собрано не меньше ста тысяч штыков. Они охраняли входы, ощерившиеся жерлами пушек.

Все силы были подняты для подавления коммунистического заговора. Но... никакого заговора не было. Кто выдумал эту небылицу? Доныне это остается неизвестным. Но ратуша дала приказ: барабаны забили сбор, и город превратился в вооруженный лагерь. Всюду шли аресты. Людей хватали на улицах и волокли в префектуру и мэрию. В нескольких местах монтаньярам с трудом удалось остановить самосуд толпы.

16 апреля начался открытый поход против самого ненавистного врага — буржуазии. И на этот раз в нем приняли участие некоторые социалисты. Сам Барбэ—рыцарь революции—во главе 12-го батальона национальной гвардии проскакал перед министрами и салютовал саблей зачинщикам похода.

Ни он, ни его единомышленники в своей слепоте не разобрали, что поход против Бланки знаменовал грядущую расправу со всеми защитниками народных прав.

Бланки был в клубе. В маленькой комнатке бюро за залом шло совещание.

— Бланки!—закричал Флотт, вбегая в комнату.—Сейчас же удирай.

Ходивший по комнате Бланки остановился.

— Зачем?—спросил он.—Откуда ты?

— Из префектуры.

— Меня хотят арестовать?

— Нет... Не знаю...

— Так зачем же мне скрыться?

— Тебя ищет толпа. Я сам видел, как на Новом мосту она топила какого-то человека и кричала: «В воду коммунистов!»

— Это случилось в нескольких местах...

— Так не сиди же ты здесь, в клубе, куда прежде всего бросятся тебя искать.

— В самом деле, тебе лучше скрыться на несколько дней,—вмешался Торэ.

— Пустяки. Я не уйду. Мы заседаем сегодня,—твердо сказал Бланки.

Во время заседания из вестибюля донеслись крики. Говоривший в это время оратор умолк. Сидевшие в зале монтаньяры вскочили и побежали к выходу.

На лестнице караул с ружьями наперевес сдерживал рвавшихся наверх гвардейцев.

— Смерть Бланки!—кричали гвардейцы.

— Заткни глотку, или я забью ее свинцом!—закричал один из сбежавших вниз монтаньяров.

— Гвардейцы, вперед! — ответил на это картавый голос снизу.

Но через несколько минут и кричавший и его товарищ оказались на улице с разорванными в драке мундирами.

Утром на следующий день сестра Бланки, ураганом влетела в его комнату.

— Что с тобой, Софи?—вскричал Бланки, увидев ее.

Софи в изнеможении опустилась на стул.

— Ты жив, Огюст... Слава богу...

И она рассказала, что ночью в ее квартиру ворвались гвардейцы. Не найдя Бланки, они со-зла перевернули все вверх дном, переколотили мебель и только после этого убрались.

— Беги из Парижа! Уезжай... Сегодня же уезжай,—молила Софи.

— Я не могу уехать. Как я оставлю начатое дело? Но ты не бойся за меня,—прибавил Бланки, увидев слезы на глазах сестры.—Со мной не так-то легко расправиться. Я все время на-чеку. Да и они не посмеют...

Он оказался прав.

Дней через десять ночью на лестнице у квартиры Бланки послышался топот ног и звон шпор. Расположившиеся уже на ночь монтаньяры—они дежурили в квартире Бланки каждую ночь—в один миг вскочили на ноги и подбежали к двери.

Громкий стук молотка прокатился по всей квартирке. Один из монтаньяров сделал знак молчать и громко спросил:

— Кто там?

— Именем закона... Откройте,—ответил голос с лестницы.

Дверь распахнулась. В слабом свете висевшего на пло-

щадке газового рожка поблескивали золотые галуны и эполеты. За офицером стояло человек десять солдат.

Монтаньяры все разом взвели курки ружей. Офицер отступил на шаг.

— Простите, граждане, — пробормотал он. — Очевидно, ошибся...

— Какая там к чорту ошибка!—заревел стоявший впереди монтаньяр.—Чего явились?

— Нет, нет, ничего... Ошибка... Спокойной ночи. Ребята, за мной!—скомандовал офицер своим солдатм и быстро сбежал со ступенек. На ходу он спрятал за обшлаг мундира бумагу, которую держал наготове: это был подписанный министром внутренних дел приказ об аресте Бланки.

Насильно арестовать Бланки правительство еще не решалось. Но чем дальше, тем сильней Бланки чувствовал, как он слабеет и растут силы его врагов. Он снова стал скрываться, нигде не показывался, кроме клуба, и окружил себя тайной, как во времена заговоров. Его обычная недоверчивость и подозрительность приняли болезненный характер. В каждом человеке он склонен был видеть подосланного шпиона.

А в шпионах не было недостатка. К Бланки не раз являлись никому неведомые субъекты и таинственным шопотом предлагали ему поставить под ружье тысячи людей, передать ему склады оружия или просто требовали немедленно дать знак восстания. Однажды во время заседания клуба Вилькок отвел Бланки в сторону и сказал ему:

— Прими наконец этого Борма. Я тебе говорил о нем. Он мне не дает прохода и требует, чтобы я его свел с тобой.

— Спроси его, в чем дело.

— Он хочет говорить только с тобой.

— Ну, ладно. Приведи его в комнату бюро. Я иду туда.

Через несколько минут перед Бланки стоял длинный костистый человек с жилистой шеей, на которой безобразно вздувался кадык. Он был затянут в короткую куртку морского офицера.

— Ваша фамилия — Бром? — обратился к нему Бланки.

— Совершенно верно, — ответил офицер. — Вы, конечно, слышали о моем изобретении: греческий огонь невероятной силы, новейшее орудие, выпускающее триста ядер в минуту. Но—я это особенно подчеркиваю—мое изобретение я не отдам на служение фанфаронам в галунах. Оно родилось в моей голове и должно послужить народу и только народу.

Борм переминался с ноги на ногу. Он ждал, когда Бланки пригласит его сесть. Но тот упорно стоял.

— В чьи же руки отдать мне мое детище, как не в ваши, господин Бланки? — продолжал Борм. И, наклонившись к Бланки, он зашептал: я предлагаю вам не только самое смертоносное оружие, какое только существует, но и четыре тысячи молодцов во главе со мной, Бормом.

Борм горделиво выпрямился. Его рачьи, выпуклые глаза уставились на Бланки.

— Ни вы, ни ваш греческий огонь, ни ваши молодцы мне не нужны. Прощайте.

— Но, господин Бланки...

— Нам не о чем говорить, — решительно прервал его Бланки.

Борм как-то бочком склонил корпус и шаркнул ногой. Его протянутая рука повисла в воздухе.

Бланки вернулся в зал и занял свое место на эстраде. На вопросительный взгляд Вилькока он только слабо махнул рукой. Затем он нагнулся к председателю и спросил, указывая на говорившего в это время оратора:

— О чем он?

— Опять о Польше [1]... Грюбэр опять настаивает на демонстрации.

— Что за безумие. Нечего сказать, нашли подходящее время для демонстрации... Следующим буду говорить я.

---

[1] Французские революции характерны стремлением оказать помощь всем борющимся за свою свободу и независимость народам. Возобновившаяся в Польше борьба за независимость, явившаяся одним из отголосков февральской революции, вызвала в Париже широкое общественное движение за оказание военной помощи полякам.

XXII
ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Демонстрация все же состоялась 15 мая. В ней приняли участие все клубы; в последний момент к ней присоединился и клуб Бланки.

Утром Бланки подошел к условленному месту встречи на бульваре Тампль. Члены клуба были почти все налицо. Распорядители торопливо устанавливали ряды.

Несмотря на ранний еще час, на улицах было необычайное оживление. К площади Бастилии, откуда должна была тронуться демонстрация, спешили группы опоздавших, несли флаги и стяги с лозунгами. На тротуарах толпились обыватели.

На бульваре недалеко от места, где собрался клуб Бланки, толпа окружила какого-то говоруна. Садовая скамья служила ему трибуной. С развязностью заправского фокусника он развлекал толпу, отвечавшую ему дружным хохотом.

— Граждане достославной республики!—кричал он, указывая своим цилиндром на вытянутую вперед руку обернутую в шелковый фуляр. — Вот она! Вот она! Смотрите на нее все! Любуйтесь ею в последний раз! — Он подбросил цилиндр и, поймав его головой, насадил на самую макушку. Освободившаяся рука сдернула фуляр. Между двумя пальцами заблестел золотой диск двадцатифранковой монеты.— Вот она—последняя! Клянусь вам: последняя. Правительство перерыло все подвалы французского банка, все тайники казначейства, оно вывернуло карманы депутатов, министров. чиновников, чтобы найти хоть одну монету, подобную этой. Ее не нашли... Эта—последняя!

И, набрав воздух в легкие, фокусник с новой силой выкрикнул:

— Только один су, чтобы посмотреть, два су, чтобы потрогать! Детям скидка. Платите, граждане. при входе. В очередь, граждане, в очередь! Торопитесь, граждане! Через две

минуты будет поздно. Вы слышите барабанный зов? Правительство выслало войска, чтобы овладеть этой жемчужиной республиканского венца.

Толпа ответила дружным хохотом.

— Что это за тип? — заинтересовался Бланки, издали прислушивавшийся к речам агитатора.

— Кто его знает... Просто веселый малый,—ответил Вилькок.

— Не думаю, чтобы он был так прост, — возразил Бланки.

— Да это—журналист,—вмешался один из членов бюро.— Как, бишь, его фамилия, вот не вспомню. Он сотрудник...

— Ах, вот что...

Бланки быстро направился к толпе. Крикун заметил его

Он, повидимому, узнал Бланки: сдернув цилиндр, он размашисто поклонился.

— Скорей, скорей, почтенный... Торопитесь. Держу пари: вам в жизни не приходилось видеть такую красотку.

— А я держу пари,—резко крикнул Бланки,—что у вас еще не мало таких красоток и происхождение их весьма подозрительно.

Крикун опешил. Он хотел что-то возразить, но в толпе поняли прозрачный намек Бланки.

— Отвести его в префектуру!—закричал кто-то из задних рядов.

— Долой агитатора! Проваливай!—подхватили другие голоса.

Человек в цилиндре спрыгнул со скамейки и исчез в толпе.

Когда Бланки вернулся к рядам, к нему уже бежал красный, запыхавшийся Флотт.

— Друзья!—еще издали крикнул он.—Демонстрация удалась на славу. Клубы вышли в полном составе. Народу тучи. Сотни тысяч. Стройтесь скорей: колонна уже двинулась от площади Бастилии.

Вскоре показалось и самое шествие. Ему предшествовали крики, уличный гам, бегущие гамэны. газетчики и расчищавшие путь монтаньяры.

— Вперед!—скомандовал Бланки и вывел ряды вперед. От площади Бастилии двигался целый лес знамен. Тут были красные и трехцветные знамена клубов, знамена революционной Германии и Ирландии и бесконечные знамена восставшей Польши. Знаменоносец клуба присоединился к ним. Бланки занял место рядом со всеми делегатами, а за ними, в первых рядах демонстрации, стали члены «центрального республиканского общества».

Шествие двинулось среди несмолкаемых криков: «Да здравствует Польша! Да здравствует равенство! Вперед! Идем проверять наших приказчиков!»

У моста Согласия произошла остановка. Отряд национальной гвардии закрывал проход. Пока передавали приказ об очищении моста, стоявшая на набережной толпа вмешалась в процессию. Какие-то неведомые никому люди в черных блузах втиснулись в первые ряды.

— Вперед! Вперед!—раздавались их возбужденные голоса.—Дорогу народу!

Задние ряды нажимали на передние, заставляя их ускорить шаг.

У решотки дворца снова остановка.

— Вперед! — все возбужденнее кричали из первых рядов. Люди в черных блузах бросились к массивной решотке. Вслед за ними устремилась вся толпа. Людской поток бросил делегатов к запертым воротам.

Бланки, Распай, Собрие, Гюбэр — все, что были впереди, пытались остановить толпу.

— Спокойствие, граждане!

— В палату войдут только делегаты!—кричали они, но их голоса терялись среди тысяч других. Делегаты были беспомощны остановить бурный поток. Их самих бросало из стороны в сторону, то прижимало к самым воротам, то отбрасывало назад.

На гребне решотки мелькнула чья-то фигура в черной блузе, вторая, третья... Забравшиеся наверх размахивали картузами и кричали: «Вперед! Дорогу народу!»

Ворота распахнулись. Толпа одним толчком выбросила делегатов вперед и хлынула вслед за ними. Еще недавно мирно шедшие люди, как обезумевшие, понеслись к входам в палату.

В зале заседаний царил полный хаос.

Все депутаты вскочили с своих скамей, крича, жестикулируя, сталкиваясь в перебранке. На трибуне Клеман Тома и Барбэ пытались перекричать один другого. Над ними с высоты председательского помоста неистово метался колокольчик в руках растерянного Бушэ.

Хоры выли. Свешивавшиеся оттуда знамена демонстрантов развевались над взболомученным залом.

— Да здравствует Польша!—ревели хоры.

Какой-то парень свесился за барьер. Он нащупал ногой фриз поддерживающей хоры колонны и, перекинув корпус, стремительно соскользнул в зал. Десятки тел тотчас же повисли на всех колоннах. Стремительный поток хлынул в зал, внеся еще большую сумятицу.

На трибуну вскочил маленький Луи Блан. Какой-то депутат под трибуной угрожающе замахнулся на него палкой. Его схватили. Клубок тел сплелся в драке. Золотая эполета полетела оттуда и, пролетев несколько шагов, шлепнулась о чью-то лысину. Из лож, с хор несся истерический плач испуганных женщин.

Делегаты держались вместе. Перед ними толпа расступалась, давая им дорогу к трибуне. Первым вышел на помост Распай и начал чтение петиции:

— «Граждане депутаты, мы явились от имени двухсот тысяч парижан, ожидающих»...

— Вон нарушителей порядка! Вон насильников!—отвечали десятки голосов. Депутаты рванулись к трибуне. Занявшие уже лестницу демонстранты стояли несокрушимой стеной.

Распай продолжал читать:

— «От имени народа и от имени клубов мы приносим вам следующую петицию:

«Принимая во внимание,

что свобода будет до тех пор в опасности, пока в Европе

останется хоть один порабощенный народ; что свободный народ обязан притти на помощь каждому еще томящемуся в рабстве...»

Чтение петиции продолжалось, все время прерываемое криками: «Да здравствует Польша!»

Бланки, мертвенно-бледный, стоял недалеко от трибуны. Он видел воющую толпу, Распая, продолжавшего читать, уткнув нос в бумагу, трибуну председателя, полузакрытую складками знамен демонстрантов, и седую бороду трясущегося Бушэ, беспомощно прижимавшего к старческой груди председательский звонок.

«И это власть? — думал Бланки. — Беспомощный старик — высшее лицо в государстве, облеченное доверием народа. Его захлестнула первая волна народного неистовства. Одного слова достаточно, чтобы смести его. А дальше? То же неистовство, которое сметет каждую власть. Вот они плоды трехмесячного обмана, клеветы и интриг...»

Распая никто уже не слушал.

Стоя на скамье против оратора, какой-то депутат истерически кричал:

— Я послан сюда народом. Я не буду голосовать под давлением силы. Я не буду...

С другого конца залы все чаще стали повторяться крики:

— Хлеба и работы!

— Да здравствует организация труда!

— Где Бланки? Пусть говорит Бланки! — отозвались чьи-то голоса с другой стороны зала.

Имя Бланки повторяли все чаще.

«Говорить или нет? — спрашивал себя Бланки. — Теперь уж не овладеть толпой... Все равно; я должен говорить, раз я пришел сюда».

Флотт с трибуны делал ему знаки. С трудом прокладывая себе дорогу, Бланки пробрался вперед. Чей-то сильный бас рявкнул с высоты:

— Во имя народа я требую тишины. Слово гражданину Бланки.

На трибуне была невообразимая давка. Чтобы не быть отброшенным назад, Бланки судорожно вцепился руками в покрытый зеленым бархатом пюпитр. От сотрясения опрокинулся графин; вода струей полилась на головы беснующейся внизу толпы.

— Граждане депутаты, — начал Бланки, когда водворилась сравнительная тишина.

Он говорил об единодушном порыве свободного народа, об обязанности представителей нации немедленно объявить войну Австрии и России и потом перешел к тому, что в сущности было важней вопроса о Польше. Лишь только Бланки заговорил о внутренних делах, депутаты с искаженными от бешенства лицами бросились к трибуне. Они кричали и бесновались. А Бланки, вытянувшись всем корпусом вперед, бросал с высоты одно обвинение за другим не желавшей слушать палате.

— Народ требует еще, — кричал он, собрав последние силы, — чтобы вы подумали о его нищете. Он сказал, что три месяца бедствий он отдаст республике. Эти три месяца скоро истекут, и возможно — о, очень возможно! — что у народа потребуют еще и еще три месяца. Народ требует от национального собрания, чтобы оно немедленно без всякого промедления обеспечило работу и хлеб тысячам граждан, которые лишены и того и другого.

Несколько человек отталкивали его от пюпитра. Все они кричали, перебивая друг друга. Какой-то пожарный вскочил на кафедру и кричал оттуда. В толпе мелькнула костлявая фигура и выпученные глаза изобретателя греческого огня.

«И этот здесь...» — мелькнуло в уме Бланки.

В это время до зала донеслась дробь барабана: национальная армия подходила к палате депутатов. Тогда все забилось, заклокотало в одном реве:

— Нас предали! Нас хотят перебить здесь! Предатели!

Бушэ встал со своего места и хотел удалиться. Несколько человек бросились к нему. Отбиваясь, он упал вместе с нападавшими и покатился вниз по лестнице.

Гюбэр, вскочив на председательское кресло, кричал:

— От имени народа, обманутого его представителями, объявляю национальное собрание распущенным.

Какие-то люди протягивали на кончике пики записку Гюбэру. Внизу Луи Блан отбивался от толпы; в конце концов его подняли на руки и с триумфом понесли по залу.

— Бланки! Нам нужен Бланки! — кричали в зале.

Прижатый к стене трибуны, Бланки задыхался. Он слышал все приближающиеся звуки барабана. Он понимал бессмыслицу происходящего и свою мучительную беспомощность. Все его попытки водворить спокойствие были бесплодны: никто его не слушал.

Он слышал, как сверху чей-то голос выкрикивал слова декрета об аресте депутатов. Потом другой оглашал список членов нового временного правительства: Барбэ, Луи Блан, Ледрю-Роллэн, Бланки...

А из залы отвечали:

— К оружию! В ратушу! Да здравствует республика!

XXIII
ПОСЛЕ БУРИ

Дворец был пуст. Толпа схлынула, чтобы забить все прилегающие к ратуше улицы. В опустевших залах гулко разносился тяжелый шаг национальных гвардейцев, стучали приклады ружей и звенели слова команды.

В маленьком кафе на площади Согласия сидел Бланки. Перед ним дымилась чашка кофе. Сжатая в кулак рука лежала на столе, словно призывала к ответу невидимого собеседника. Треснувшая перчатка обнажала суставы белой сухой руки; на безымянном пальце блестело золото обручального кольца. Бланки посмотрел на разорванную перчатку и машинально принялся стягивать ее.

«Кому это все нужно было? Кто это подстроил?» — думал Бланки.

Он просидел еще долго один в тупой неподвижности. До его сознания достигали смутные обрывки разговоров. Он

знал, что новое правительство, провозглашенное среди сумятицы, не просуществовало и часа. Восстание, которого никто не хотел, правительство подавило без труда. Так блестяще начавшееся и так прискорбно кончившееся выступление народа могло надолго парализовать деятельность революционных клубов.

Какое торжество для врагов! Радость была написана на лицах всех проходящих по улице и сидящих в кафе. Она проглядывала в размеренных движениях стоящего на углу полицейского; в неторопливом шаге проходящего мимо господина в цилиндре; в рядах прогромыхавших сапогами по мостовой национальных гвардейцев; в серебряных пуговицах на коричневом фраке уткнувшего нос в газету господина за соседним столом; в напомаженном лице кокетливой старухи за конторкой; в дряблой отглаженной массажистом коже зашедшего в кафе франта; и даже в уютных ямочках на щеках розовой девушки, что улыбалась в глубине залы болтовне своего соседа. Утлый, самодовольный мир буржуазного благополучия! Он снова крепок, снова прочен!..

Бланки стал нестерпим вид этих людей. Он расплатился и вышел. В дверях он заметил, что человек в коричневом сюртуке с серебряными пуговицами тотчас же встал и вышел вслед за ним. На улице он повернул в ту же сторону, что и Бланки.

— Вот оно, возвращение к прошлому,—сказал себе Бланки, Он ускорил шаг. Старый маневр был пущен в ход: проходные дворы, кривые переулки и темные парадные замели было его следы. Бланки подходил уже к своему дому, когда на улице вновь появился сыщик.

Навстречу бежал парень в блузе. Бланки узнал в нем одного из членов клуба. Поровнявшись с ним, Бланки бросил скороговоркой.

— Ступай за мной. Ты что?

— Меня послал Флотт предупредить тебя. Будь осторожен: подписан приказ о твоем аресте.

— Кто-нибудь арестован? — спросил Бланки.

— Да. Все, кто были в думе: Гюбэр, Собрие... Дома, говорят, арестован Распай.

— А где Флотт?

— Он не вернется домой. Я его увижу сегодня вечером.

— А чорт... Опять этот шут с серебряными пуговицами. Живей за мной.

Бланки прыгнул в проезжавшую извозчичью карету.

— Батиньоль... — крикнул он кучеру..

Вслед за ним в карету прыгнул и его спутник.

В карете Бланки долго перебирал в уме, где бы ему скрыться. Подъезжая к бульвару Батиньоль, он обратился к юноше.

— Вот что... Передай Флотту или Лакамбру, что завтра в семь часов вечера под колоннадой Французского театра кого-нибудь из них будет ждать человек в сером сюртуке, в таком же цилиндре и галстуке. Условный знак обычный. Запомнил?

— Конечно, запомню. А вы как же?

— Обо мне не беспокойся.

Бланки остановил карету и, попрощавшись с юношей, шмыгнул в знакомый проходной двор. Он вышел на слабо освещенные улицы, прошел два квартала. Там он снова сел в карету.

— Улица Монтаньоль, — бросил он кучеру.

Место было верное. В квартире безвестного конторского служащего никто не вздумал бы искать Бланки. На некоторое время приют был обеспечен.

Радушные хозяева — Бланки давно знал их и был в них уверен — ходили на цыпочках и робко посматривали на сумрачного постояльца.

Из окон его комнаты открывался весь Париж. Бланки часто вспоминал тот вечер три месяца тому назад, когда он пробирался по темным, заваленным баррикадами улицам. Как все изменилось!..

Чего он хочет, народ? Уже дважды Бланки приносил ему весть о новой жизни и дважды Париж отвергал его.

Насилие и ложь вновь торжествовали. Разгром 15 мая буржуазия отпраздновала пышным торжеством, с шествиями, иллюминациями, пышными колесницами, в котором все было ложью от напыщенных речей, прославлявших республику, до аллегорических фигур в колесницах, олицетворявших гражданские добродетели. Предместья были подавлены. В город ввели войска.

Все главные участники 15 мая сидели в тюрьме; для поисков Бланки поднята вся полиция.

26 мая полиция добралась и до улицы Монтаньоль.

Было шесть часов дня. Бланки сидел за обедом. Перед ним стояла тарелка с овощами и стакан воды. Нашествия никто не ожидал; о появлении полиции узнали, когда все выходы из квартиры были уже заняты. Полицейский комиссар вошел в комнату и обратился к обедающим:

— Кто здесь господин Бланки?

— Я, — отозвался спрошенный.

— Попрошу вас следовать за мной. Вы арестованы по распоряжению правительства.

И комиссар протянул приказ.

— Хорошо, я вам верю. Разрешите мне только кончить обед.

Бланки спокойно доел овощи, отхлебнул глоток воды и встал из-за стола. Спокойно попрощавшись с хозяевами, он подошел к комиссару.

— Я готов, — сказал он. — Идем.

XXIV
РАСПРАВА

Участников демонстрации 15 мая судили почти год спустя — 7 марта 1849 года. Во избежание беспорядков суд происходил далеко от Парижа, в маленьком городке Бурж.

Небольшой зал, серый и скучный, как канцелярия провинциальной префектуры, с трудом вместил всех участников процесса.

Ровно в час дня ввели обвиняемых. Впереди между двумя жандармами — сильными детинами с саблями наголо — шел маленький Бланки, еще более бледный и худой, чем обычно. Он занял свое место — слева в первом ряду скамей, предназначенных для обвиняемых. По правую и по левую руку каждого из обвиняемых уселись жандармы.

На помосте за зеленым столом судьи расправляли складки своих опушенных горностаем мантий. Председатель—красивый старик с холеными руками—церемонно и важно поднес к носу щепотку табаку и приятно поморщился. Затем, поправив на голове судейскую шапочку, он закартавил:

— Объявляю заседание ве'ховного суда отк'ытым. Подсудимый... э... э... — он скосил глаза на лежавший перед ним список, — подсудимый Бланки, назовите суду ваше имя, воз'аст и п'офессию.

Бланки встал. Ясно и просто, как-будто дело шло о порядке какого-то делового совещания, он заявил:

— Я не намерен отвечать ни на один вопрос, так как не признаю суда. Если я и буду говорить, то исключительно по вопросам политического характера.

Председатель скорчил ироническую гримасу.

— Обвиняемый Альбе' [1], назовите суду ваше имя, воз'аст и п'офессию, — лениво, нараспев начал снова председатель.

— Я не признаю вашего суда. Я не буду отвечать на вопросы, — отозвался с места Альбер.

— Обвиняемый Ба'бэ, назовите суду...

Барбэ вскочил и закричал:

— Я не отвечу ни на один вопрос...

— Хо'ошо, садитесь, обвиняемый Ба'бэ. Обвиняемый Соб'ие...

Один за другим почти все обвиняемые отказались давать показания суду.

---

[1] Альбер—рабочий, состоявший вместе с Луи Бланом секретарем временного правительства. Его участие в работе правительства мало чем ознаменовалось.

Началось чтение обвинительного акта. Это был такой букет полицейской лжи, что чтение акта все время прерывалось возгласами протеста.

— Это — клевета! Ложь! — кричал то один, то другой из обвиняемых.

Секретарь невозмутимой скороговоркой продолжал чтение:

... «Барбэ требует от собрания декрета об отправке армии в Польшу и о наложении на богачей налога в один миллион. Последнее предложение встречается криком «клубистов»: «Нет, нет, Барбэ, ты ошибаешься: два часа для грабежа — вот что нам нужно».

— Это — подлость, — воскликнул срываясь с места, Распай. — Это — бесчестная ложь. Я протестую.

— Разве Париж не был в руках народа? — воскликнул вслед за ним Бланки. — Разве подумал он тогда о грабеже? Это — бесчестная клевета на народ и на социализм.

Прокурор поднялся со своего места и, изящно изогнувшись в сторону председателя, протянул ему газетный лист.

— Это требование отмечено в официальном отчете «Монитера», — заявил он с почтительной улыбкой.

— Так «Монитер» солгал. Это — официальная ложь, — продолжались крики со скамьи подсудимых.

Процесс продолжался среди протестов, бурных объяснений и скандалов, сдерживаемых иронической грацией председательских увещеваний. Выступления большинства обвиняемых сводились не к самозащите, а к раскрытию лицемерия суда. Каждый день процесса нагромождал новые горы лжи.

Это был не суд, а расправа над ненавистными правительству защитниками народных прав. Обвиняемые были беспомощны. То один, то другой отказывались являться в суд. Их приводили тогда насильно. На третий день суда в зале появилась странная процессия. Заседание уже началось, когда через боковую дверь, громыхая шпорами и саблями, ввалились четверо жандармов. Они несли Флотта; двое крепко

держали его за руки и двое за плечи. Он был смертельно бледен. Лишь только его усадили на скамью, он вскочил и закричал:

— Я объявляю...

— Вам не дано слова, — отечески укоризненно прервал его председатель.

— Я объявляю, — не сдавался Флотт, — что с меня достаточно вашего высокого суда и ваших руаялистских повадок.

Председатель только пожал плечами и, улыбаясь, посмотрел на осанистого прокурора. Тот ответил ему понимающей улыбкой.

— Пристав, огласите список свидетелей,—продолжал председатель.

Все двадцать восемь дней суда Бланки просидел, сутулясь и скрестив руки, на своем месте в первом ряду. Казалось, что для него не существует ни суда, ни пышных мантий судей, ни посапывающих рядом жандармов. В действительности он не пропускал ни одного слова. Когда он чувствовал возможность нанести суду удар, он поднимал голову и не сводил пристального взгляда с дававшего показания свидетеля или обвиняемого.

Еще в первый день суда Бланки увидел среди подсудимых знакомую сухопарую фигуру, затянутую в узкую куртку морского офицера.

«Опять этот субъект», — подумал Бланки.

В отличие от всех подсудимых Борм, хныча и путаясь, охотно давал показания. Во время его допроса Бланки обратился к председателю.

— Я прошу вас спросить Борма, зачем он приходил ко мне!

— Я был у Бланки за неделю до демонстрации, — живо отозвался Борм. — Меня послал Видок[1]. Он сказал мне: «Идите и следите за этими людьми: они хотят красной республики; узнайте, что они собираются делать». В это время

[1] Видок – знаменитый сыщик.

я формировал отряд из четырех тысяч добровольцев для поддержки принца Людовика Наполеона [1].

О, теперь Борм охотно говорил о принце Людовике Наполеоне!

— Пусть Борм ответит, — продолжал Бланки, — люди в черных блузах, ворвавшиеся в палату первыми и увлекшие за собой толпу, не входили ли они в состав того легиона, который он формировал?

При этом вопросе прокурор поспешно вскочил.

— Так это полиция, по-вашему, организовала демонстрацию? — бросил он Бланки.

— Я не знаю настоящих виновников, — невозмутимо продолжал Бланки. — Я хочу только раскрыть, кому нужен был переворот 15 мая. Партия трудового народа все потеряла в этот день. Чья-то скрытая рука привела ее к гибели. Чья же это рука? Я не знаю... Но Борм, признавшийся в существовании отряда людей, одетых в блузы, следивших за нами шаг за шагом, может раскрыть нам истинных виновников. Пусть он ответит, не его ли люди в блузах вторглись в палату.

Вопрос остался без ответа. Суду не было надобности искать виновников вторжения в палату; ведь ими во что бы то ни стало должны были оказаться люди, сидевшие на скамье подсудимых.

Для Бланки суд стал настоящей пыткой. Ему пришлось бороться не только с судебной комедией, но и с клеветническими нападками Барбэ, даже здесь, на скамье подсудимых, не забывшего давнишнюю вражду.

К концу процесса все были изнеможены. Даже великолепный председатель и тот перестал рассыпать направо и на-

---

[1] Принц Людовик-Наполеон, племянник Наполеона I, неоднократно домогался французского престола. После февральской революции он объявил себя приверженцем республики, но был выслан правительством из Парижа. Благодаря агитации и интригам своих приверженцев, он был избран депутатом в палату и затем президентом республики. Переворотом 2 декабря 1851 года он добился неограниченной власти, а в следующем году был провозглашен королем под именем Наполеона III.

лево улыбочки. На его лице появились признаки беспокойства, когда он слушал цветистую речь прокурора, заученно повторявшего все лживые утверждения обвинительного акта.

После прокурора говорили подсудимые.

— Я говорю перед вами, господа присяжные, но не к вам я обращаю свою речь, — так начал Бланки свое последнее слово. Резкий жест как-будто отрубал всякое подозрение, что Бланки защищает себя. — Единственный верховный суд, который я признаю, это — суд всей Франции, и ее приговор будет еще произнесен.

Речь Бланки ожидали с несдерживаемым любопытством. Он начал ее так горячо, с таким подъемом уверенного в своей правоте человека, что зал замер. Даже суетливый секретарь перестал ерзать на стуле, подсовывая председателю то бумагу, то очиненное перо. Бланки говорил о преследовании, о клевете, о лжи, которыми хотели уничтожить его, как защитника интересов народа.

— На меня всегда нападали из-за угла, сбоку, сзади, а я стоял против врага, никогда не оборачиваясь на эти слепые атаки. И время показало, что направленные на меня удары, чьей бы рукой они ни были нанесены, поражали не меня, а революцию. В этом мое оправдание и моя честь.

Сознание выполненного долга давало мне право не опускать голову во время самых тяжелых испытаний. Но день правды придет! Пусть он взойдет над моей тюрьмой — не все ли равно! — он найдет меня в жилище, которое я редко покидал в течение последних двенадцати лет.

Победоносная революция не надолго вырвала меня из тюрьмы; революция, преданная и побежденная, ввергает меня в нее снова.

Франция развращена примерами подлости. Она видит в государственных людях только жадную толпу, не знающую ни стыда ни долга...

В зале произошло движение. Председатель протянул было руку к звонку, но, одумавшись, вяло опустил ее на стол. Бланки продолжал:

— Республика, империя, королевство — все они одинаково вызывают только презрение. Обманутая, разоренная и деморализованная Франция ничему уже не верит и в отчаянии корчится на своем страдальческом ложе. Обман, корысть, безнравственность — всюду и всегда. Терпение истощено... Ведь ничего не осталось, кроме непомерных аппетитов, последней нищеты и умерщвленной совести. Полное разложение! Скоро настанет хаос! Без решительного преобразования общество погрузится в бездну. Франции нужно крикнуть словами пророка Ионы: «Еще сорок дней — и Ниневия будет разрушена!»

Бланки замолчал. Он был взволнован. Переведя дыхание, он заговорил спокойнее. Просто и ясно он отвергал бессмыслицу обвинения в заговоре против правительства.

— Неужели вы думаете, что мы хотели разогнать собрание? — с горькой улыбкой обратился он к присяжным. — Поверьте мне, мы взялись бы за это иначе. Есть же у нас некоторый опыт в заговорах и восстаниях, и нам ведь хорошо известно, что в таких случаях не занимаются три часа бесплодной болтовней. Вы хотите знать, как совершается переворот? Слушайте... Явившись с толпой к решотке дворца, прежде всего сметают эту решотку, а это не так трудно. Так или иначе находят путь в палаты и, очутившись внутри, без долгих разговоров депутатов выбрасывают вон через окна. Все заговорщики в сборе — этим моментом пользуются и не разговаривают три часа.

Прокурор вскочил с своего кресла. Председатель незаметным жестом заставил его успокоиться. Присяжные сидели как истуканы.

Ни язвительная ирония Бланки, ни опровержение прокурорской лжи не могли повлиять на приговор. Главари клубов должны быть в тюрьме — так давно решили министерства и буржуазная палата.

— Общественное мнение произвело свой суд, и вы не можете пройти мимо него и не знать, что истинных виновников нет на этих скамьях. Вы можете не считаться с этим едино-

душным признанием, вы можете вынести нам обвинительный приговор, но этот приговор ляжет позором на вас же самих.

Бланки кончил. На хорах послышались аплодисменты. Председатель, потеряв самообладание, вскочил и яростно зазвонил. Пристава бросились наверх.

В половине одиннадцатого ночи суд после двух часов совещания вынес приговор. Все стояли. Председатель, вновь обретший свое благодушие, быстро читал, путаясь среди бесконечных «принимая во внимание» и «признавая». Подсудимые спокойно слушали, заранее подготовленные к тяжелой каре.

«...Верховный суд приговорил:

Армана Барбэ и Мартен, известного под именем Альбер — к ссылке.

Луи-Огюста Бланки — к десяти годам заключения...»

Зазвенели клинки вынимаемых из ножен сабель. Жандармы тесней сомкнулись вокруг подсудимых.

XXV
ОТВЕРЖЕННЫЙ

На широкой поляне за крепостной стеной гуляли заключенные. Крупная фигура Барбэ с накинутым на плечи пледом резко выделялась среди них. Как всегда, он был окружен и с никогда не иссякающим воодушевлением ораторствовал, широко разбрасывая руки. Внезапно он умолк: от тюрьмы к нему бежал взволнованный Альбер.

— Ты что, Альбер? — крикнул ему Барбэ.

— Бланки перевели на «Прекрасный остров». Его привезут сегодня, — тяжело дыша от быстрого бега, ответил Альбер.

— Не может быть... Кто тебе сказал?

— Надзиратель Лакюль. За Бланки уже послали лодку.

Барбэ побагровел. Он надвинул на плечи сползавший плед.

— Мы этого не потерпим, товарищи! — воскликнул он. — Мы будем протестовать. Подумайте, в нашу дружную семью бросают человека с запачканной репутацией.

— Мы можем не принять его, — вмешался один из стоявших около Барбэ.

— Во всяком случае мы должны сразу дать почувствовать Бланки, что его общество для нас не желательно, — подхватил Альбер. — Не только для меня или Барбэ, но и для всех томящихся в этих стенах революционеров.

— Тогда нужно предупредить об этом всех.

— Да, да,—проговорил Барбэ.—Друзья мои, сделайте это и поскорей. Пойдем, Альбер... Может быть, мы увидим, как этот Наполеонишка причалит к своему острову Святой Елены.

Барбэ и Альбер направились к стене.

Вдалеке расстилалось хмурое море под низко нависшим ноябрьским небом.

Для заключенных слово Барбэ было законом. Собравшихся на лугу не трудно было убедить в том, что Бланки должен быть всеми встречен явно враждебно. Нашлось только несколько смельчаков, воспротивившихся такому решению. Документ Ташеро, уже много раз вызывавший среди заключенных (почти всех парижан, участников майских и июньских событий) горячие споры, и теперь послужил яблоком раздора. Защищал Бланки, в сущности говоря, только один человек — молодой черноволосый южанин в очках, оседлавших длинный, острый нос.

По морю, мотаясь среди желто-бурых гребней, быстро несся к острову белый парус. Потом он скрылся за скалой.

Барбэ с видом победителя расхаживал по поляне. За ним по пятам следовала его покорная свита.

Вскоре вдали, на скалистой тропинке, ведшей от моря к крепости, показалось несколько человек. Впереди быстро шагал офицер; за ним между солдатами-конвоирами чернела знакомая многим фигурка Бланки. Барбэ не терял ее из виду Продолжая ходить, он размерял свой шаг так, чтобы оказаться у ворот при проходе Бланки. Кому, как не ему показать пример и сурово отвергнуть всякое общение с «запятнавшим свою репутацию» революционером?

Лязгнул замок. Ворота распахнулись.

Вслед за офицером и конвоирами на поляне показался Бланки. Первым он увидел Барбэ. Словно не замечая появления новых людей, Барбэ продолжал спор с одним из стоявших около него. Вдруг он вздрогнул и резко обернулся. За его спиной раздался крик:

— Бланки! Здравствуй, друг!

Это кричал бежавший к воротам молодой южанин; расталкивая стоявших на его пути, он энергично пробивался вперед.

Барбэ окинул его презрительным взглядом и пожал плечами. Но южанин оказался не один. Другие ждали знака. Бланки сразу окружили заключенные. Одного слова оказалось достаточно, чтобы сорвать подготовленную Барбэ демонстрацию.

То, что не удалось сразу, Барбэ успел наверстать за те три месяца, которые Бланки провел в одиночной камере. При вторичном появлении Бланки в общей тюрьме демонстрация развернулась еще шире. Бланки и глазом не моргнул. Как ни в чем не бывало, он взял под руку подбежавшего к нему верного южанина и увлек его в сторону.

— Ну, Казаван, расскажи, как вы тут живете.

И Казаван — так звали южанина — стал рассказывать о тюремной жизни. Это был не Мон-Сен-Мишель. Заключенные могли свободно общаться, гулять вместе на поляне, работать на огороде, получать книги и газеты и даже вести совместные занятия.

В тюрьме образовалось нечто в роде вольного университета. Лекции в этом университете посещались ревностно. На занятиях не бывало одного Бланки. Он был недостоин этой чести. Не раз ему приходилось проходить мимо большой камеры в середине длинного коридора, где происходили занятия. Дверь была всегда открыта. При проходе Бланки оттуда неизменно слышался чей-нибудь шипящий голос:

— Наполеонишка...

За этим следовал общий смех, а иногда тотчас же подавляемые большинством протесты.

Первое время Бланки жил в полном одиночестве.

В маленькой камере № 14 он проводил долгие часы. В углу камеры на полу все росла кипа книг, а в ящике стола — груда исписанных бумаг: Бланки усердно работал.

Но скоро для одиночества осталось мало часов.

— Можно с тобой походить? — обратился как-то к Бланки один из заключенных во время прогулки на лугу.

Бланки, заложив руки за спину, быстро ходил вдоль стены, меся сапогами жидкую грязь. На голос он обернулся. Стоявший перед ним рабочий застенчиво, как-то бочком протягивал ему руку. Бланки пожал ее.

— Ты на нас сердишься? — продолжал рабочий.

Бланки пожал плечами.

— Сердиться...

— Ты понимаешь, о чем я говорю... Но трудно, знаешь, итти против всех.

— Если тебе трудно, возвращайся назад... ко всем.

— Нет. Труден только первый шаг. Ведь мы хорошо знаем, что всему виной честолюбие Барбэ.

За первой беседой в тот же день последовала вторая, потом третья. Затем к Бланки стали подходить уже безо всяких предварительных разговоров. Вскоре около него собралось все рабочее население тюрьмы.

Заключенные разбились на два враждебных лагеря. Составился и второй вольный университет. Руководил им Бланки.

О недавнем одиночестве он не грустил. Ему радостно было видеть себя вновь окруженным.

Здесь в тюрьме снова собиралась рассеянная после поражения армия Бланки.

С приходом весны для заключенных появились новые радости. Луг зазеленел. Под горячим солнцем на деревьях набухали почки. Рядом с лугом, на огороде черными лентами раскатывались свеже вскопанные гряды.

Бланки в зеленом длинном фартуке садовника, с широкой соломенной шляпой на голове часами взрывал лопатой теплую, влажную землю, разбивал жирные комья и засевал свой огород.

После работы он возвращался в свою камеру с приятной ломотой в теле. Слушатели вольного университета рассаживались кто где: на койке, на принесенной из коридора скамье, на единственном хромом стуле, а то и просто на полу. Бланки становился в углу и, сложив руки на груди, начинал очередную беседу.

А вечером начинались чудачества. С первого же дня жизни в камере №14 Бланки по вечерам усаживался за работу. Он садился спиной к двери за столом и писал. Даже надзиратели не решались тревожить его во время занятий. На вечернюю поверку он не откликался. Дежурный открывал «глазок» и, увидев спину и склоненную к столу голову в широкополой соломенной шляпе, спокойно проходил дальше.

Казаван во многом следовал привычкам своего друга и соседа — он жил рядом, в камере № 15 — и тоже засел за вечернюю продолжавшуюся иногда далеко за полночь работу.

Однажды ночью весной 1863 года начальник тюрьмы срочно вызвал к себе старшего надзирателя. Красавец Лакюль не заставил себя ждать.

— У вас все на местах? — сразу огорошил его вопросом начальник тюрьмы.

— Ну да, господин начальник. На вечерней поверке все были налицо, — ответил Лалюль.

— Ступайте и проверьте. Помните, что если кого-нибудь не окажется, то...

Лакюль хорошо знал, что его ожидает в случае исчезновения кого-нибудь из важных преступников. Поэтому он прежде всего бросился к камере Бланки. Все в порядке: дверь заперта; в камере, как обычно, свет; у стола сгорбленная фигура в соломенной шляпе. На оклик Лалюля никто не ответил. Еще раз — никакого ответа. Обозленный Лакюль отпер дверь и вошел.

— Встать! — рявкнул он.

Ни движения.

Рука Лакюля тяжело опускалась на плечо Бланки. Сидевшая з астолом фигура мягко склонилась на бок и

соскользнула на пол. Лакюль выпучил глаза от удивления. Осторожно нагнувшись, он увидел, что перед ним лежала подушка, на которую был натянут сюртук Бланки; соломенная шляпа, насаженная на вторую подушку, откатилась к кровати.

В камере № 15 за столом сидел такой же подушечный Казаван.

Лакюль опрометью бросился к начальнику.

— Господин начальник, — пролепетал он, бледный как серебряные нашивки его мундира.

— Кого нет?

— Бланки и Казавана.

— Бланки! Да я с вас шкуру спущу... Берите десять человек и марш за этим парнем.

Тут только Лакюль заметил стоявшего в глубине кабинета молодого рыбака. Перебирая в руках шляпу, он торжествующе посматривал на бесновавшихся офицеров.

— Живей, Лакюль. Да поворачивайтесь же вы, — кричал начальник тюрьмы, бегая по кабинету и не замечая, что Лакюль уже выскочил из комнаты.

Через несколько минут тишину весенней ночи уже разрывал топот десятка лошадей и зловещий звон сабель скачущих вслед за рыбаком жандармов.

По дороге рыбак рассказал Лакюлю, как беглецы попали в его руки. В кармане у него весело побрякивали два тяжелых наполеондора, только-что полученные от начальника тюрьмы.

— Меня зовут Жан Луи, из Радонека. Вечером, значит, — рассказывал он, — да нет, луна уже взошла, стало быть, часу уже во втором, стучат двое. Один — старый, сердитый, ух, какой сердитый! Другой — молодой, черный. Старый на меня глазами как сверкнет и говорит: «Налаживай парус: отвезешь в море—озолочу». А сам кошельком трясет. Молодой ничего... Только вздрагивает при каждом шорохе. Я и так и сяк, еле уломал до свету подождать. Море, нужно сказать, нехорошее. Вон, слышите, и сечас ревет.

Внизу под скалами действительно ревели разбивающиеся волны. В черной дали на востоке по небу протянулась туманая розовая полоса. В неясном утреннем свете угасали огни далекого маяка...

Через полчаса, проехав маяк, рыбак остановил лошадь и сказал Лакюлю:

— Слезай, ваше благородие. Здесь сподручней пешком добраться.

Приближающийся звон шпор и сабель Бланки принял за галлюцинацию.

Он только-что проснулся среди ворохов сена и сладко потянулся. Первая ночь на свободе прошла в истоме глубокого сна.

До сеновала донесся шум приближающихся шагов. Потом внизу чей-то заглушенный шопот... Бланки высунулся в слуховое окно.

Жандармы! Сеновал окружен! Бланки принялся тормошить спящего Казавана.

— Казаван! Да проснись же ты.

— М-м... Что тебе?

— Мы попались...

Казаван вскочил на ноги.

Через минуту в дверце сеновала показалось дуло карабина; вслед за ним осторожно просунулась голова жандарма.

— Сдавайтесь! — отчаянно закричал жандарм

— Прими карабин, олух. Я сейчас сойду. — отозвался Бланки.

Делать было нечего. По шаткой приставной лестнице один за другим Бланки и Казаван спустились вниз.

Первым Бланки увидел красавца Лакюля. Бравый жандарм радостно щурил глаза и поглаживал пушистые усы.

Пленников окружили. Бланки вяло и безразлично снимал с одежды прилипшие соломинки. Казаван озирался по сторонам. Он все искал глазами Жана Луи. Рыбака нигде не было.

Когда беглецов уводили, Жан Луи осторожно выглянул из двери своего дома.

На скрип разом оглянулись Бланки и Казаван. Казаван поднял худой костлявый кулак.

— А, предатель! — крикнул он рыбаку.

Дзерь хлопнула, и предатель исчез.

XXVI
СТАРИК

На долю Бланки выпало испытать больше, чем может вместить жизнь одного человека. Он прошел весь путь от пламенных надежд до самого горького разочарования и в людях, и в их делах. Он видел слепоту масс, способную только на внезапные взрывы, и лицемерие, ничтожество и прямую подлость тех людей, за которыми так охотно шел народ.

Со времени неудачного бегства с «Прекрасного острова» прошло семь лет. За это время одна тюрьма сменяла другую: за подземельями крепостного замка на «Прекрасном острове» шли вонючие руины корсиканской тюрьмы, затем тягостная ссылка в знойную Африку.

Амнистия вернула Бланки в Париж.

Но какой невиданный Париж! Среди наглой роскоши императорской столицы Бланки чувствовал себя более одиноким, чем в тюремной камере.

Франция отдыхала. Пленительный звон золота подчинил себе все интересы. О революционной горячке 1848 года вспоминали так, словно от нее отделяли не двенадцать лет, а целое столетие.

Бланки как-будто упал с другой планеты. Он требовал действия, борьбы, нового взрыва. В ответ он слышал только одно слово: терпение.

— Терпение! — отвечал он. — Мне ли это говорят... Терпение всегда нужно; покорность — никогда.

Явился к нему с увещеваниями и его сын. С того дня, как Бланки уходя из дому поднимать восстание, 12 мая 1839 года.

поцеловал маленького Эвсеба, прошло двадцать четыре года. За это время отец и сын виделись всего три или четыре раза. Отец томился в тюрьмах, сын рос мирным буржуа в семье архитектора Серра. Не удивительно, что ни один из них не мог понять другого.

При встрече в 1863 году оба чувствовали полную отчужденность и неловкость. Эвсеб предлагал отцу поселиться вместе с ним в имении и зажить там покойной и мирной жизнью доживающего свои дни буржуа.

— Ведь тебе почти шестьдесят лет, отец. Ты — старик, — сказал он, когда исчерпал все доводы. — Подумай об этом. Не растрачивай последних сил на всякие безумства.

Бланки вздрогнул, как от удара. Он — немощный старик! Его хотят отправить на покой!

Он пристально посмотрел на мешковатого провинциала, начинающего уже жиреть, несмотря на молодые годы. Этого взгляда было достаточно, чтобы заставить Эвсеба сконфуженно заморгать своими сонными глазками. Сын уехал к себе в деревню один. А Бланки остался в Париже.

«Старик» — так называли Бланки собравшиеся вокруг него друзья, но они вкладывали в это слово другой смысл — снова принялся за работу. Слово Бланки только один раз успело прозвучать в прокламациях к рабочим, как тюремные стены снова поглотили его.

На этот раз, впервые за столько лет, Бланки удалось бежать. Он скрылся в Бельгии. С чужбины он руководил своими сторонниками, с таким трудом собранными за короткое пребывание в Париже. Бланкисты, сорганизованные и на этот раз в тайное общество, втихомолку вели свою подпольную работу. Они готовили восстание. Оно состоялось и повторило неудачу 1839 года: триста смельчаков не могли увлечь за собой весь Париж.

Бланки не угадал только сроки. Через месяц после неудачного восстания, 4 сентября 1870 года в Париже вспыхнула революция, и знамя республики снова взвилось над ратушей.

На этот раз республика родилась в необычайной обстановке. Империя пала, обессиленная войной с Германией[1]. Полки Мольтке уже стояли твердой ногой в северо-восточных провинциях Франции. Париж был под ударом. Первое республиканское правительство было создано как «правительство национальной обороны».

Снова опрокинутый трон в Тюильери, восторженные толпы на улицах, манифестации у ратуши, деревья свободы, фригийские колпаки, красные ленты, кокарды и цветы на шляпах, на блузах, на знаменах и штыках — и надо всем могучие звуки марсельезы. Какая знакомая картина! И в довершение сходства — те же «республиканцы поневоле» в ратуше.

Бланки вышел из своего убежища, где после восстания он скрывался от наполеоновской полиции. Тотчас же со всех сторон к нему сбежались его единомышленники. При первой встрече с ними он был необычайно оживлен. Словно не замечая нетерпеливых вопросов и взглядов, он бегал по комнате, улыбался и затевал ничего не значащие разговоры то с тем, то с другим. Хорошо знавшие Бланки догадались: «Старик что-то готовит».

Наконец он остановился у окна, вспрыгнул на высокий подоконник и обвел взглядом всех присутствующих.

— Ну, друзья мои, что же мы предпринимаем? Мы снова живем в республиканском государстве...

Все поглядывали друг на друга в ожидании, кто заговорит первый. Бланки не стал дожидаться. Лицо его стало сразу холодно и сосредоточенно.

---

[1] В Франко-прусскую войну (1870—1871) Наполеона III вовлекли завоевательные стремления и желание укрепить пошатнувшееся влияние в Европе. Пруссия же видела в войне средство к окончательному объединению Германии под своею властью Первые бои показали бездарность наполеоновских генералов и гнилостность всей империи. После ряда поражений недовольство Франции монархическим режимом настолько усилилось, что первая весть о разгроме французских войск при Седане вызвала революцию и крушение империи. Низложенный император после революции пытался возвратить себе престол при помощи прусских штыков.

— Хорошо. Я буду говорить, — сказал он, соскакивая с окна.—Итак: перед лицом наступающего на Париж врага не должно быть ни партий, ни разногласий. Сейчас перед нами только одна задача — изгнание врага из пределов Франции.

Для многих это было полной неожиданностью. Бланки подает руку правительству Тьера? [1] Ведь он слишком хорошо знал цену этому республиканцу. С Бланки пытались спорить, но он твердо стоял на своем. На следующий день бланкисты выпустили обращение к народу.

«Правительство, вышедшее из великого движения 4 сентября, — писали они, — олицетворяет идею республики и национальной обороны. Этого достаточно. Всякое противодействие, всякое противоречие должно исчезнуть во имя общего блага. Сейчас имеется только один враг—пруссаки и их сообщники, сторонники низвергнутой династии, которая стремится водворить старые порядки при помощи прусских штыков...»

Под этим воззванием первой стояла подпись Бланки.

А 7 сентября вышел первый номер газеты Бланки: «Отечество в опасности».

Название газеты было не случайное. Слова эти были лозунгом 1792 года. Тогда пруссаки и австрийцы вторглись во Францию, чтобы подавить революцию и восстановить разрушенный ею трон. На это вторжение революционная Франция ответила всеобщим вооружением народа, и контрреволюционные полчища были изгнаны.

И теперь, как и тогда, во времена Великой революции, на всем лежал отпечаток войны. О ней кричали газетчики, говорили на улицах, в кафе, в домах, о ней писали правительственные афиши и официальные сообщения. Каждый день Париж читал известия с фронта: «Наши войска с боем отошли на приготовленные позиции»; «под давлением пре-

---

[1] Тьер — политический деятель, еще в первые годы царствования Людовика-Филиппа прославившийся в качестве министра внутренних дел жестоким подавлением восстаний рабочих. С еще большей, неслыханной жестокостью была им разгромлена Парижская коммуна.

восходных сил неприятеля наши войска отошли...» Каждый день приносил весть о новых поражениях. Кольцо стягивалось все туже. Париж готовился к отражению последнего удара. Вокруг города росли форты и устанавливались пушки. Играли сигнальные рожки, били барабаны, собирая батальоны национальных гвардейцев. На площадях шли учения.

Бланки надел кепи командира батальона национальной гвардии. В длинном черном плаще, с саблей на боку, он маршировал во главе своих солдат на учении, расставляя караулы, вел свой батальон на укрепления, рыл окопы. Он жил одной жизнью со всем городом.

И все же очень многим людям он оказался неудобен. Республиканские чиновники в мэриях, штабах и интендантствах при виде Бланки не могли скрыть своего раздражения. Он приходил туда прямо с фронта или учений забрызганный грязью, в пыли, с налипшей к сапогам вязкой глиной. Он подходил к столу и говорил:

— Для моего батальона нужно...—И шло длинное перечисление всего, что нужно было батальону.

Требования шли ото всех батальонов, нехватка была во всем, но ни один командир не был так настойчив и требователен, как Бланки. Он знал одно: ко времени осады Париж должен быть всем обеспечен, и если войска будут терпеть в чем-либо недостаток, то это — вина чиновников, штабов и правительства.

Надев кепи, Бланки не стал слепо повинующимся солдатом. Приказу он подчинялся только в строю. Когда кончал работу командир батальона, появлялся Бланки оратор, журналист, политик.

Война прибавила ему еще одно качество: он стал стратегом. Над его столом в редакции висели две карты: фронт и Париж. Перемещавшиеся каждый день флажки на картах все резче отмечали несоответствие между движением немцев и ходом работ под Парижем. И каждый день приносил Бланки обильный материал для критики правительства и военного командования.

Редакция помещалась в маленькой комнатке в типографии, где печаталась газета. Здесь всегда была такая толчея, стоял такой гам и было так накурено, что Бланки не мог понять, как тут могут работать. Подходя к двери, он каждый день останавливался и раздраженно отмечал: «Опять орут» Лишь только он показывался на пороге, тотчас же воцарялась тишина. Одни уходили, другие принимались за дело. Окна отворялись.

Бланки погружался в свою работу. Он не слышал шума типографии: ни голосов, ни хлопанья дверей, ни беготни корректоров и наборщиков. Но стоило кому-нибудь заговорить громче обычного, Бланки нетерпеливо поднимал голову, и говоривший умолкал на полуслове.

Однажды дверь с улицы с шумом распахнулась, и в редакцию влетел Флотт. Он только-что приехал из Америки; Бланки он не видал с процесса в Бурже и радостно бросился к старому другу.

— Бланки! — вскричал он. — Здравствуй, друг!

Бланки с обычной раздраженной гримасой повернулся на зов. Флотта он тотчас же узнал, хотя они не виделись двадцать лет.

— А это ты, Флотт, — равнодушно сказал он. Не вставая, он протянул Флотту руку и тотчас же снова погрузился в работу.

Растерявшийся Флотт отошел и сел в сторонке. Глухая обида заставила его опустить седую голову.

День ото дня Бланки становился все сумрачнее. Все шло из рук вон скверно. Под гром новейших дальнобойных орудий немцы надвигались на Париж. Республика не имела дальнобойных орудий; даже ружья и те были чуть ли не кремневые. Но была живая сила, сотни тысяч людей, готовых защищать республику.

Правительство должно было поднять всю Францию и прежде всего поголовно вооружить Париж.

Бланки требовал всеобщего вооружения — правительство оставалось глухо и немо.

Бланки критиковал командование — его обвиняли в том, что он сеет недоверие и панику.

И очень скоро Бланки раскрылось истинное положение вещей: «правительство национальной обороны» не желало обороняться; вооруженного народа оно боялось больше, чем контрреволюционных полков.

Бланки писал: «Временное правительство — лишь бледная тень империи. В свою очередь оно больше боится революции, чем Пруссии, и принимает меры против Парижа, прежде чем принимать их против Вильгельма... Так пусть же знают: примирение не значит для республиканцев порабощение контрреволюции. Они хотят единства для блага, а не для разрушения республики».

Гроза надвигалась. Подвоз к Парижу становился все более затруднителен. Цены на продукты росли с каждым днем. Рабочему населению грозил голод.

Бланки требовал реквизиции всех запасов и равномерного их распределения между населением. В ответ раздавались крики: «Смутьян! Грабитель!»

8 октября произошла первая демонстрация с лозунгом:

— Да здравствует коммуна!

— Грабители! Разбойники! Пруссаки!—такими возгласами встретили гвардейцы буржуазные батальоны демонстрантов.

Криками: «Предатель! Пруссак!» Буржуазия преследовала Бланки. Его имя стало так ненавистно, как и в 1848 году.

На фронте поражение следовало за поражением. Париж негодовал. Демонстрации все учащались.

31 октября громадные толпы весь день не отходили от ратуши. Знамена, плакаты, крики повторяли все те же слова:

— Да здравствует оборона!

— Да здравствует коммуна!

Под вечер Бланки был в клубе. Только-что оконченная речь утомила его. Он опустился в кресло в глубине эстрады. Яркая лампа над столом президиума слепила глаза. Бланки закрылся от нее рукой.

— Бланки! Где Бланки? — услышал он вдруг чей-то взволнованный голос.

Он открыл глаза и увидел только-что взбежавшего на эстраду национального гвардейца.

— В чем дело? — неохотно отозвался Бланки из кресла. Солдат подбежал к нему.

— Я за вами, — зашептал он. — Флюранс[1] арестовал министров. Ратуша занята его стрелками. Вас требуют туда немедленно. Народ избрал вас в правительственную комиссию.

Бланки вскочил. Известие о перевороте пришло совершенно неожиданно: никто его не подготовлял.

Бросив несколько слов председательствовавшему Лакамбру, Бланки быстро вышел вслед за национальным гвардейцем.

В городе чувствовалась тревога. Толпы людей шумно и беспорядочно текли к ратуше. На Грэвской площади Бланки оглушили крики толпы. С балкона кто-то говорил.

Бланки удалось пробиться к лестнице ратуши и подняться на первый этаж. На площадке он наткнулся на стену мундиров. Его отбросили назад вместе с толпой, пытавшейся проникнуть в зал заседания.

«106» — заметил Бланки на эполетах солдат. «Гвардейцы из Сен-Жерменского предместья», — мелькнуло в его уме.

Бросившись в сторону, он толкнул какую-то дверь и очутился в пустом кабинете.

— Бланки! — закричал кто-то около него, и вслед за ним в комнату вбежали двое молодых рабочих и сопровождавший его солдат.

— Ты видел этих «аристо»?[1] — крикнул один из них Бланки.

— Видел... Как они влезли сюда? Где Флюранс? Где его стрелки? — набросился на них с вопросами Бланки.

---

[1] Флюранс—инициатор восстания 31 октября. Впоследствии он стал членом Парижской коммуны и был убит во время защиты Парижа.

[2] „Аристо"—сокращенное слово аристократ на языке революционного Парижа.

Он оказался отрезанным от залы, где собирались члены правительственной комиссии. Флюранс арестовал министров и сам был заперт в зале контрреволюционным батальоном, занявшим площадку лестницы.

— Собрать войска... Сейчас же выгнать эту банду! — вскричал Бланки.

Он сел за стол и написал приказ батальонам рабочих кварталов тотчас же выступить и занять ратушу.

— Беги, друг, живей, — сказал он, отдавая бумагу гвардейцу. — Спасай положение, пока не поздно.

Солдат бомбой вылетел из двери.

— Товарищи, за дело! — продолжал Бланки, обращаясь к оставшимся. — Немцы не должны знать о перевороте. На укреплениях чтобы не было никакого замешательства. Заставы запереть. Соберите людей, чтобы разнести приказы.

Кабинет Сенского департамента превратился в штаб нового правительства. Оказавшиеся в толпе на лестнице революционеры сбежались сюда. Вокруг Бланки все зашевелилось.

Но было поздно. Не успел Бланки хоть сколько-нибудь наладить работу, как перевес сразу оказался на стороне правительства.

В кабинет ворвался Флотт.

— Бланки! — закричал он. — Ты здесь? 106-й увел арестованных.

— Кого?

— Трошю [1]

— А, тысяча чертей!.. Бланки стукнул рукой по столу и вскочил. — Проход свободен?

— Да. Идем к Флюрансу.

В длинном обитом желтым штофом зале царил полный хаос. Толпа и стрелки плотным кольцом окружали стоявший в глубине комнаты стол. На зеленом сукне стоял офицер в высоких ботфорах и в мундире национальной гвардии. Его

[1] Трошю—военный министр и глава „правительства национальной обороны". Ему принадлежит план обороны Парижа, столь неудачный, что столице Франции пришлось очень скоро капитулировать.

был Флюранс. Он кричал что есть мочи и все же не мог заставить себя слушать. Толпа ревела.

После долгих усилий Бланки удалось пробраться к столу. Увидев его, Флюранс соскочил на пол и бросился навстречу.

— Смотри, что тут делается, — прохрипел Флюранс, беспомощно указывая на новоднявшую зал толпу.

— Где остальные? — спросил Бланки.

— Здесь Майяр, Делеклюз...

— Министры?

— Оставшиеся вон там. Их стерегут.

В глубине залы за столом, тесно сдвинув кресла, сидели министры.

— Хорошо. Пусть сидят.

В зал стремительно влетело десятка два вооруженных людей.

— Да здравствует коммуна! — кричали они.

Бланки чуть не сбили с ног. Он ухватился за Флюранса, чтобы не упасть. Им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Когда Бланки хотел вернуться в кабинет, площадка оказалась снова занятой национальными гвардейцами. При появлении Бланки кто-то крикнул:

— Вот он! Бланки! Предатель!

Несколько рук схватили Бланки. Он чувствовал, как его бросало, давило и мяло. В ушах стоял звериный рев. Это продолжалось несколько минут. У Бланки все плыло перед глазами. Он терял сознание.

Очнулся он на скамье в коридоре. Чья-то рука протянула ему стакан воды. Бланки схватил его. Дрожащая рука расплескала всю воду. Несколько капель освежили все же высохшие губы. Рядом кто-то стонал. Бланки увидел человека, прижимавшего руки к лицу; по бороде его стекали капли крови.

Бланки хотел встать на ноги, но пошатнулся и упал на скамью. Перед ним мелькнул шитый воротник, и он услышал:

— Старичку дурно... Ребята, тащи его на воздух.

Бланки снова схватили. Он беспомощно повис на руках солдат. Его поволокли к выходу. Ноги стукались о ступени лестницы.

Внизу тащивших Бланки гвардейцев остановила ворвавшаяся в ратушу толпа. Завязалась драка. Мундиры, сапоги, шпоры, яростно поднятые кулаки сплелись в один клубок. Какой-то громадный детина, обхватив отбивавшегося солдата, со всей силой ткнул его в дверь. Солдат вылетел.

Из глубины коридора рванулся выстрел. Пороховой дым заволок дравшихся.

— Ребята, сюда! На помощь! — раздались отчаянные голоса.

За ними последовал оглушительный топот. К Бланки подбежали. Какой-то человек наклонился к нему.

— Ну, товарищ Бланки, хорошо, что мы вас отбили. С этими канальями из 17 вам пришлось бы худо.

XXVII
СНОВА ТЮРЬМА

Восстание 31 октября окончилось поражением.

Ночью в том же зале, где арестовали министров, членов правительственной комисси Коммуны окружили буржуазные батальоны национальной гвардии. Чтобы не вызвать уличных боев, правительство согласилось освободить своих врагов и впредь не преследовать их. Слова своего оно не сдержало: через несколько дней начались аресты.

Бланки скрылся. Вместе со всем Парижем он голодал, холодал, жил под непрерывной угрозой рвущихся во всех концах города снарядов.

Теперь Париж знал, на чьей стороне правда: на стороне ли Трошю, клявшегося выгнать немцев, или на стороне Бланки, подвергавшего планы Трошю резкой критике. И все же Бланки еще раз испытал на себе плоды народной слепоты: на выборах даже клубы отказались выставить его кандидатуру. Как и в 1848 году, Париж вновь отвергал Бланки.

В середине февраля Бланки бежал из Парижа, чтобы в провинции продолжать борьбу против немцев и правительства.

В его отсутствие судили главарей восстания 31 октября. Бланки был заочно приговорен к смертной казни.

Сам он находился в это время на юге в маленьком городе Люлье. 17 марта в его квартиру постучали. Это был прокурор в сопровождении стражи. Маленький домик со всех сторон оцепили гвардейцы.

Прокурора провели в спальню. Бланки, с тяжелым бронхитом, в жару, уже несколько дней не вставал с постели. Ухаживавшая за ним сестра попробовала умилостивить ретивого прокурора.

— Как вы его заберете, господин прокурор, когда он болен, очень болен... Ведь он двинуться не может.

— Ну что же, сударыня... Дойти до тюрьмы — для этого и у больного хватит сил.

Бланки арестовал как-раз накануне 18 марта 1871 года, того дня, когда Париж провозгласил Коммуну. Один из самых горячих коммунаров оказался в руках контрреволюционного правительства, бежавшего из Парижа в Версаль.

Коммуна все сделала, чтобы вырвать Бланки из рук версальских палачей. В ее тюрьме находилось семьдесят четыре заложника, среди которых находился архиепископ парижский. Версальскому правительству предложили обмен. Переговоры длились бесконечно долго. Архиепископ писал главе версальского правительства — Тьеру — одно письмо за другим, на обмене настаивали иностраные послы, настаивала Коммуна. Тьер неизменно отвечал отказом. В середине мая Коммуна поручила Флотту снова отправиться в Версаль с письмами архиепископа.

13 мая Флотт явился в здание префектуры, где расположилось версальское правительство. Тьер согласился принять его.

«Только не горячиться... Нужно быть дипломатом», — повторял старый революционер, подходя к кабинету диктатора. Флотту недавно стукнуло шестьдесят лет, но он был

так же горяч и необуздан, как и в дни молодости. Этой горячности он боялся больше всего; ведь дело шло о жизни Бланки, а за Бланки Флотт отдал бы все, что только мог.

Наконец перед ним открылась дверь в кабинет Тьера.

Маленькая, плотная фигура в сером сюртуке терялась за слишком обширным и тяжелым столом. Тьер взял письма и привычным движением сорвал печати.

Флотт не спускал с него глаз. «Брр... и труден же будет разговор с этим карликом. Будь осторожен, старина».

— Обмен невозможен, — услышал Флотт скрипучий голос Тьера. — Жизнь его преосвященства не может быть в опасности. Это — ошибка.

— Господин архиепископ хорошо осведомлен и не может ошибаться, — ответил Флотт.

— Но это было бы чудовищно, — взвизгнул Тьер.

«Ага. На этот раз разобрало и карлика», — обрадовался Флотт. И так же холодно и вежливо он возразил:

— От вас зависит спасти его.

— Я только этого и хочу. Но скажите, какие основания считать жизнь его преосвященства в опасности?

— Причина проста: поведение генералов версальской армии по отношению к солдатам Коммуны.

— Это — заблуждение, роковое заблуждение. — Голос Тьера стал вкрадчив и мягок. — С инсургентами обращаются как с военнопленными...

— В чем Париж не заблуждается,—прервал Тьера Флотт,— это в тройном убийстве — Дюваля и двух его лейтенантов. Парижу хорошо известно и о расстреле восьмидесяти четырех гвардейцев генералом Галиффэ.

В зорких, чересчур широко, как у совы, расставленных глазах Тьера мелькнуло беспокойство. Он откинулся на спинку кресла и резко переменил тему разговора.

— Вопрос об обмене дважды обсуждался в совете. Завтра утром я снова поставлю его на обсуждение военной комиссии.

— Господин архиепископ рассчитывает на ваше влияние...

— Он ошибается. В согласии с советом я могу многое, но без его одобрения я бессилен что-либо сделать. Кстати, я и не знаю господина Бланки. Мне передавали, что он очень умен и опасен и что он примыкает к самым крайним революционерам.

Тьер не мог, конечно, не знать Бланки: в течение почти сорока лет оба они были слишком заметны в политической жизни страны, хотя и находились всегда в противоположных лагерях.

На следующий день с восьми часов утра Флотт ожидал Тьера в приемной зале префектуры. Снаружи доносился грохот проезжающей артиллерии. За окнами на подстриженнной лужайке дворцового парка шло полковое учение. Флотт смотрел и ничего не видел перед собой. Его мысли были сосредоточены на одном: отдаст Тьер Бланки или нет?

На плитах паркета застучали мелкие шажки Тьера. Флотт вскочил и подошел к нему. Версальский диктатор, не останавливаясь, бросил на ходу:

— Обмен невозможен. Комиссия считает, что отдать Бланки равносильно тому, чтобы подкрепить восставших армейским корпусом.

— Но, господин Тьер...

— Впрочем, вы можете передать господину архиепископу, что со дня на день все может измениться. Я приму все меры, чтобы вырвать его из тюрьмы.

Тьер взялся за ручку двери, чтобы скрыться в кабинете.

— Господин Тьер! Если вы отдадите Бланки, Коммуна согласна освободить всех заложников.

— Это безразлично, — отозвался Тьер с порога кабинета.

— Если вы подпишете приказ об освобождении, все семьдесят четыре заложника будут завтра в Версале.

Тьер только пожал плечами и скрылся за дверями.

Переговоры были кончены: Бланки оставался в руках версальского правительства.

«А, проклятый карлик...»—повторял Флотт, сжимая кулаки.

Версальское правительство крепко держало Бланки. Может

быть, в Версале стало известно то, что Коммуна после неудачи переговоров ассигновала пятьдесят тысяч франков на организацию побега. Поэтому ли или просто из страха Бланки решили упрятать так, чтобы ни одна живая душа не пролезла к нему. С юга его перевезли на север, к морю, в замок Торо.

Бланки увидел Францию из-за решотки тюремного вагона. Версальцы и пруссаки были здесь хозяевами. Усиленный конвой не спускал с узника глаз. В министерство, Тьеру летели телеграммы: «Миновали Перигэ, Гуэ, Сомюр... Проехали Анизер, Понт, Рейн...»

Франция Тьера пропускала Бланки сквозь строй брани, злобных выкриков и угроз. Чем дальше на север, тем демонстрации становились ожесточенней.

Собиравшуюся на станциях враждебную толпу приводил в неистовство седой, изможденный старик, стоявший за окном в вагоне. Бланки равнодушно смотрел на воющую толпу, на поднятые кулаки и палки. В криках: «Разбойник! Предатель!» провинциальные буржуа и фермеры изливали неистовую злобу против человека, в течение сорока лет являвшегося неумолимой угрозой их собственному благополучию.

Конвой у дверей вагона удовлетворенно хихикал.

На рассвете 24 мая закрытая высокими бортами лодка доставила Бланки в замок Торо.

Снова крепостные стены, высокие своды, бойницы, подъемные мосты, узкие дворы и громадный каменный ящик — десять метров в длину и пять метров в ширину. Камера лежала ниже уровня земли; в ней было темно и сыро. Из крошечного оконца Бланки мог видеть только сапоги двух беспрерывно шагавших вдоль стены часовых. В этом погребе Бланки охраняли с таким усердием, что в час его прогулки вся стража выстраивалась с ружьями наготове и даже подъемный мост поднимался, отрезая всякое сообщение с внешним миром.

В день приезда Бланки комендант прочел ему полученную из министерства инструкцию:

«Приказываю стрелять в узника при малейшей попытке к побегу. Если же будет сделана извне попытка к освобождению, то приказываю немедленно пристрелить заключенного, чтобы нападающим достался только его труп.

— В наши дни, — ответил ему Бланки, — таких попыток не делают. А если бы и решились на это, то кроме моего трупа—вы это понимаете—будут и трупы солдат гарнизона.

— Я это знаю, — ответил комендант.

Бланки находил в себе силы еще смеяться над тем, как его стерегли.

«Подумайте, какую я представляю опасность, — писал он в письмах к своим друзьям: — ужасный старик, который едва держится на ногах, может ведь повалить и убить на платформе тюремщика и часовых, сбежать по лестнице, зарубить стоящего в дверях с обнаженной саблей солдата, а на следующем этаже—часового, пройти через коридор, уничтожая на пути стражу, выбить дверь в кордегардию, уничтожить восьмерых солдат, дежурящих там, опустить своими силами подъемный мост, броситься в море и плыть до берега под огнем ружей уцелевших пятнадцати солдат и девяти осадных пушек крепостных батарей. И чтобы совершить все эти подвиги, заключенный имеет в своем распоряжении пару деревянных башмаков и собственные кулаки».

К счастью, в этом погребе Бланки оставался недолго. После разгрома Коммуны его повезли в Версаль, судили и перевели в тюрьму Клерво. Громадный погреб заменили каморкой в два метра длины и полтора ширины.

В этой тюрьме Бланки протомился еще много лет. За это время рухнули баррикады Коммуны, дважды расстрелянный—немцами и Тьером—Париж залечивал свои раны. Над ратушей вновь трепалось трехцветное знамя республики.

Через несколько лет Париж вспомнил и о Бланки. Поднялись голоса, требовавшие освобождения вечного узника. Агитация приняла такие широкие размеры, что вслед за Парижем откликнулся Лион, потом Марсель и другие города юга. В палату полетели петиции. Два года шла осада министерских

кабинетов, и только в 1879 году президент республики подписал указ об освобождении Бланки.

В тюрьме приказ был получен 10 июля поздно вечером. Утром на следующий день в контору тюрьмы вслед за надзирателем вошел маленький старик, сгорбленный, дряхлый, с трудом волочащий ноги. Навстречу ему поспешила ожидавшая его старушка, такая же маленькая и такая же седая, как и он.

— Софи!

— Огюст!

Брат и сестра — ей было 76 лет, а ему 74 года — упали друг другу в объятия.

Опираясь на руку старшей сестры, Бланки вышел на залитый солнцем двор. В последний раз он покидал тюрьму. Под замком в крепостях, тюрьмах и казематах он провел тридцать семь лет — половину своей жизни. Солнце играло в вышине, приветствуя первый день свободы. Бланки медленно ковылял по двору, постукивая палкой о гулкие каменные плиты. Старики улыбались друг другу и по-детски сердечно радовались долгожданной встрече.

Перед ними распахнулись тяжелые ворота, и часовой протянул руку за пропуском.

— Проходите.

На улице ждала карета. Помогая один другому, старики забрались внутрь и опустились на мягкие подушки.

— Кучер, на вокзал!

XXVIII
ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Сколько дорогих улыбающихся лиц, сколько протянутых для пожатия рук, сколько радостных встреч... С первого же дня приезда в Париж маленькую гостиную в квартире сестры, у которой остановился Бланки, весь день наполняла толпа. Сюда сбежались со всего города старые товарищи по тюрьмам, революционным клубам, тайным обществам, вос-

станиям и демонстрациям. Шумной толпой они окружили кресло, где сидел их «Старик» — слабый, старый, с воспаленными глазами и изборожденным морщинами лицом. Он говорил так тихо, что его едва было слышно. Иногда он вставал и, тяжело опираясь на палку, делал несколько шагов по комнате и затем снова тяжело опускался в кресло.

— Доканали старика. — Старые друзья с тяжелым чувством выходили от Бланки.

Но «Старик» не сдался. За очень короткое время жизни на свободе он так окреп, что стал неузнаваем. В глазах снова заиграли лукавые искорки; на палку он опирался только по привычке; иногда он совсем забывал о ней, и тогда его шаг становился так же легок и стремителен, как тридцать лет тому назад. Только голос его стал слабей и глуше.

Для Бланки началась новая, необыкновенная для него жизнь. Двухгодичная агитация за его освобождение сделала его необыкновенно популярным. Где бы он ни появлялся, его приветствовали, чествовали и славили.

Через месяц после выхода из тюрьмы он отправился на юг, в Бордо, чтобы поблагодарить город, избравший его депутатом. На вокзале его встретила огромная манифестация. Увидев около вокзала толпу, он обратился к своему спутнику:

— Что это такое?.. Манифестация, крики, знамена...

— А ты не слышишь: «Да здравствует Бланки!» — ответил тот. — Ведь это тебя встречают.

— Меня?

На лице Бланки было написано такое изумление, что его спутник расхохотался.

— Ну да, тебя, — повторил он.

Теперь и Бланки услышал приветственные крики. На его воспаленных от тюремной сырости и тьмы глазах навернулась слезинка. Бланки поскорей смахнул ее: он устыдился своей слабости. Выпрямившись, с шляпой в руке он быстро прошел к карете.

Во время его поездок по югу всюду происходило одно и то же. Из вагона его выносили на руках. На банкетах он дол-

жен был выслушивать славословия. Его засыпали цветами. В Марселе молодежь хотела выпрячь лошадей из его кареты.

— Товарищи, не нужно... Это слишком...—повторял он. Но толпа неистовствовала вокруг него. И он отвечал ей доброй, благодарной улыбкой. Да и как ему было не радоваться, когда за всю свою жизнь он впервые слышал искренний и горячий отклик толпы.

Все знаки внимания, почет, овации не заставили Бланки забыть о самом главном. Как и каждый раз по выходе из тюрьмы, так и теперь он обратился к окружавшим его старым соратникам с обычным призывом:

— Ну, товарищи, за дело!

Первым его делом было создание большой газеты для рабочих. Он назвал ее: «Ни бога, ни властелина», словами, которые были лозунгом всей его жизни.

Бланки и продолжал дело всей своей жизни.

Во Франции утвердилась республика. Для Бланки этого было недостаточно. Он требовал от республики защиты интересов не буржуазии, а рабочего класса. Его друзья не раз слышали от него:

— Не обольщайтесь видимостью... Ох, как много остается еще сделать.

Опять началась лихорадочная работа. Редактирование газеты, статьи, выступления, речи, поездки по провинции.

Даже для Бланки это оказалось не под силу.

Однажды поздно вечером Бланки возвращался домой с большого собрания рабочих еще взволнованный горячими спорами. Он быстро поднялся по лестнице и вошел в квартирку, которую он занимал со своим другом. Несмотря на поздний час, его ждало несколько человек.

— Ну, друзья мои, и порадовали же меня, можно сказать, сегодня, — заговорил он, войдя в комнату. — Какой позор! Подумайте: после стольких революций, после стольких лет борьбы еще и теперь приходится доказывать, что у рабочего класса может быть только одно знамя—красное, революционное.

А ведь есть еще рабочие, которые пугливо прячутся за трехцветным буржуазным знаменем.

Быстро глотая давно остывший ужин, Бланки с жаром рассказывал о собрании, где он отстаивал красное знамя.

— Опять, как в 1848 году: борьба за знамя,—сказал кто-то.

— Да, да. Ты прав... История повторяется.

Бланки бросил салфетку и встал.

— Я...

Бланки произнес что-то невнятное. Дрожащей рукой он провел по лбу. Вдруг он покачнулся. Руки его как бы искали в воздухе опоры. И, как скошенный, Бланки рухнул на пол.

Когда его подняли, он был без сознания. Лицо стало мертвенно бледно. Из-под густых бровей безжизненно смотрели остановившиеся глаза. Рот перекосила судорога.

— Врача!..

Через четверть часа в квартиру вошел доктор. Привычным жестом он приложил трубку к груди больного и напряженно заморгал глазами.

— Удар...

Сознание не возвращалось к Бланки. Пять дней он пролежал без движения. У его постели безотлучно находилась старушка-сестра. Иногда она наклонялась над ним.

— Огюст!

На нее смотрели пустые, мертвые глаза.

На пятый день наступило полное оцепенение: все тело было разбито параличом. Стоявшие у постели друзья прислушивались к тяжелому дыханию. Вдруг по всему телу пробежала судорога. Губы зашевелились. Умирающий хотел что-то сказать. Но из горла вырвался стон... Снова судорога. И все было кончено.

Это было в 9 часов вечера 1 января 1881 года.

КОНЕЦ

